



ИСТИНА

СВЯТЫХ

ДИЛОГИЯ *Dovefire*

ЭНН МАЛКОМ

Энн Малком

Истина святых
(Доверие #2)

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл после прочтения. Спасибо.

Название: Энн Малком, «Истина святых»

Переводчик: Татьяна Н

Редактор: Виктория К

Вычитка и оформление: Виктория К

Обложка: Виктория К

Переведено для группы: <https://vk.com/bookhours>

Аннотация:

Танец окончен.

Начинается битва.

Разбитые сердца никогда не заживают. Особенно когда их сломали на части, разорвали в клочья. Ей не следовало в него влюбляться. Она обещала, что не сделает этого. Стелла знала правила, когда все началось.

«Я никогда тебя не люблю», — сказал он...

Но он солгал, ведь в его мире нет ничего, кроме боли и ненависти. Он сильный человек, а любовь делала его слабым и беззащитным. Он любил ее. Темные, уродливые, извращенные части его души любили ее. И эта любовь была пыткой. Вызывала привыкание. Словно кислород. Но этого недостаточно.

Его жизнь была постоянной борьбой. Но он никогда ни за кого не сражался. Пока не встретил ее.

Он понимал, что отравляет ее. Приговорил ее к жизни, которой она не заслуживает. Это ее погубит. Но у него нет другого выбора. Он старался стать хорошим человеком, и отпустить ее. Но не смог без нее жить.

Он будет бороться за нее. До самой смерти. Он её вернет.

Он не хороший человек.

Он злодей.

Злодей, который нуждается в ней. Который не остановится ни перед чем, лишь бы вернуть ее. Он докажет, что его жалкое, черствое сердце умеет по-настоящему любить.

+18

(в книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера)

Любое копирование без ссылки

на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1

ГЛАВА 2

ГЛАВА 3
ГЛАВА 4
ГЛАВА 5
ГЛАВА 6
ГЛАВА 7
ГЛАВА 8
ГЛАВА 9
ГЛАВА 10
ГЛАВА 11
ГЛАВА 12
ГЛАВА 13
ГЛАВА 14
ГЛАВА 15
ГЛАВА 16
ГЛАВА 17
ГЛАВА 18
ЭПИЛОГ

ГЛАВА 1

Джей

— Черное платье, черные волосы, накаченные сиськи, пьет «Космо» у бара. Джей откинулся назад и наблюдал, как его охранник идет сквозь толпу на танцполе к женщине, которую он описал.

Он ненавидел призрака, который преследовал его в этот момент. Дежавю. Он слишком долго размышлял о том, что потерял. Что выбросил. Хотя она никогда не была его. Не совсем. Ей нравилось лишь то, что он показал, а не его истинное «я». Он показал ей проблески зла внутри себя, и кем был на самом деле. Ей это нравилось. Потому что она любила порочные вещи. Или, по крайней мере, думала, что любит. Джей был умным человеком... Он был достаточно умен и понимал, что Стелла никогда не сможет полюбить его до глубины души.

Он был безрассуден, эгоистичен и опасен. Он мог бы объединить холодную, расчетливую, мощную и смертоносную жизнь, которую создал, с теплом и светом, которые принесла Стелла.

Но, в конце концов, она бы возненавидела его.

А он бы возненавидел себя за то, что не отпустил ее. За то, что разрушил все её мечты, за то, что Стелла разрушила все будущее, которое у нее могло быть с другим мужчиной.

Джей сжал кулак. Одна мысль о том, что другой мужчина коснется кожи, которую он пометил, кожи, которой он владел, разожгла его кровь. Он захотел причинить боль — убить — любого мужчину, который думал, что имеет право на то, что принадлежит ему.

Он отпустил ее для того, чтобы она нашла человека, который дал бы ей то, что она заслуживает, но Джей хотел убить любого, кто посмеет это сделать. Он стремился контролировать все аспекты своей жизни, но не мог контролиро-

вать себя, когда дело касалось Стеллы.

В ее отсутствие он не мог контролировать себя.

Он знал, что говорят люди. Его сотрудники как из законного, так и из незаконного бизнеса боялись босса еще больше, чем раньше.

Джей не спал. Как только он покинул свой офис в центре города, он пришел сюда до закрытия. Затем, когда ночь окутала самые глубокие тени, отправился делать то, что можно сделать только в темноте. Вещи, которые он скрывал от Стеллы. Вещи, которые разъели бы ее любовь, как эрозия на скалах.

Мягкое жужжание открывающихся дверей лифта и стук каблучков по полу прервали мысли Джея. Ну, не совсем. Ведь он всегда думал о Стелле. Ее отсутствие было черной дырой в голове. Отвлекала его. А это опасно, особенно с учетом беспорядков на его территориях. Сейчас не время отвлекаться.

Вот почему девушка с фальшивыми сиськами неторопливо вошла в его кабинет. Он не прикасался к другой женщине уже несколько месяцев. Единственная женщина, к которой он хотел прикоснуться, была на другом конце гребаного мира и вне его досягаемости.

— Мистер Хелмик, — промурлыкала женщина перед ним.

Настоящее мурлыканье. Она была похожа на кошку. Взгляд острый. Хитрый. Знающий.

Она знала, кто он. Знала, в чем дело. До нее тоже дошли слухи. Скорее всего, она надела платье, которое облегало ее грудь, как вторая кожа, именно для того, чтобы сегодня вечером попытаться заманить крупную рыбу. Если не его, то кого-нибудь с солидным банковским счетом, кого можно обмануть и заставить думать, что он правда нравится девушке. Или кого-то умного, кто трахнет ее без зазрения чувств.

Именно к таким женщинам он стремился до Стеллы. Предсказуемые, голодные и поверхностные. Те, кто охотится за деньгами и готовы сделать все, что угодно, лишь бы достичь желаемого. Джей не осуждал и не винил этих женщин; он ценил их и наслаждался ими. Поскольку их мотивы ясны и просты, все проходило легко. Ведь они готовы подчиниться любой его прихоти, готовы принять любую форму, которая, по их мнению, ему больше всего понравится.

— Раздевайся, — потребовал он, все еще сидя в кресле, все еще видя Стеллу, стоящую там, говорящую о своей кошке и о том, что она забывает про дни рождения людей.

Женщина не колебалась. Она улыбнулась так натренированно, что у большинства мужчин бы члены дернулись и вылезли из штанов.

Под ее платьем ничего не было.

Она не спорила. Не боролась. Никакого гнева. Никакого возмущения. Только голод. Но она хотела не его. А того, что может от него получить.

Стелла подчинилась ему, когда он произнес это слово в своем домашнем офисе. Но она делала это с яростью. Делала это, несмотря на все свои лучшие инстинкты, и она делала это, потому что у нее не было выбора. Как и он, она попала в ловушку нитей между ними двумя

Красные нити судьбы.

«Она будет извиваться и запутываться с течением времени, жизни, обстоятельств. Но она никогда не разорвется. Красная нить всегда будет их связывать».

Воспоминание вызвало физическую боль, и Джею пришлось сжать кулаки на столе, чтобы не швырнуть стакан виски в стену только для того, чтобы посмотреть, как что-то бьется. Ломается.

Глаза Джея метнулись вверх, заметив движение. Он даже забыл, что тут стоит обнаженная женщина. Она направлялась к нему. Прогуливалась, привычно покачивая бедрами.

— Я разрешал тебе двигаться?

Она тут же остановилась, лукавая усмешка тронула уголки ее искусственно припухлых губ.

Без боязни.

Джей жаждал создать страх. Использовать эту женщину и ее тело, дабы утолить голод, который горел в нем месяцами.

Ему хотелось что-нибудь сломать.

Он хотел сломать ее.

Просто потому, что мог. Если он это сделает, пути назад уже не будет.

Пути назад к ней — не будет.

— Уходи, — выдавил Джей, едва способный пошевелить ртом.

Она моргнула, улыбка все еще застыла на ее лице. Она не пошевелилась.

Джей тоже оставался неподвижен.

— Убирайся. Сейчас же.

Она вздрогнула от его тона, и он был рад.

Он не смотрел, как она одевается, не видел, как она бросила на него последний взгляд, и не наслаждался стыдом на ее лице. Он делал вид, что работает. Притворялся, что не тоскует по тому единственному, что потерял.

Затем, как только включили свет, а клуб опустел, он вышел в ночь, чтобы удовлетворить единственную потребность, которую мог: потребность причинять боль.

— Джейкоб, да ты у нас, оказывается, воришка, — сказал Джей ровным голосом. Он уставился на своего бухгалтера в сшитом на заказ костюме с бриллиантовыми запонками и Ролексами, купленными на деньги Джея.

Джейкоб быстро заморгал. Он боялся. Он знал, что встреча в три часа ночи на складе в пустынной части города не сулит ничего хорошего. Особенно когда ты виновен.

Другой бухгалтер проверял счета Джея раз в полгода. Обычно он сам это делал раз в три месяца. Но недавно он... отвлекся, и Джейкобу удалось украсть у него из-под носа. Три гребаных миллиона долларов.

Джей потрогал нож на подносе перед собой.

— Это впечатляет, — продолжил Джей, которому это уже наскучило. — Что ты достаточно храбр для кражи. — Он посмотрел на мужчину, который вспотел сквозь рубашку, хотя ночь была холодной. — Да еще и у меня.

— Мистер Хелмик...

Джей поднял руку.

— Я не разрешил тебе говорить. Сейчас, Джейкоб, ты меня выслушаешь.

Глаза Джейкоба зажмурились, и он заплакал. Эта демонстрация слабости, отсутствие мужества вызывало у Джея отвращение. Этот человек знал, что на-

рушил правила. Джейкоб знал Джея, когда начинал работать два года назад. Джей позаботился об этом. Он нанимал лучших. Мужчин без жен, детей, без кого-либо, кто скучал бы по ним, и кто смог бы стать осложнением. Если его бухгалтеры влюблялись, выходили замуж, Джей увольнял их с выходным пособием и заверениями, что они будут молчать обо всем.

Каждый из них знал, что они умрут, если перейдут дорогу бывшему боссу. Поэтому Джей не испытывал ни сочувствия, ни угрызений совести по поводу того, что сейчас сделает с этим человеком. У Джейкоба был выбор. Джей заплатил ему чертовски много денег, и тот мог бы уволиться в любое время, если бы захотел.

Он этого не сделал.

Вместо этого рискнул своей жизнью ради гребаных Ролексов и машины.

— Ты жадный, Джейкоб, — сказал Джей, рассматривая скальпель, который держал в руке.

Именно в этот момент Джейкоб попытался сбежать. Все они так делали в какой-то момент. Срабатывал инстинкт самосохранения, который не знал логики. Карсон, стоявший позади виновника, схватил его за плечи и усадил обратно на стул. Очень грубо.

— Пожалуйста...

— Я же сказал тебе замолчать, — отрезал Джей. Он отложил скальпель, внезапно почувствовав усталость, изнеможение. Затем вынул пистолет из наплечной кобуры и выстрелил в Джейкоба в упор. Тело обмякло и соскользнуло со стула. Джей вытер кровь с лица, прежде чем сунуть пистолет обратно.

Он едва взглянул на труп.

— Нам нужен новый бухгалтер, — сказал он Карсону.

Карсон кивнул.

— Я уже проверил троих.

— Убедись, что они не трусы, — проинструктировал Джей. — Мы можем нанимать преступников, но только не жалких подонков, которые не могут принять свою судьбу.

Джей пошел прочь, гадая, не относятся ли к нему эти слова.

Стелла

— Сейчас есть свободное время, так что я спрошу тебя о том же, о чем спрашиваю каждый вечер... Пойдем в паб, выпьем?

Я улыбнулась Бренту, доставая из сумочки ключи от арендованного автомобиля.

Складки вокруг его голубых, как океан, глаз углубились от дерзкой ухмылки, совершенно белой и прямой, за исключением одного кривого зуба, который делал ухмылку и его суровое лицо еще более красивыми.

Его голос был ровным, легким, дразнящим и казался бесконечно сексуальным из-за акцента, которым я была окружена ежедневно и который никогда не надоедал.

Брент был каскадером в шоу, над которым мы работали. Приехал с юга и был воплощением сурового горца. Я не знала, правда ли он житель гор, но выглядел именно таким. Он был преступно привлекателен со светлыми волосами, загаром и мышцами, выпирающими из рукавов выцветшей футболки.

Брент часто улыбался, и создавалось ощущение, что он может починить все, что сломается поблизости. Именно это он и делал много раз на съемочной площадке. Его руки были мозолистыми и всегда в пятнах масла или грязи.

Но они не отличались от аккуратно ухоженных рук, которые с большей вероятностью были испачканы кровью.

Так что теоретически Брент был самым здоровым и безопасным вариантом для восстановления после плохих отношений. Черт, Брент был идеальным мужем. До этого соглашения я бы не позволила Бренту пригласить меня на свидание больше одного раза. Это человек, ради которого можно пересечь океаны.

По крайней мере, в другой жизни.

— Давай в следующий раз, — ответила я с улыбкой. Мое выражение лица было вымученным, натянутым и болезненным.

Его брови слегка нахмурились.

— Ты не сможешь вечно говорить мне «нет», дорогая. — Его тон все еще был дразнящим, но в нем чувствовалась грубость. Сексуальный подтекст, который усилился за последние месяцы. Это началось незаметно, с блеска в его глазах, когда он говорил со мной, случайных прикосновений и того, как он смотрел на меня. В последнее время это стало более напряженно, когда надвигался финал шоу.

Мне не было неловко от его внимания. Не было ничего развратного или подлого. Это было бы приятно, если бы не напоминало обо всем, что я потеряла. О том, чего у меня больше никогда не будет. О том, что моя способность любить порядочного и доброго мужчину навсегда испорчена.

Я грустно улыбнулась.

— Может быть, и нет, — согласилась я. — Но сегодня вечером все еще могу. — Я подмигнула ему и пошла к своей машине.

Его глаза прожгли мне спину.

Я вздохнула с облегчением, когда въехала на небольшое пространство в тени эвкалипта с пышными зелеными кустами слева от меня и садом с фонтаном и различными каменными статуями справа. Я рассматривала известняковую феечку с зеленью по крыльям, рядом с которой припарковалась, как свою подружку. Может быть, я немного схожу с ума? С другой стороны, она не говорила со мной, так что я не сошла с ума. По крайней мере, пока что.

После того, как хлопнула дверца моей машины, не было слышно никаких звуков, кроме низкого рокота волн. Ни рева машин, ни сирен, ни соседей. Конечно, я была в тридцати минутах езды от города — небольшой мегаполис Киллсмор, который состоял из трех отличных кафе, одного супермаркета и трех пабов — и где жила большая часть команды, но я поселилась прямо на берегу океана. Маленький подарок, который я нашла в интернете, будет пустовать ровно столько времени, сколько мне было нужно. Ближайший сосед находился в десяти минутах езды по грунтовой дороге. Когда я впервые последовала сюда за GPS, я нахмурилась, глядя на пыль, поднимающуюся от шин, на сельскохозяйственные угодья вокруг, думая, что приехала куда-то не туда.

Но потом проехала мимо богато украшенных железных ворот с вьющими-

ся вокруг растениями. Поехала по извилистой дороге, окаймленной деревьями, тщательно посаженными, чтобы скрыть коттедж от всего мира, чувствуя, что это будет моим личным убежищем.

Затем в поле зрения появился маленький домик. С красной рифленой крышей и крыльцом, по которому взбирались виноградные лозы, создавая впечатление, что природа поглотила дом. Розы всех цветов были посажены вдоль фасада с качелями на крыльце справа от красной входной двери. Повсюду большие окна.

Входная дверь выходила прямо на океан. По крайней мере, так казалось. Окна вдоль гостиной были от пола до потолка, почти не было стен, которые закрывали бы вид на пляж и воду. Этот океан цвета сапфира и аквамарина... не как тот, который я видела на другом континенте. В другой жизни.

Другой океан нес в себе воспоминания.

Если бы я была умной женщиной, которая хотела исцелиться, забыться, я бы покинула этот прекрасный рай, который напоминал о несчастном, болезненном прошлом, и нашла что-то другое. Что-то с видом на холмы, пейзаж Новой Зеландии, что-то ближе к городу. Но я этого не сделала. Я закрыла входную дверь, прошла через со вкусом обставленную гостиную и открыла раздвижные двери, вышла на балкон и вдохнула соленый морской воздух.

Теперь это стало чем-то вроде ритуала. После приветствия с феей, конечно. И после проверок цветов и посылок, которые я заказывала в два часа ночи после бутылки вина.

Затем входила внутрь этого нового места, которое становилось для меня домом, открывала двери и вдыхала слишком знакомый воздух. Он напоминал о человеке, который был незнакомцем, но знал меня лучше, чем кто-либо другой.

Затем я готовила что-нибудь на ужин, в зависимости от настроения, уровня энергии или наличия продуктов. Джанет, женщина, у которой я снимала коттедж, иногда заглядывала с корзинкой кексов, лазаньей, домашними мюслями, вишней или своим любимым вином. У нее были дикие ярко-рыжие кудри, морщинистая загорелая кожа и любовь к фиолетовому цвету. Ее голос был хриплым, свидетельствовал о привычке курить, от которой она отказалась пять лет назад. Ее муж умер шесть лет назад, и она поклялась, что никогда больше не выйдет замуж, но за ней бегают много ухажеров. Она мне все выложила как на духу. На мою вторую ночь здесь она приехала с двумя бутылками красного, едой и рассказами о своей жизни.

У нее не было детей, и я очень расстроилась, ведь любой бы захотел такую маму, как она. Теплая, уверенная, непримиримая. С моей стороны было некрасиво и жестоко желать, чтобы она была моей мамой. Желать, чтобы моя биологическая мать исчезла из моей жизни по эгоистичным причинам, лишь бы внутри меня не было тьмы. Я не хотела бояться своего собственного разума. Не хотела бояться своих собственных воспоминаний.

Но желание не принесет никакой пользы. И если бы моя мама не была моей, я бы не оказалась в офисе Джея или в его постели все последующие ночи.

И несмотря на то, сколько боли причинили мне те ночи, несмотря на то, как сильно он разрушил меня, я не хотела, чтобы у меня забрали воспоминания о нем.

Я наслаждалась ужином с Джанет один вечер в неделю. И воскресным

днем в саду. Я открыла холодильник, чтобы достать блюдо из баклажанов, которое она приготовила для меня, и еще вина, она уже знала, что я его поклонница.

Воздух стал холоднее. Лето уходило, уступая место осени, даже здесь, на вершине северного острова, где погода была теплее, чем в остальной части страны. Руки покалывало от мороза. Не только из-за погоды, но и из-за предстоящего финала шоу. Прошли месяцы. За лето я отлично загорела, несмотря на то, как часто пользовалась защитным кремом. Наверное, здесь какая-то дыра в озоновом слое. Из-за чего солнце было более резким, и я намного быстрее загорала.

Я уже обжигалась, так что боль от загара была приятна. Я превращалась в кого-то другого. Или, по крайней мере, внешне. Моя кожа была уже не персиково-сливочной, а более похожей на молочную карамель. Волосы стали длиннее, обесцвеченные суровым солнцем, в блонде почти не осталось рыжеватых оттенков. Я прибавила в весе, как и хотела. Если бы это зависело от меня, то я бы отказалась от еды, за исключением случаев, когда это было абсолютно необходимо, и питалась бы только кофе и вином. Но у меня есть Джанет. И Брент во время обеденных перерывов, приносящий полную тарелку со своей кривой улыбкой и непринужденной беседой. Я съедала всю тарелку, даже не осознавая, просто слушала, как он говорит, и лишь бы не рассказывать какую-либо информацию о себе.

Еда здесь была свежее. Чище. Я чувствовала ее вкус. Но не могла наслаждаться ею. На самом деле я ничем больше не наслаждалась. Даже компанией хорошего мужчины, сильной, успокаивающей женщины, красивыми пейзажами и добротой людей этой страны.

О, да, я была воплощением клише. Жила и работала в раю, ела превосходную еду, получала приглашения на свидания от невероятно красивых мужчин, но при этом не получала ни малейшего удовольствия.

Тем не менее, я выглядела хорошо. С постоянным загаром, с длинными волосами, с новыми формами. Но внутри я была вся в острых углах. Ровное дыхание резало меня на части. Боль не притупилась. Нисколько.

Я взяла бокал с сушилки рядом с раковиной. Мои глаза сфокусировались на единственной тарелке, кружке — теперь я пила чай — и единственном наборе столовых приборов.

Это были обычные вещи, которые причиняли боль. Говорили о том, что я живу в одиночестве. Как старая дева.

— Господи Иисусе, я говорю, как гребаная Бриджит Джонс, — пробормотала я себе под нос, открывая бутылку красного и наполняя бокал доверху. Я забила на правило, что нужно наливать наполовину.

Птички запели, когда я вышла из раздвижных дверей гостиной, вдыхая соленый воздух, который растирал все мои открытые раны. Было холодно, мне следовало вернуться и взять свитер, но я продолжала спускаться по выгоревшим на солнце деревянным ступенькам, которые вели вниз к песчаной дорожке, к пляжу.

К моему пляжу.

Казалось, что это мой океан.

Этот маленький коттедж — Бах, как его ласково называли в Новой Зеландии — располагался между акрами сельскохозяйственных угодий, которые

владелец отказался продавать, несмотря на выгодные предложения. Значит, единственным обитателем этого пляжа на многие мили была я. Это довольно захватывающе, смотреть на то, как земля изгибалась впереди, вдалеке вырисовывались горы, будто погружались в бирюзовое море. Последние лучи солнца слепили так же сильно, как океанский бриз.

Я потягивала вино, медленно прогуливаясь, ни на что не глядя и изо всех сил стараясь ни о чем не думать.

«Я грешник, милая. Ты это знаешь. Моя работа — это ложь. Само мое существование, — это череда недоразумений, тайн и предательств. Я никак не мог признаться ни тебе, ни себе, что способен любить. Потому что знал, что моя любовь будет твоим проклятием. Знал, что неизбежно влюблюсь в тебя. Знал, что разрушу твою жизнь, если буду тебя любить. Поэтому я солгал. Как настоящий грешник».

Воспоминание обожгло жаром, хотя воздух охлаждал мою обнаженную кожу.

Он был прав. Его любовь была проклятием.

— Хорошая ночка.

Я подпрыгнула, разворачиваясь в направлении голоса.

Передо мной стоял мужчина. Мужчина с пистолетом в руках.

ГЛАВА 2

Джей

Джей уставился на экран своего компьютера, когда двери лифта открылись.

Его рука автоматически потянулась к пистолету, который лежал в открытом ящике слева от него.

— Ты все еще здесь, — заявил раздраженный женский голос.

Джей отпустил пистолет и пристально посмотрел на девушку. Хотя он никогда не встречался с ней лично, он узнал Рен Уитни по фотографиям в социальных сетях Стеллы.

Вживую она была красивее, что о чем-то говорило, поскольку на фотографиях она получалась невероятно хорошо. Невысокая, миниатюрная, с угловатыми скулами. Красивые волосы. Глаза, в которых горел огонь, заставивший даже Джея внутренне вздрогнуть.

Он понял, почему Карсон был помешан на ней.

— Почему ты все еще здесь? — потребовала Рен, подбежав к его столу на шестидюймовых каблуках, положив ладони на поверхность. Она наклонилась, чтобы еще раз пристально посмотреть на него, сделав властный жест, на который даже у главы итальянской мафии не хватило бы смелости.

Джей был удивлен. Почти удивлен. В данный момент он был чертовски несчастен, и на другие эмоции не хватало сил.

— Я здесь, потому что это мой офис, — спокойно ответил Джей. Обычно люди, которые врываются в его кабинет без предварительной записи и без уважения, выводили его из себя и недолго оставались в этом мире. Однако сейчас все было по-другому. Это был кто-то, непосредственно связанный со Стеллой.

Лифт зазвенел. Карсон вошел, выглядя таким взволнованным, каким Джей

его никогда не видел. Его глаза сузились на спине Рен, на секунду остановившись на ее заднице, потому что, несмотря на ситуацию, Рен была его женщиной, и у нее была красивая задница.

Рен не оглядывалась, сверлила глазами Джея.

— Извините, сэр, — произнес Карсон, торопливо подходя к Рен. — Я избавлюсь от нее.

Но Рен посмотрела на Карсона, ее взгляд изменился, и одна идеально выщипанная бровь приподнялась.

— Пожалуйста, скажи, Карсон, милый, как ты собираешься избавляться от меня. — В этом был вызов.

Да, теперь Джей точно понял, почему Карсон был помешан на ней.

Потому что этот вызов, эта решимость, этот огонь... Джей тоже был помешан на этом. И это то, что он потерял.

Джей хотел ухмыльнуться, глядя на них двоих. Почти. Как бы сильно он ни хотел, чтобы у Карсона была хорошая женщина, как бы он себя ни чувствовал, Джей был бы абсолютно счастлив видеть всех остальных такими же чертовски несчастными, как он сейчас.

— Все в порядке, Карсон, — заявил Джей, спасая мужчину. Но все, чего он хотел, — это убрать их с глаз долой, чтобы его не дразнили тем, что он выбросил.

Карсон выдерживал пристальный взгляд Рен еще несколько секунд, прежде чем посмотрел на Джея, кивнул один раз и выпрямился. Он остался рядом с девушкой, напряженный и готовый к нападению.

Она снова посмотрела на Джея.

— Тебе нужно поехать к Стелле, — приказала Рен.

Джей старался сохранять невозмутимое выражение лица, даже когда впервые за несколько месяцев услышал ее имя вслух. Если бы он не тренировал себя лучше, он бы вздрогнул.

Он не ответил, потому что не знал, что сказать.

Рен продолжала свирепо смотреть на него.

— Ты знаешь, что она в больнице, верно?

У Джея кровь застыла в жилах, и внезапно в ушах раздался пронзительный звон. Он не помнил, как встал и обогнул стол. Он не был уверен, что сделал бы, если бы Карсон не встал перед ним.

Рука Карсона лежала на груди, а глаза были полны угрозы. И опасности.

— Отойди, Джей, — настаивал Карсон враждебным голосом.

Джей моргнул. За все годы, что Карсон работал на него, он ни разу не спорил с ним. Он был непоколебимо предан, принял бы пулю за него, убил бы за него, Джей знал это. Но прямо сейчас самое близкое, что у него было к другу, был готов уничтожить его.

Взгляд Джея метнулся к Рен, к которой он подошел... чтобы что? Схватить ее за горло, встряхнуть, причинить боль за то, что она вошла сюда, потратила его время впустую, выпендривалась вместо того, чтобы сказать ему, что Стелла в гребаной больнице.

Джей стиснул зубы. Его кровь горела. Рука Карсона все еще лежала у него на груди, удерживая. Джей испытывал искушение сделать что-нибудь глупое. Разгромить человека, которого он знал десятилетиями. И как бы Джей ни умел держать себя в руках, у него не было шансов против Карсона даже при

обычных обстоятельствах, и особенно когда тот защищал свою женщину.

Рен не выглядела так, будто нуждалась в защите. Она даже не выглядела испуганной. На самом деле, она выглядела так, словно все это смешно. Чертовски забавно. Пока Стелла лежит в больнице. Джей сжал кулак и сделал три глубоких, долгих вдоха, прежде чем отступить назад.

Карсон держался между ними двоими, не сводя глаз с Джея.

Джей не доверял себе, поэтому он обошел свой стол, взял телефон и набрал номер. Он даже не дал своей помощнице закончить приветствие.

— Забронируй билет на самолет в Новую Зеландию. Ближайшим рейсом. — Джей не сводил глаз с Рен, когда положил трубку.

Настала его очередь положить руки на стол, но не для того, чтобы показать силу, а потому, что внезапно он засомневался, выдержат ли его ноги.

— Расскажи мне, что ты знаешь, — процедил он сквозь зубы. В его глазах плясали черные точки.

Рен медленно ухмыльнулась, Джею пришлось несколько раз моргнуть, чтобы сфокусировать зрение. Джей, возможно, мало что знал об этой женщине, но знал, что она отчаянно заботилась о Стелле и не ухмыльнулась бы, если бы Стелле было больно или плохо.

— Я знала, что ты все еще любишь ее, — удовлетворенно ухмыльнулась она.

Джей уставился на нее.

— О чем, черт возьми, ты говоришь? — Он изо всех сил старался сохранить ровный голос и ровный взгляд.

— Я знала, что в ту секунду, когда ты подумаешь, что Стелле больно, то вытащишь голову из задницы и поедешь к ней.

Карсон положил большой и указательный пальцы на переносицу.

— Ты имеешь в виду, что с ней все в порядке? — медленно спросил Джей, не в силах замедлить сердцебиение, утихомирить рев.

Глаза Рен сузились.

— Конечно, она, черт возьми, не в порядке. Ты разбил ее сердце на миллион осколков, и она сбежала в глушь Новой Зеландии, где нет ни «Serphora», ни «Nordstrom». Она уж точно не в порядке.

— Она не в больнице? — медленно спросил Джей.

Теперь Карсон был настороже. Он уловил тон Джея, понимая, насколько опасен был трюк Рен.

Честно говоря, Джею чертовски хотелось что-нибудь сделать. Он, конечно, не бил женщин, но его так и подмывало встряхнуть дерьмо из этой сучки.

— Успокойся, — обратилась Рен к Карсону. — Он не причинит мне вреда.

— Как ты можешь быть так уверена? — тихо спросил Джей.

— Потому что ты знаешь, как много я значу для Стеллы, и ты бы не причинил ей вреда. Не больше, чем уже причинил. И ты, скорее всего, сделал это, пытаясь быть благородным или что-то в этом роде. Пытался защитить ее. — Она закатила глаза, глядя на затылок Карсона. — Клянусь, вы, гребаные крутые альфа-самцы, так одержимы благородством, стремитесь защитить нас от мира, от самих себя, что остаетесь слепы к тому факту, что ваша ядовитая мужественность больше всего нас губит. — Ее взгляд метнулся обратно к Джею. — Если бы ты подумал о немислимом, например... я не знаю, поговорил со Стеллой честно, выложил бы всё и позволил ей самой принимать ре-

шения о том, что для нее хорошо, а что плохо, мы не оказались бы в таком гребаном затруднительном положении. Но что есть, то есть. И ты едешь в Новую Зеландию.

Джей взвешивал ее слова. Жевал их. Обдумывал. Не было другого выбора кроме как прислушаться к такой женщине, как Рен. Джей никогда не встречал женщину — или мужчину, если уж на то пошло, — похожую на нее. Она привлекала внимание, не выказывала страха и, казалось, всегда была готова к драке.

Рен также не глупой или поверхностной, как может показаться на первый взгляд. Ни в коем случае.

— Нет, — наконец сказал Джей. — Я не поеду в Новую Зеландию. — Он посмотрел на Карсона. — Мы поедem.

Стелла

Я застыла, держа в руке бокал вина. Наверное, не следует просто стоять, когда сталкиваешься с человеком, держащим пистолет. Бежать, сражаться, вылить на него вино... любой вариант мог бы сработать. А не просто стоять там, как какая-нибудь тупая героиня фильма ужасов. С другой стороны, он не целился в меня из пистолета, он опустил его вниз, на песок, небрежно держа в руках, как будто это был французский багет.

Он дружелюбно улыбался, но, с другой стороны, я слышала, что у Теда Банди тоже были дружелюбные глаза. Он был одет в камуфляж. Оранжевый камуфляжный с длинными рукавами и коричневые брюки в стиле карго. Ужасно.

— Извините, если напугал вас, — сказал он хриплым голосом с фирменным новозеландским акцентом. — Я стреляю кроликов вдоль линии забора. — Переложил пистолет в одну руку, показывая на холмистые и неровные сельскохозяйственные угодья, граничащие с пляжем.

Я не посмотрела туда. Подумала, что лучше не спускать глаз с человека с пистолетом.

— Сегодня вечером поймал уже двадцать, — с гордостью поделился он, широко улыбаясь, обнажая блестящие ровные белые зубы.

Я чувствовала себя виноватой за то, что ожидала, что они будут пожелтевшими и кривыми. В остальном он был неряшливым, неопрятным, с бородой, которая серьезно нуждалась в стрижке, волосами цвета соли с перцем и обветренным лицом с розовыми щеками. Он не был высоким или мускулистым, не слишком пугающим — ну, если не считать пистолета.

— Увидел, как вы идете, и хотел подойти, предупредить, чтобы вы не пугались, если услышите пару выстрелов, — продолжил он, по-видимому, не обеспокоенный тем фактом, что я еще не заговорила.

— Это очень любезно, — медленно кивнула я, у меня пересохло во рту.

— Ты та самая янки (прим. пер.: за пределами США в настоящее время чаще употребляется как прозвище всех американцев — уроженцев США.), которая остановилась у Джанет? — спросил он.

Я снова кивнула, не зная, говорить ли человеку с пистолетом, где я остановилась. Одна. Безоружная.

— Я обязательно буду держаться подальше, не хочу попасть в тебя случайно, пока ты отдыхаешь. — Он кивнул на вино в моей руке, хихикая, глубоко и

гортанно. — Представь, приехала из опасной, вооруженной страны в маленькую старую Новую Зеландию и получила пулю вместо кролика.

Я сглотнула, натянуто улыбнувшись.

— Представила.

Шум волн был единственным, что на какое-то время нарушало тишину.

— Лучше пойду, — наконец сказал мужчина, приподнимая воображаемую шляпу.

Я ничего не сказала, только снова кивнула и неуклюже помахала рукой. Я смотрела, как он тащится по песку обратно на сельскохозяйственные угодья, а мое сердце бешено колотилось в груди.

Оно уже давно не билось так сильно и быстро.

Последний раз только с ним.

Джанет появилась у двери через несколько минут после моего возвращения. Прогулка заняла в два раза больше времени, так как я постоянно останавливалась и оборачивалась, чтобы убедиться, что за мной не следят, или вглядывалась в поля, надеясь, что я ни у кого не под прицелом.

Я тихонько взвизгнула, когда она постучала в дверь.

— Слышала, Стэнли тебя немного напугал, — прощепетала Джанет, когда я набралась храбрости и открыла дверь. Ее волосы были в беспорядке из рыжих локонов, глаза увеличивались из-за больших круглых очков в фиолетовой оправе. Джанет редко пользовалась косметикой, если не считать мазка яркой помады. Сегодня она была розовой. Ее кожа была загорелой и морщинистой от солнца, но почему-то все еще выглядела молодой.

На ней был забрызганный краской комбинезон, кофта, коллекция золотых и серебряных ожерелий и ярко-фиолетовые туфли от Чака Тейлора.

— Стэнли? — повторила я, отступая назад, чтобы пропустить ее внутрь.

Она направилась прямо на кухню, схватила чайник и отнесла его к раковине, чтобы наполнить.

— Да, Стэнли, с глоком, с которым ты столкнулась? — уточнила она, перекивая шум воды.

— Его зовут Стэнли? — спросила я, нахмурившись и усаживаясь за барную стойку.

— Ну да, — ответила она, включая чайник. — Почему у тебя такой удивленный голос?

Я пожалала плечами, сидя на барном стуле, радуясь ее компании.

— Не думала, что такого человека, как он, будут звать Стэнли.

Она гортанно рассмеялась.

— Стэнли никогда не оправдывает ожиданий. — Она схватила две кружки с крючков рядом с чайником. Достала два пакетика чая из банки, положила их внутрь, звеня многочисленными украшениями.

— Как ты узнала, что я встретила Стэнли? — спросила я.

— Он позвонил мне, — ответила она. — Сказал, что ты выглядела немного бледной, возможно, не ожидала увидеть его на пляже. Я подумала зайти, дабы убедиться, что с тобой все в порядке. — Она подошла к холодильнику, достала молоко, а затем начала заваривать чай — почти священная традиция новозе-

ландцев, как я узнала.

Это было завораживающе — наблюдать, как она заваривает чай, слушать звон ложек о кружки. Я наблюдала в трансе. Даже человек с пистолетом — конечно, пистолет, предназначенный для кроликов, а не для людей — не мог отвлечь мой разум от размышлений о прошлом, о нас, и о том, что я могла бы сделать по-другому.

— Самое верное средство от чего угодно, даже от головной боли и от разбитого сердца, — это чашка крепкого чая с тремя кусочками сахара, — с усмешкой сказала Джанет, протягивая мне дымящуюся кружку.

Я с благодарностью взяла ее, обхватив ладонями фарфор, согревая их. Если бы только это могло согреть мои внутренности, те места, которые омертвели и замерзли с тех пор, как он ушел от меня.

— Стэнли безобиден, — сказала она мне, потягивая свой чай.

Я приподняла бровь, глядя на нее.

— Немного странный, — добавила она, увидев, как я приподняла бровь. — Но безвредный. На самом деле он очень богатый человек, у него в гараже «Феррари» и недвижимость по всему миру. Он был частным подрядчиком, много работал в Центральной Африке.

Я бросила на нее взгляд.

— Это должно заставить меня чувствовать себя лучше из-за того, что он бродит по пляжу с пистолетом?

Она ухмыльнулась.

— Я живу с ним по соседству двадцать лет, и он меня не убил. Это заставляет тебя чувствовать себя лучше?

Я закатила глаза.

— Конечно, почему бы и нет?

Мы погрузились в дружеское молчание, потягивая чай и слушая плеск волн через открытую раздвижную дверь.

— Так ты будешь встречаться с Brentом? — спросила Джанет, она не из тех, кто довольствуется молчанием.

Я повернулась, чтобы уставиться на нее.

— Откуда ты знаешь, что Brent пригласил меня на свидание?

Она пожала плечами, ее глаза загорелись озорством.

— Маленький городок. Все всё знают. Я тоже любопытная. И выпила кофе с его матерью.

Мои глаза вылезли из орбит.

— Он рассказал обо мне своей матери?

Она рассмеялась.

— Конечно, нет. Он говорил о тебе в пабе, где Джон Эйткенс подслушал, а затем сказал об этом своей жене Сельме, которая, так уж случилось, ходит на силовую прогулку с Дженни, матерью Brentа.

— Господи Иисусе, — пробормотал я. — Маленький городок в Новой Зеландии дал бы TMZ шанс заработать большие деньги.

— О да, — согласилась Джанет. — Так ты согласишься? Дженни это бы очень понравилось. Она не очень любит бывшего Brentа — другими словами, чертовски ненавидит ее. Плюс, это дало бы мне больше причин убедить тебя остаться здесь.

— Остаться? — повторила я, глотая чай. — Я не могу здесь остаться. У меня

бизнес, друзья, семья, квартира и... — Я чуть не сказала «парень», но это было неправильно. У меня никого не было. И даже если бы мы все еще были вместе, нельзя назвать его своим парнем парнем. — И жизнь в Лос-Анджелесе, я не могу переехать сюда, это безумие, — продолжила я.

Джанет бросила на меня понимающий взгляд.

— Любовь заставляет совершать чертовски безумные поступки, дорогая.

Ее слова прозвучали правдиво, я глотнула чай, пытаюсь скрыть свою реакцию, надеюсь, что она была права, и сладкий чай поможет залечить мои раны.

— Да, но есть проблемка, — сказала я, наклоняясь вперед, чтобы поставить свою кружку на кофейный столик. — Я не влюблена в Брента.

Джанет обмакнула свое печенье, иначе известное как «крекер» здесь, в Новой Зеландии, — со вкусом имбиря и ореха.

— Еще нет, — сказала она, жуя. — Ты еще не влюблена в него. Но могла бы. Brent очень милый. И чертовски сексуальный, если уж на то пошло.

Я ухмыльнулась, привыкшая к подобным заявлениям Джанет. Что мне нравилось в здешних женщинах, так это то, что они любили ругаться. Это звучало потрясающе с их акцентом, и делало меня счастливой. Общество назвало ругательства «неприличными», потому что хотели, чтобы женщины говорили это мягким голосом и стеснялись. Мне нравилось окружать себя женщинами, которые создавали цунами.

— Да, он милый и привлекательный, — согласилась я. — Но не для меня.

Ее глаза сузились, когда она прожевала вторую половину своего печенья.

— А какой мужчина для тебя?

Меня не должно было удивлять, как много она видела. Я провела достаточно времени с этой женщиной — к моему огорчению, она понимала все, даже если я не разговаривала.

— Никакой. Больше нет, — сказала я, глядя в окно.

— Хммм. Я бы не была так уверена. Есть одна чертовски безумная вещь в любви. Ожидание.

Хуже всего было по субботам. Что ж, субботы на съемках, были довольно замечательными, но без работы все было зияющим и пустым. И по воскресеньям тоже. Но суббота была предвестником двух безрадостных дней, когда мой рай превратился в ад. Каждая тень напоминала его, каждое мгновение без его запаха, его прикосновения — чистая пытка. Потом я корила себя за то, что была такой жалкой женщиной, оплакивающей мужчину, который просто бросил меня и обращался со мной холодно и жестоко почти все время наших отношений.

Это был уродливый, жалкий и болезненный цикл. Но я справилась с этим, и это важнее всего. Я провела день, попивая кофе, наполовину выполняя онлайн-тренировку по пилатесу, стирая белье и пытаюсь вырвать сорняки в саду. Когда я поняла, что случайно вырвала цветы, я сдалась, устроившись на диване, желая посмотреть какое-нибудь реалити-шоу, чтобы пережить день.

Завтра все пойдет по новой, но, надеюсь, у меня будет похмелье, чтобы поспать, потратив впустую часть дня.

Да, я жалкая.

Мне было интересно, что он сейчас делает. Учитывая, что сейчас в Лос-Анджелесе уже за полночь, он, возможно, спит. Или, скорее всего, не спит. Наверное, развлекается с кем-то.

Эта мысль скребла у меня внутри.

Хруст колес по гравию вырвал меня из вечеринки жалости, мои глаза сузились в сторону двери, которую я оставила открытой, потому что планировала полить пару цветов.

Здесь жизнь была другой. Все было медленнее. Люди разговаривали с незнакомцами. Никто не запирали свои двери. Будучи девушкой из Лос-Анджелеса, я насмеялась над этим и продолжала запирали свою, по крайней мере, в течение первого месяца. Больше всего по привычке. Я не боялась быть здесь, в глуши, в одиночестве. Я больше многого не боялась. Забылась. Обленилась здесь, на дне мира. Однако это место, которое казалось таким мирным и безопасным, не было защищено от человеческого зла. И опасности.

Я сильно сомневалась, что человек, въехавший на мою подъездную дорожку, был каким-то маньяком или серийным убийцей, пришедшим за мной. Не из-за этого мой желудок опустился, не из-за этого мое сердце подпрыгнуло к горлу, а руки начали дрожать.

Это было потому, что я подумала кое о ком. О том, кто уже причинил мне много боли, и за кого я бы продала свою душу, чтобы тот снова это сделал.

Это была глупая надежда. Надежда маленькой девочки. Фантазия о том, что человек, который разбил мне сердце, вернется с осколками в руках, целым и невредимым и готовым собрать их обратно. Собрать меня воедино.

Это была не Джанет. Она водила грузовик, который ревел, грохотал и звучал, как гром на дороге.

Я не двинулась с места за то время, которое потребовалось незнакомцу, чтобы припарковаться, выйти из машины, подняться по ступенькам и войти в дверь. Потому что я стояла там, оцепенев от надежды, а не от страха.

В моей двери стоял не мужчина в костюме за десять тысяч долларов. Нет, жизнь так не сложилась. Там была женщина ростом мерт-семьдесят, на пятнадцатисантиметровых каблуках, одетая в Шанель и с дерьмовой ухмылкой.

— Клянусь, черт возьми, я думала, что приеду и найду тебя в какой-нибудь лачуге, и мне придется накачать тебя лошадиным транквилизатором, чтобы вытащить отсюда, — нахально сказала она, окинув меня взглядом.

Я пересекла гостиную одновременно с ней, встретившись посередине, где мы обнялись, как будто прошло полжизни с тех пор, как мы видели друг друга. Для нас так оно и было. Это было самое долгое время, которое я когда-либо проводила вдали от подруг. Я была слишком поглощена своим разбитым сердцем, чтобы понять, как сильно я скучала по ним до этого момента. Этот мужчина не мог разрушить меня, разорвать на части. Нет, у мужчины не было такого права. Даже у него.

Подруги хранили мои ценные кусочки, и Рен вернула один крошечный кусочек обратно. Она крепко обняла меня, и я вдохнул ее аромат. Тот, который сделали специально для нее. Тот, который был уникальным и идеальным для Рен.

— Рен! О, боже мой, что ты здесь делаешь? — спросила я, дольше обнимая ее, чем обычно.

С другой стороны, в этой ситуации не было ничего обычного. Я никогда не

была так далеко от дома, никогда не была в стране без близкого друга, без поддержки, совершенно одинокой. В чем, конечно, и был смысл. Мне пришлось уехать подальше от любимого человека, который разбил мне сердце. Но из-за этого я забыла, как важны подруги, помогающие исцелять разбитые сердца. Или, по крайней мере, помогли отвлечься от боли.

— Карсон здесь с Джем, потому что наши гангстеры не могут путешествовать по одиночке, — объяснила она. — Или ездить по «делам», — процитировала она. — Это говорит Карсон всякий раз, когда ему приходится убежать от меня в ночи, — фыркнула она. — Как будто я дура какая-то, думаю, что он отправляет гребаные факсы в офисе. — Рен покачала головой. — Короче, я думаю, что это просто оправдание. И еще, думаю, что Джей просто в ужасе от того, что ты его отвергнешь, и ему нужна была некоторая моральная поддержка на случай, если он улетит домой без тебя. Конечно, он никогда бы в этом не признался. Я уверена, что он отрезал бы себе конечность, лишь бы не признаться в подобном.

Я быстро заморгала от ее слов. От имени, которое она произнесла, то самое, о котором мне не разрешалось думать. Мое сердце бешено колотилось в груди. Он здесь. В той же стране, что и я. Но он не рядом. По какой бы то ни было причине. Это не потому, что он боялся — этот человек ничего не боялся. Он играл в какую-то игру. Наверное. Просто еще одна игра.

Рен дала мне обдумать всего лишь секунду.

Ее каблук цокали по деревянному полу, пока она исследовала мою квартиру.

— Уютно. Шик в... деревенском стиле. — Она посмотрела в окно на набегающие волны. — Хороший вид, — сказала она тоном, который могла произнести только женщина, повидавшая все самые изысканные достопримечательности мира. Благодарная в каком-то смутном, пресыщенном смысле.

Рен развернулась, не сводя с меня глаз.

— Самый важный вопрос для темы, которую мы обсудим, отвергнешь ты Джея или нет, где алкоголь? Чем крепче, тем лучше.

Я уже направлялась к холодильнику, слишком хорошо зная свою подругу. Плюс, мне хотелось выпить после такого наплыва информации.

— У меня есть вино из всех лучших виноделен в округе. У меня не было времени сходить во все, но мне подсказал один парень, — объяснила я, доставая бутылку из холодильника.

— Ты замутила с тем парнем из продакшна? — спросила Рен, ухмыляясь.

Я достала бокалы из шкафа.

— Нет, он гей. Но я его обожаю, и я бы обязательно родила ему детей, если бы он попросил, — пошутила я, наливая по бокалу вина.

Рен с радостью взяла свой.

Мое горло слегка обожгло от шутки. Дети. Мои. Наши. Именно то, ради чего все это случилось. Ну, одна из причин. Я не настолько глупа, чтобы поверить, будто один небрежный комментарий был единственной причиной, по которой мы разошлись.

— Когда вы прибыли? — спросила я, страстно желая расспросить о нем все, что могла. Где он? Как он себя чувствует? Как он выглядит? Он сломлен, замучен, изменился?

С другой стороны, Рен не могла дать мне эту информацию, потому что Рен

никогда с ним не встречалась. По крайней мере, когда мы были вместе. Очевидно, я многое упустила, раз она теперь с ним общается.

— Самолет приземлился около двух часов назад, — ответила она, взглянув на свои часы с бриллиантами. Я точно знала, что часы неправильно показывали время. Рен не была человеком, который жил по часам. Ей просто нравились блестящие вещи.

Я уставилась на нее.

— Почему ты так выглядишь после пятнадцатичасового перелета? — Я махнула рукой на ее идеально волнистые волосы, влажную кожу и безупречный наряд — белый костюм.

Рен расстегнула пиджак, бросив его на спинку дивана, обнажив обтягивающую майку.

— Хорошие лекарства, бесконечное количество воды и сна в кресле, которые полностью откидываются в первом классе, — ответила она, подмигнув. — Плюс, Карсон трахнул меня, когда все спали. Я очень рекомендую оргазмы в воздухе; творит абсолютные чудеса для кожи.

Я рассмеялась, ни на мгновение не усомнившись в ней. Потом присмотрелась к ней поближе. Я еще не видела, чтобы Рен выглядела ужасно. Даже когда она была самой пьяной — что часто случалось пару лет назад, учитывая, что она была настоящей тусовщицей, — она выглядела замечательно.

Но теперь в ней было что-то другое. Что-то в глазах. Они сияли. Счастье исходило от нее так, что даже самые дорогие средства по уходу за кожей или инъекционные препараты не могли имитировать все это.

— Ты счастлива, — заметила я. — С Карсоном. Ты любишь его.

Рен мгновение посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, полными чего-то похожего на страх, прежде чем откинула голову назад и рассмеялась.

— Конечно, нет, дорогая. Я не могу его любить. Я люблю своих подруг, прекрасное вино, бриллианты, частные самолеты и ботокс. Только не мужчин. Никогда.

Я посмотрела на свою подругу, услышав твердость в ее словах. Она очень старалась убедить меня, но гораздо труднее было убедить саму себя. Я не собиралась разрушать ее карточный домик, зная, насколько уязвимой незащищенной она чувствовал себя, когда он рушился.

Вместо этого я понимающе кивнула.

— За твоё здоровье, сучка! — Рен сменила тему, чокнувшись своим бокалом с моим и изобразив улыбку. — За нас. Потому что мы потрясающие.

— За нас, — ответила я с улыбкой.

Мы оба потягивали вино, и я наслаждалась прохладной жидкостью, скользящей по моему горлу. Рен смотрела на меня почти так же, как я смотрела на нее.

— Ты хорошо выглядишь, милая. По крайней мере, снаружи. Загар. Кожа выглядит лучше, чем когда-либо. Твои руки будут соперничать с руками Мишель Обамы. И за твой наряд можно умереть. Да, внешне ты выглядишь чудесно, как обычно. Будто уже отошла от того бардака, который устроил Джей. Но я знаю тебя слишком хорошо, чтобы поверить в то, что вижу на поверхности.

Мне пришлось сжать кулак, чтобы держать губы поджатыми. Рен назвала

его по имени. Она сказала, что он здесь. И сказала это так, как будто все в порядке.

Мне хотелось схватить ее за худые плечи и вытрясти из нее всю информацию. Простое упоминание его имени превратило меня в дикую, отчаявшуюся, жаждущую психопатку.

Но это была моя подруга. Одна из моих самых лучших друзей. Которую я нежно любила. Которую не видела несколько месяцев. Так что я заперла свое дерьмо подальше.

Почти.

Ее рука потянулась, чтобы сжать мою, все веселье стерлось с ее лица. Рен проделала очень хорошую работу, показавшись тщеславной и поверхностной тем, кто хотел это увидеть. Но она была исключительно глубокой. Многие чувствовала. Вот почему она так долго занималась самолечением. Большинство детей из трастового фонда в Лос-Анджелесе обладали очень слабым эмоциональным интеллектом или эмпатией, потому что у них была роскошь и не было нужно бороться с чем-то. У Рен была своя собственная борьба, свое собственное прошлое, и это делало ее еще более потрясающей.

— Как дела? Правда? — спросила она, ее глаза изучали мое лицо.

Мой кулак все еще был сжат. Как бы мне ни хотелось спросить о нем, потребовать знать, что он здесь делает, почему его здесь нет, мне нужно было поговорить о другом. Я уехала из страны, никому не сказав о том, что случилось. Я избегала любых телефонных звонков, отправляла сообщения, полные лжи, и держала язык за зубами со всеми на работе, кто пытался расспросить о моей личной жизни. Я осторожно рассказывала о себе, отвлекая вопросами, и, к счастью, съемочная площадка была так занята, что времени на светскую беседу оставалось не так уж много.

Я была вулканом, кипящим, дымящимся месяцами, и доброе лицо подруги, нежный голос и простое присутствие стали причиной извержения. Все было связано с Джемем. Его присутствием в моей жизни. Его тьма, бросающая тень на все. Моя потребность в нем. Моя любовь к нему. Его отсутствие.

Я не остановилась, чтобы подумать о себе. Рен дала мне это понять. Навязывая разговор о нем.

— Я чувствую себя виноватой, — прошептала я. — За то, что испытываю такую боль. За то, что была такой сломленной без него. Я должна быть в состоянии сказать себе — и поверить себе, — что моя ценность, вся моя сущность, не разрушена мужчиной. Что я контролирую свое счастье, что в моей жизни полно всех других видов любви и изобилия.

Я сделала паузу, прикусив губу и на мгновение выглянув в окно.

Я оглянулась на Рен.

— Но я не могу. Не могу так думать, потому что это чушь собачья. Неважно, сколько времени прошло без него, несмотря на то, как недолго он был в моей жизни, он пробудил часть меня, а потом забрал все, когда уходил. Я ненавижу себя за то, что скорблю таким потакающим своим желаниям способом. Есть женщины, которые потеряли детей. Которым поставили смертельные диагнозы, которые пережили нападения — женщины, которые имеют дело с реальными вещами, которые разрушают их жизнь. А не гребаный разрыв отношений.

— Остановись, — прошипела Рен. Ее глаза горели гневом, что было совсем

не свойственно ее лицу. — Ты не можешь преуменьшать свою боль или свое горе из-за того, что другие люди в мире страдают. Ты не можешь корить себя за то, что так сильно любила. Что ты рискнула чем-то. Самое смелое, что ты можете сделать, — это не просто позволить кому-то любить тебя, а снова полностью погрязнуть в любви всем своим телом. И ты чертовски хороша, детка.

Она пристально посмотрела на меня, убеждаясь, что слова прозвучали правильно, давая мне время, чтобы сделать большой глоток вина.

— Конечно, ты чувствуешь, что твой мир теперь пустой, — продолжила она. — Не потому, что ты сделала этого человека своим миром, а потому, что ты переплела его мир со своим. Он пустил в тебя корни точно так же, как и ты в него. Вырвав, ты оставила пустые места, которые никогда больше не зарастут, потому что ты никогда больше этого не почувствуешь. Даже если все произойдет так, как я хочу, то есть он будет ползать на четвереньках, умоляя тебя о прощении, с бриллиантовым кольцом. — Она пожала плечами. — Конечно, я бы и другие способы извинения подсказала.

Я ухмыльнулась.

— Так великодушно с твоей стороны.

Она снова налила мне вина.

— Даже если все так и случится, даже если все, чего я хочу для тебя, сбудется, это уже никогда не будет прежним. Он не заполнит все дыры, которые оставил, не залечит все раны, которые нанес. Но произойдет что-то еще. Что-то прекрасное. Но прямо сейчас речь идет не о том, кем вы двое можете стать. Речь идет о женщине, которой ты сейчас стала. Через все эти страдания и боль. Через все ужасные уроки, которые может преподнести разбитое сердце.

Я моргнула, глядя на нее.

— Господи, Рен. Тебя навестил Йода, пока меня не было?

Она ухмыльнулась.

— Нет, я просто смотрела много эпизодов Опри.

— Ты летела с... ним? — спросила я. Я хотела произнести его имя. Быть сильнее всего этого. Но не могла. Очевидно, я не стала сильнее. Не сейчас.

Лицо Рен смягчилось.

— Да. Он купил мне билеты. Конечно, я сказала, что я Уитни, могу сама купить свои чертовы билеты. Могу купить весь этот чертов самолет, если захочу, но этот ублюдок такой настойчивый. — Ее глаза дразняще блеснули. Со знанием.

Я поймала себя на том, что ревную. Мою замечательную, верную и добрую подругу. Злобно ревную к тому, что она говорила с ним. Что она вообще его знает. Несколько месяцев назад я хотела, чтобы она познакомилась с ним. Но как с моим мужчиной. А не с тем... кем бы он ни был сейчас. Гнев клокотал у меня в животе, выходя из-под контроля.

— Я позволила ему купить билеты. — Пожала она плечами. — Но потом купила все остальные билеты первого класса. Просто чтобы дать понять, что его член не больше моего. — Подмигнула она.

У меня пересохло во рту. Мне хотелось улыбнуться при виде Рен, играющей в игры с человеком, который привык к страху и подчинению. Но не могла улыбнуться. Я сделала глоток своего вина. Большой.

— Почему он хотел, чтобы ты приехала? — спросила я все еще грубым голосом.

Лицо Рен смягчилось.

— Потому что, милая, он знает тебя. Хорошо. Он знал, что придет сражаться за тебя. А мудрый человек не вступает в бой без секретного оружия. — Она указала на свою грудь. — Секретное оружие. Но он думает, что я за него. Дело в том, детка, что я твоя. Я здесь не для того, чтобы бороться ради него. Я всегда буду здесь только для тебя. Так что, если хочешь, выпьем вино до конца, скажи мне, что ты полностью забыла о нем и хочешь разрушить его жизнь за то, что он так поступил, и я соглашусь.

Она встала с барного стула, никогда не умевшая долго сидеть на одном месте, и принялась расхаживать по гостиной.

— Захочешь сказать, что влюбилась в симпатичного новозеландца и продолжишь свою жизнь здесь, я поспорю, но спланирую твою свадьбу, — сказала она мне, когда взяла пресс-папье в форме обнаженной женщины и одобрительно кивнула, прежде чем положить обратно.

— Если же ты позволишь ему сражаться, позволишь ему победить, мы будем сидеть здесь и пить. Уверена, что позже нам еще многое предстоит сказать и сделать.

Я поджала губы. Я уже знала, что хочу сделать. Рен тоже знала. Иначе ее бы здесь не было. Она бы подбросила наркотики в чемодан Джея и позаботилась о том, чтобы его либо задержали на границе, либо даже не смогли покинуть США.

Так что, мы напились.

ГЛАВА 3

Стелла

Он пришел за мной той ночью.

Я проснулась от его поцелуев на шее.

И я не боролась с ним. Ни капельки.

Позже могу проклинать себя. Наказать свое предательское тело, свою слабую душу за то, что впустила его без боя. Не требуя возмещения за то, что он забрал, не требуя мести за то, что он сломал.

Но это будет позже.

Нужно сосредоточиться на настоящем моменте.

Я глубоко вдохнула запах мускуса, кожи, его самого. Это действовало как химическое вещество. Как наркотик, расслабляющий все мое тело, но в то же время разжигающий огонь. Это действовало как кислород, без которого я не могла жить. Мое тело ожило в ту секунду, когда его губы коснулись моей кожи, в тот момент, когда его запах вторгся в мои чувства.

Джей не произнес ни слова, хотя мне до боли хотелось, чтобы от его голоса у меня задрожали кости. Он знал, что я этого хочу. Жажду. Нуждаюсь в этом больше, чем в дыхании. Но он мне этого не давал. Он не хотел, чтобы я спокойно дышала.

Его руки потянулись к моей груди, но они не скользнули под шелк, не коснулись моей кожи. Нет. Вместо этого они разорвали тонкую ткань. Прямо по середине.

Я ахнула от жестокости. Конечно, подобные вещи происходят в фильмах, в

книгах, но не с ним. Джей наслаждался контролем. Он никогда не проявлял никаких внешних признаков своего голода по мне. Его руки и губы, огонь в его глазах, который я не могла видеть этой безлунной ночью. Мне до боли хотелось раствориться в них, но я не могла пошевелиться, чтобы дотянуться до света. Да, Джей показал, что хочет меня, но он никогда не выходил за рамки правил, которые сам установил для себя. Правила, которые я выучила.

Но сейчас не было никаких правил. Был голод, ненасытная потребность от нас обоих, загустевшая воздух, не позволяя говорить и дышать. Его губы были повсюду. Мои руки вцепились в его волосы. Губы на соске. Потом зубы. Я закричала или попыталась. Мое горло пересохло, я хотела большего. Хотела его.

Джей переместился к другому соску, и я скорчилась на кровати, уже близкая к разрыву на части, уже насквозь мокрая, возбужденная, готовая, болезненно пустая без него. Если бы я могла говорить, я бы умоляла его, умоляла бы его заполнить все пустые места внутри. Но не могла. Я просто продолжала наслаждаться им, позволяя ему взять все под контроль.

Я не могла произнести его имя. Не могла даже подумать об этом. Боялась, что если это сделаю, Джей исчезнет. Вдруг я окончательно сошла с ума и представляю все это, то хочу наслаждаться безумием... по крайней мере, еще чуть-чуть.

Было темно. Кромешная тьма. Жалюзи на окнах были открыты, потому что мне нравилось просыпаться с восходом солнца и смотреть на звезды перед сном. Сегодня ночью звезд не было. Луны тоже. Только тьма. Джей был самой глубокой тенью из всех, нависшей надо мной. Мне было хорошо. Я не думала, что смогу выдержать, увидев его — если он настоящий, — в то же время чувствуя его, вдыхая его запах. Пробуя его на вкус.

Его губы прижались к моим, когда он опустил, придавливая своим весом. Джей был обнажен, его кожа была очень горячей.

Я крепко спала в своей постели, когда этот человек вломился — хотя не уверена, можно ли это классифицировать как взлом, ведь я не закрывала двери, — и не проснулась, пока его губы не коснулись моей кожи. Вероятно, это было потому, что я мечтала о нем, цеплялась за него во сне, и привыкла к тому, что его нет, когда я просыпаюсь.

Его губы скользнули вниз по моему животу, и я тяжело задышала, мое тело извивалось под ним, пока он прокладывал себе путь вниз.

Следом Джей разорвал мое нижнее белье, раздвинул мои бедра. Несмотря на то, что они открылись для него без колебаний, я знала, что от кончиков его пальцев останутся синяки. Он так сильно прижимался ко мне, что было ощущение, будто он тоже не верит, что я реальна.

Не было никакого ожидания, никакого напряжения, как только Джей раздвинул мои ноги, его рот внезапно оказался там. Язык скользил по моему клитору, двигаясь слишком умело. Мои руки вцепились в простыни кровати, желая разорвать ткань, пока он разрывал меня на части. И собирал меня воедино.

Его пальцы вошли в меня в тот момент, когда оргазм достиг своего пика, поэтому я сжалась вокруг него.

Тогда он издал какой-то звук. Удовлетворенное рычание, исходящее из его горла, голодное рычание. Его рот исчез, тело задвигалось, пока его губы не оказались на моих, я пробовала себя на вкус, пробуя то, что он сделал со мной.

Джей завис там всего на мгновение, горячее дыхание на моем лице, член прижимался к моему входу, тело наваливалось на меня. Я затаила дыхание, ожидая его голоса. Как бы сильно я ни думала, что жажду этого прямо сейчас, молилась, чтобы Джей промолчал. Этот момент слишком насыщен для слов, воздух все еще был слишком густым.

Он ничего не сказал. Ни единого слова.

Я закричала, когда Джей ворвался внутрь, жестокий, прекрасный, заполняя каждый дюйм меня, питая внутри все то, что голодало. Именно в этот момент я больше не могла цепляться за простыни, мне нужна была его кожа, нужно было знать, что он настоящий. Поэтому я позволила своим рукам царапать ногтями его спину в каком-то безумии. Я была без ума от него. Может быть, я наконец сошла с ума. В этот момент мне было все равно. Я хотела большего. Больше его. Больше его кожи под ногтями.

Джей двигался медленно, но каждый толчок был сильным, почти насильственным. Я соответствовала этому насилию, обхватив его ногами, пока мои ногти царапали его спину — то, чего мне раньше не разрешали делать. Эта мысль была туманной. Раньше это было запрещено. Но теперь мне наплевать.

Он застонал от боли или, может быть, от удовольствия — в данный момент это не имело большого значения, — когда я закричала от оргазма, сжавшись вокруг него.

Я не отпустила его. Не могла.

Что, если я проснусь?

Что, если он исчезнет?

Прошли секунды.

Минуты.

Ничего не изменилось.

Джей был здесь. В моей постели — или в моей арендованной кровати. В стране, которую я использовала как убежище, как побег, как барьер против этого человека. Звуки моего учащенного дыхания заполнили комнату. Я втягивала воздух, жадно глотая его. Не только из-за того, что сейчас произошло. Я не дышала так глубоко уже несколько месяцев, пока его руки крепко обнимают меня, его сперма все еще во мне, его запах окутывал меня.

Но часть меня была напряжена, чтобы полностью расслабиться в этот момент, с этим мужчиной. Внезапно я все осознала. Громкое дыхание. Мои мягкие конечности, переплетенные с его сильными, мускулистыми. Как от меня пахнет? Потом, желанием? На что была похожа моя кожа на ощупь? Липкая? Шершавая? Слишком мягкая? Мне нужна броня от него. Моя кожа должна была быть толстой, как мрамор.

Все эти мысли выводили меня из себя. Я уже готовилась уменьшиться, вырасти, порезаться, чтобы иметь «правильную» форму для него. Мое тело напряглось от этой мысли, кровь закипела. Нет. Нельзя. Не сейчас. Только не снова.

— Почему ты здесь? — прохрипела я.

Говорить было больно. Было потому, что я так долго сдерживала свои крики? Или потому, что я боялась, что мои слова все разрушат?

Джей ответил не сразу. Он ждал. Продолжал крепко обнимать меня. Слишком сильно. Но недостаточно. Мне нужны были синяки. Метки. Доказательства. Мне нужна боль. Потому что боль — часть нас. Без нее я больше не буду целой.

Я пошевелилась, потому что он начал двигаться, потянувшись к краю кровати, резкий щелчок лампы нарушил тишину между нами. Свет был еще резче, потому что я уже несколько месяцев ничего не видела ясно.

Это было шокирующе — увидеть его после столького времени воображения. Джей выглядел так же. Лучше. Хуже. Все его острые углы были словно лезвия. Его челюсть, все еще чисто выбритая, теперь, казалась еще острее. Его скулы высокие, сжатые. Глаза. Его гребаные глаза. Они не были пустыми или холодными. Они горели зеленым огнем, яркие, наэлектризованные, переполненные эмоциями.

Поскольку я была недостаточно сильна, чтобы поддерживать зрительный контакт, я перевела взгляд на его волосы. Теперь они были длиннее. Мне до боли хотелось разорвать его руками, но сейчас я чувствовала себя неловко, хотя была обнажена — душой и телом. Боялась, что могу сделать что-нибудь такое, что разобьет меня вдребезги... Дышать было достаточно рискованно. Задавать этот вопрос было безрассудно, глупо и необходимо.

— Я никогда не говорил тебе, чего боялся, хотя подозреваю, что за время, проведенное вместе, это стало довольно очевидным, — сказал он наконец.

Я вздохнула с облегчением, когда его голос прозвучал в тишине. Ласкал мою кожу. Низкий. Гортанный. Мужской. Голос был похож на его глаза, беззащитные, полные тех чувств, на которые я думала, что он не способен.

Его глаза держали мои в плену.

— Я не боюсь ни смерти, ни боли. Я боялся потерять контроль. Только это. Из-за своего прошлого. Я жил жизнью, в которой мое тело не принадлежало мне. Где время не принадлежало мне. Где мне ничего не принадлежало, даже моя душа. Я продал ее, чтобы выжить.

Его рука поднялась, чтобы обхватить мою челюсть таким нежным прикосновением, я едва поверила, что оно принадлежит этому мужчине, который, как я была уверена, знал лишь насилие и боль.

— По крайней мере, я думал, что продал свою душу, — продолжил он. — Думал, что внутри меня ничего не осталось. Ни для меня. Ни для кого другого. А потом я увидел тебя на танцполе. — Его взгляд пробежался по моему лицу. — И ты украла все, что было человеческого во мне. Вернула мне то, что было мертво. Ты лишила меня контроля. Дала мне кое-что новое, чего стоит бояться. — Его большой палец провел по моей нижней губе. — Ты, Стелла. Тебя я больше всего боюсь. Ты пугаешь меня, любимая. Ты — мой самый большой страх. Мой единственный страх. И я струсил.

Мое тело затряслось от эмоций в его голосе. От того, как он со мной разговаривал. Неприкрытая честность. Неловкость.

Любовь.

Сначала он говорил со мной своим телом, потом своей душой, той, которой якобы не было. Той, которая принадлежала мне.

Извинений не последовало. Нет, он никогда не извинится за то, что сделал. Но оказалось, что я не нуждалась в этом. Даже не хотела. Какие извинения, если он пытался поступить правильно, отпустив меня? Он был покрыт шрама-

ми, изуродован, сломлен и жесток. Джей любил меня. И знал, каким приговором была эта любовь. Что за жизнь потом будет. Он пытался спасти меня от наказания за свою любовь.

Теперь не пытался меня спасти.

— А еще надо поговорить о том, что ты спишь одна, без защиты, с открытыми дверями, — добавил он с оттенком гнева в голосе.

Сначала из меня вырвалось тихое хихиканье. Затем это превратилось во что-то большее. Тело трясло от смеха. Настоящего смеха. Не то, что я подделывала последние несколько месяцев.

Это было приятно.

— Конечно, приходишь и говоришь о своих чувствах, заканчивая фразочками альфа-самца, — сказала я ему, как только, наконец, взяла себя в руки.

— Как бы ты ни была прекрасна, когда улыбаешься и смеешься, это не совсем та реакция, которую я ожидал, — ответил Джей сквозь стиснутые зубы.

В его голосе слышалось беспокойство. Недостаток уверенности. Не соответствовал тому образу, который у меня сложился о нем. Он был напуган. Боялся, что пересек весь мир и обнажил свою душу перед девушкой, которая собирается отвергнуть его. Оттолкнет его или накажет за то, что он причинил мне боль.

Мои руки потянулись к его лицу. Трудно было поверить, что я сейчас прикасаюсь к нему. Что он позволял мне вот так прикасаться к нему.

— Я люблю тебя, — прошептала я. — Я всегда буду любить тебя. Ты причинил мне боль. Ты причинил боль нам обоим. Но я все понимаю. Я не буду наказывать тебя за это. Не буду причинять нам обоим больше боли только для того, чтобы что-то доказать. — Я обхватила его ногами, прижимая его тело к своему.

Малахитовые глаза Джея вспыхнули, и вены на его шее вздулись, он напругся напротив моего входа.

— Ты мне нужен, — прошептала я. — Во всех смыслах, в которых женщина нуждается в мужчине. И еще больше. Ты не солгал о том, кто ты есть. Я женщина в здравом уме. И я хочу тебя. Есть вещи, о которых нам нужно поговорить. — Я обхватила рукой его затылок и потянула вниз. Его губы прижались к моим, и я провела языком по его губам. — Но сейчас я правда не хочу разговаривать, — пробормотала ему в губы.

Я едва успела произнести эти слова, как он ворвался в меня, доказывая то же самое.

Позже, гораздо позже, мы оказались на кухне. Он овладел мной так часто, как только мог мужчина. Мы двигались друг против друга, пока не покрылись потом, пока мои мышцы не загорелись от напряжения, пока я не испытала столько оргазмов, сколько не испытывала ни одна женщина — или, по крайней мере, так мне казалось.

Было все еще темно. Ночь тихая, только что перевалило за три. Когда все призраки и демоны выходят поиграть. Все грешники.

— Яйца здесь какие-то другие, — сказала я, накладывая их ложкой на тост, который ждал меня на двух тарелках.

Джей стоял, прислонившись к кухонному островку, и наблюдал за моей работой. Я велела ему сесть за стойку для завтрака, устроиться поудобнее, но он проигнорировал мою команду. Конечно, как же еще. Я тоже была рада этому. Несмотря на то, что барный стул находился всего в нескольких футах, он казался слишком далеко. Я нуждалась в его близости, и он, очевидно, тоже в этом нуждался. Потому что убирал мои волосы с шеи, пока я резала помидоры, целуя мою обнаженную кожу. Проводил рукой по расщелине моей голой задницы — он заставил меня готовить голой, и я не жаловалась. Джей не помогал. Он просто стоял там, наблюдая. Иногда трогал. Не разговаривал.

Он так смотрел, что я хотела содрать кожу со своих костей только для того, чтобы впустить его глубже в себя. Я жаждала его взгляда.

Но что-то причиняло мне боль. Я хотела сбежать отсюда. От него. Он — незнакомец, стоящий здесь без одежды, рассматривающий мою обнаженную кожу, все обнаженные нервы внутри моей души. Джей был плодом моего воображения. Злодей, от которого я сбежала.

Но в то же время он был слишком знаком. Слишком хорошо знал меня. Мог заглянуть слишком далеко внутрь меня. От Джея не спрятаться. Я никак не могла защитить себя, я пыталась, но подозревала, что все повторится.

Я хотела заставить его ждать. Заставить его действовать. Пытать его с той же жестокостью и холодностью, которые он проявил ко мне. Но это было невозможно. Не было ни одной части моего тела или души, которая могла быть холодной. Я вся в огне.

У меня не было обиды на этого человека. Не было необходимости в расплате. Потому что написанное там, прямо на его лице, то, что долгое время было закрытым и пустым — теперь открыто и обнажено. Там была боль. Агония. Сожаление. Но больше всего там была любовь. Любовь, переплетная с болью и сожалением. Любовь, которая была нашей.

Мои руки дрожали, когда я брала тарелки с яйцами. Я была рада, что есть, чем заняться, но беспокоилась, что не смогу выдержать вес двух тарелок, борясь с бременем пристального взгляда Джея.

Он преодолел расстояние между нами в два шага, забирая у меня блюда. Наши пальцы слегка соприкоснулись, и я вздрогнула от эффекта, который произвело на меня такое простое, небрежное прикосновение. Его руки были повсюду, и в доказательство этого остались синяки. Нежность между ног, когда я двигалась, свидетельствовала о его присутствии в моих самых интимных местах, но то, как он касался моих пальцев... это было нечто. Нечто нежное. Нечто драгоценное.

Этот момент повис между нами на всю жизнь. Он отвел взгляд и повернулся, чтобы отнести тарелки на маленький столик у окна. Я наблюдала, как он шел через гостиную, его шрамы выделялись на мускулистой коже. Джей позволил мне прикоснуться к ним, запоздало вспомнила я. Сквозь размытое пятно столкновений наших тел, извивающимися кульминациями, которые я едва пережила, я вспомнила свои руки на его спине. Мои ногти впивались в его кожу с животной потребностью пустить кровь, дабы убедиться, что он настоящий. И как только я поняла, что Джей реален, мне хотелось пометить его. Мне хотелось добавить свои собственные шрамы к его телу... на всякий случай. Просто на случай, если что-то произойдет. Просто на случай, если он снова меня бросит. Чтобы потом он носил напоминание обо мне на своей коже.

Потому что я носила все его шрамы, регулярно резавшись об острые края, которые он создал.

Неохотно я перестала пялиться на него и последовала за ним через комнату, чтобы сесть за стол. Мы сидели близко, слишком близко, но недостаточно. Единственным звуком был скрежет ножей и вилок по тарелкам. Я не распробовала еду, ела бездумно, потому что мое тело нуждалось в этом, а я лишь хотела собраться с мыслями.

Джей здесь.

Сидит напротив меня и ест яичницу.

Я представляла себе это так много раз, но сейчас все казалось совершенно нереальным. Я многими способами представляла себе воссоединение, когда позволяла себе развлекаться фантазиями, о которых не должна была думать. Думала о горячем сексе, о его коже на моей, его запахе, его присутствии. Но никакой логики, ни реалий. Ни на один из вопросов не появилось ответа.

Наши проблемы начались не в то утро. Не тогда, когда он ушел от меня. Дело было не только в детях. Или даже в браке. Речь шла о секретах, которые он хранил. Тенях, в которых жил. Законах, которые нарушил, и жизни, которые забрал.

Это было из-за моей неуверенности. Моих страхов, моих демонов, моих потребностях.

Есть много нюансов в любви. Нужно стараться, чтобы всё сработало. Чтобы залечить миллион маленьких порезов, которые все еще кровоточили.

По крайней мере, так говорила рациональная часть меня. Иррациональная, безумно влюбленная — простите за упоминание о Бейонсе «Crazy in love» (прим. пер.: песня певицы Бейонсе) часть меня была счастлива продолжать истекать кровью, пока Джей здесь.

Эти мои две стороны боролись, пока мы ели, и рука дрожала каждый раз, когда я подносила вилку ко рту. К сожалению, на моей тарелке было очень много еды.

Желудок скрутило узлом, когда я осторожно положила нож и вилку рядом на тарелку, прижимая салфетку ко рту. Руки все еще дрожали. Когда я наконец набралась смелости поднять глаза, то обнаружила, что Джей уже смотрит на меня. Он смотрел все время. Я знала это. Его пристальный взгляд был физическим, он снимал слои моей кожи, касаясь каждого обнаженного нерва. Каждую рану.

Ты можешь это сделать, сказала я себе.

— Мне нужно больше, — прошептала я хриплым голосом. — Я понимаю, что ты даешь мне частичку себя, которую никто другой не видел, что пытаешься заставить меня понять твою холодность, твою жестокость, боль, которую мне причинил. Я понимаю, что не вся эта боль исходила от тебя, она исходила исключительно от моей любви к тебе.

Я окинула взглядом этого мужчину, обнаженного передо мной, его кожа была как мрамор, а шрамы только делали его более привлекательным. Джей ловил каждое мое слово.

— Я поняла, что никогда не смогу по-настоящему любить кого-то без боли, — продолжила я, мой голос все еще был низким, хриплым. — И как женщина, которая была с тобой, я знаю, что никогда не полюблю ни одного другого мужчину так сильно и беззаветно, как люблю тебя. Ты — яд. От которого я

никогда не избавлюсь. От которого не хочу избавляться. Но я не смогу пережить это, имея лишь частичку тебя. Если мы собираемся это сделать, то мне нужно все. Ты нужен мне весь.

Я прерывисто вздохнула, когда закончила, чувствуя себя так, словно пробежала марафон. Я не была настолько сумасшедшей, чтобы управлять им, просто достаточно сумасшедшей, чтобы любить этого темного, извращенного человека.

Страх сдавил мне горло, когда я переосмыслила себя, беспокоясь о каждом сказанном мною слове, и о том, чего я требовала. Я ненавидела это, чувствовала себя виноватой и больной за то, что просила чего-то, ненавидела, что часто молчу.

Я подчинялась Джею во многих отношениях. Почти во всех отношениях. Но не могла сказать напрямую.

Он положил нож и вилку на свою тарелку, прежде чем отодвинуть ее, чтобы сосредоточиться на мне.

— Ты знаешь о моих родителях, — сказал он.

Я кивнула, думая о том, как холодно, бесстрастно он говорил о них несколько месяцев назад. Думая о том, сколько шрамов на его теле принадлежало им. И те, что у него на душе, если уж на то пошло. Да, я знала о его родителях. И если бы их положили передо мной прямо сейчас, я бы испытала сильное искушение разрезать их на куски ножом для масла.

— Я не буду вдаваться в подробности о жизни с ними, — продолжил он, его глаза потемнели. — Они не стоят слов. Я не дам им этого. Достаточно сказать, что они сделали со мной, когда я был ребенком, это заложило основу для того, кем я являюсь сегодня. — Его тон дал понять, что он ненавидит это.

Я стиснула зубы и пожалела, что не могу сказать ему, как Джей ошибается. Что он великолепен, по-своему извращенный и потрясающий. Что я влюбилась в него таким, каким он был, а не тем, кем, по его мнению, он должен быть. Но я не могла говорить. Для этого еще нет времени. Мне нужно слушать, несмотря на то, как трудно было понимать, что Джей думает о себе.

— И как только я посчитал себя мужчиной, я ушел, — продолжил Джей. Он потянулся вперед, чтобы схватить меня за руку, как будто ничего не мог с собой поделать.

Я была рад этому контакту, и мое тело слегка расслабилось.

— Конечно, я мог бы дать отпор. Мог бы убить их. Конечно, они это заслужили. Меня остановила не человечность, любовь или совесть. — Джей потер мою руку большим пальцем. — Я был способен лишить их жизни, а потом жить с самим собой. Но оставить их в ловушке их жалкой жизни, внутри самих себя, казалось большим наказанием, чем милосердие, которое предлагала смерть.

Я дышала неглубоко и часто, слушая, как Джей говорит, ритмично потирая большим пальцем. Я цеплялась за его слова, впитывала их. Его тон был ровным, холодным, но глаза все еще горели.

Затем он встал, отпуская меня, и я не могла не издать тихий протестующий стон, теряя его контакт и близость. Лицо Джея смягчилось от этого звука. Он наклонился вперед, чтобы погладить мою челюсть, прежде чем выпрямиться и уйти. Мне пришлось собраться с силами, чтобы не встать и не последовать за ним, как отчаянная тень. Я осмотрела его задницу, когда он двигался, а за-

тем полосы крови, смешавшиеся со шрамами на его спине.

Джей подошел к барной тележке, звон бокалов подсказал, что он наливает напитки. Я наблюдала, как двигаются мышцы на его спине, перекатываясь в тени и тусклом свете, идущем из кухни.

Он вернулся с двумя стаканами в руках, не сводя с меня глаз. Я с благодарностью взяла протянутый напиток. Мне это определенно было нужно, хотя я не любительница виски. Виски было единственным, что можно пить в три часа ночи, пока любовь твоей жизни рассказывает о своем запятнанном кровью прошлом.

Джей сел, сделал глоток виски, поставил стакан на стол и потянулся к моей руке. Я вздохнула с облегчением.

— Я был бездомным в пятнадцать лет, — продолжил он. — У меня не было друзей или семьи, которые могли бы меня приютить. Никто не хотел принимать кого-то вроде меня. Я был грязным. И во мне было нечто зловещее. Я пугал людей. Пугал родителей, и отчасти поэтому они сделали то, что сделали. Конечно, отчасти. Все остальное сделали лишь потому, что они были настоящими злодеями. Ничего больше. Никакого плохого детства, никаких травм. Они были просто двумя гнилыми душами, которых тянуло друг к другу.

Он сделал глоток, пока я в ужасе смотрела на него, зная, что это лишь начало, пролог. Мы даже не добрались до первой главы.

— У меня было двадцать два доллара на мое имя, — сказал он. — Я уже знал, что не смогу зайти в гребаный Макдональдс и устроиться на работу. Ничего законного. Каким бы испорченным я ни был, я все еще был тупым ребенком. Какими бы злыми ни были мои родители, я не был готов к этому миру. Или, может быть, думал, что это будет не хуже, чем жизнь с родителями. Я был воплощение невежи, смешанным с надеждой. Смертельный коктейль.

Джей убрал руку. Что-то в его голосе изменилось. В этом было что-то такое, чего я никогда раньше не слышала. Страх. Беспокойство. Ему было неловко рассказывать эту историю. Он боялся поделиться этим со мной.

Я хотела прикоснуться к нему. Очень, очень сильно. Хотела инициировать физический контакт, который дал бы ему понять, что я здесь ради него. Что не имеет значения, чем он делится, я все равно буду хотеть его. Но я держала губы поджатыми, а руку сжатой в кулак на столе.

— Я доверял не тем людям, — сказал он. — Я отчаянно нуждался в семье. В любви. Так что попал в компанию, которая предлагала эти вещи. Так же свободно, как и наркотики. Мне не нравились наркотики. Не любил выходить из-под контроля. Мне не нравилось чувствовать себя уязвимым. Это была клятва, которую я дал себе, когда уезжал. Что я никогда больше не буду уязвимым. Обманул себя, думая, что смогу выйти из того дома жертвой и войти в мир победителем.

Он сделал еще глоток, а я глотнула воздуха, не подозревая, что все время, пока он говорил, задерживала дыхание.

— Всё? — спросил Джей меня.

Казалось, он пытался дать мне запасной выход из разговора, который должен стать только хуже. Но я не хотела от него убежать.

— Всё, — повторила я тихим голосом. Хотя я была тверда в своем решении, что мне нужно знать о нем все, я боялась, что не смогу справиться с этим. Но разве не в этом заключалась храбрость? Чувствуешь страх и все равно дела-

ешь это? И разве не храбро — любить кого-то?

— Они — уличные крысы, которых я считал семьей, накормили меня наркотой, продали меня, а я был слишком испорчен, чтобы бороться с этим. Они превратили меня в свою шлюху. На какое-то время. — Джей осушил свой бокал. — Потом кто-то вытащил меня. Видел ли он что-то во мне, проявлял ли милосердие или просто искал себе одноразку на ночь, не важно. Он избавил меня от наркотиков, чтобы я мог ясно видеть. Дал мне дисциплину, чтобы убить всех до единого кретинов, которые думали, будто я принадлежу им. Думали, что смогут меня продать.

Я больше не чувствовала вкуса виски на языке. Я почувствовала вкус желчи. Внутренности моего желудка пытались избавиться от воздуха, который я только что проглотила. Не потому, что Джей рассказывал мне о людях, которых он убил, а потому, что я хотела бы сделать это сама.

Во всех моих фантазиях о том, что могло бы сделать Джея... таким, ничего подобного мне никогда не приходило в голову. Он был сильным, непреклонным, и возможность того, что кто-то когда-либо воспользовался им — особенно таким образом, — была едва ли правдоподобной.

Но не поверить в это было невозможно. Правда была ядовитой в воздухе.

— Дункан Хеллер управлял девушками и большей частью торговли оружием в городе, — продолжил Джей. Он больше не смотрел на меня. — Он использовал меня как своего бешеного пса. После того, что случилось, я был готов причинить боль всем, кому он мне велел. Без угрызений совести, без причины и без милосердия.

Джей встал и подошел, чтобы наполнить свой стакан.

— Какое-то время я был счастлив делать это, — добавил он, повернувшись ко мне спиной. — Но потом я захотел большего. Хотел обладать всем контролем. Быть тем, кто отдает приказы, а не выполняет их.

Вместо того чтобы сесть рядом со мной, Джей направился к открытым дверям и встал в дверном проеме.

Я встала и последовала за ним на улицу, где он стоял, прислонившись к перилам крыльца. Мне до боли хотелось подойти к нему сзади, обхватить его тело руками, прижаться грудью к его спине, дать ему что-нибудь. Но воздух вокруг него был слишком плотным, слишком непроницаемым. Он должен уйти куда-то внутрь себя, чтобы рассказать эту историю, куда-то подальше от меня. Чтобы узнать его, я должна понять, что у его жестокости была цель. Его холодность была щитом.

Вместо того чтобы прикоснуться к нему, я встала рядом с ним и стала ждать.

— Хоть я и нетерпелив, я ждал, — сказал он ночи. — Наблюдал за работой Дункана, видел, где его слабые места. Установил связи с его конкурентами. С людьми, работавшими у него на службе, которые были недовольны тем, как с ними обращались. Их было много. Урок, который я усвоил: в нашем бизнесе ты нанимаешь убийц и воров. Убийцы и воры готовы убивать и красть у того, кто платит им больше или пугает их сильнее.

Фигура Джея казалась темнее окружающей его ночи, несмотря на то, что это было невозможно. Я ловила каждое его слово, хотя и начала дрожать от дуновения ветерка.

Джей заметил это. Он схватил меня за запястье и вытащил внутрь, закрыв за

нами дверь. Усадил меня обратно за стол, схватил одеяло, свисающее со спинки дивана, и обернул его вокруг меня, затем снова сел.

Хотя одеяло было уютным, теплым и дорогим, я все еще чувствовала, что продрогла до костей, хотя и сдерживала дрожь, потому что мне нужно было, чтобы Джей закончил свой рассказ.

— Я убил его, — сказал Джей. — Дункана. Человека, который спас меня. Который дал мне место для жизни, который научил меня всему, что знал сам. Я убил его, хотя он дал мне все это, ведь хотел все забрать себе.

Одна рука Джея была обхвачена стаканом с виски, другая лежала в кулаке на столе. Он не смотрел на меня.

— Было столько же смертей и преступлений, — продолжил он. — Я становился только хуже по мере того, как становился старше, богаче, могущественнее. В моей истории нет искупления. Искуплением было бы позволить тебе танцевать в Клатче и никогда не разговаривать с тобой. Но то, что я привел тебя в свою жизнь, — это мой самый отвратительный поступок.

Я уставилась на него. Джей действительно верил в это. Будто его самым большим грехом была любовь ко мне.

Тишина звенела, пока его история — его отвратительная, душераздирающая история — звучала громко и непреклонно. Джей уставился на меня, теперь его лицо было непроницаемым. Я полагала, что ему многого стоило вернуться в свое прошлое, чтобы вытащить воспоминания, которые он похоронил.

Теперь я все поняла. Его бизнес. Забота о женщинах, секс-работницах, обеспечивая их безопасностью, следя за тем, чтобы они сами контролировали свою судьбу, — он делал для них то, чего никто не делал для него. Приюты для бездомных, те, за которые он полностью платил, те, которые рекламировались как одни из лучших в стране, — это был безопасный вариант для людей, которым больше некуда было идти. Чего у него никогда не было. Его жизнь состояла из грехов, но внутри этих грехов крутился святой. Несомненно, темный, ущербный, опасный и жестокий. Но для меня — он святой.

— Давай ляжем спать, — прошептала я, теперь достаточно храбрая, чтобы протянуть руку и коснуться его.

Джей потрясенно уставился на меня. Он ожидал чего-то другого. Он пришел, зная, что ему придется рассказать эту историю, придется провести вскрытие своего жалкого прошлого. Он ожидал, что это напугает меня. Вызовет у меня отвращение.

Теперь все встало на свои места. То, как он прикасался ко мне, то, как смотрел на меня, это не его версия нового начала, это было его прощание. Джей пытался лишь запечатлеть меня в своей памяти.

— Отведи меня в постель, Джей, — повторила я.

Я могла бы попытаться сказать гораздо больше. Пыталась найти слова, чтобы утешить его, выразить свой ужас и скорбь по поводу того, через что ему пришлось пройти. Но ничто не соответствовало бы этому. Все было не так.

Я встала, наши руки переплелись, слегка притянув его к себе. Джей встал, притянув меня к себе, как только принял вертикальное положение. Я ахнула от удара его тела о мое.

— Стелла, — пробормотал он.

— Отведи меня в постель, — повторила я в третий раз, приложив палец к

его губам, чтобы остановить его от дальнейших слов.

Именно тогда он отнес меня в постель.

ГЛАВА 4

Стелла

Мы проспали допоздна. Мы исчерпали себя нашими телами, нашими признаниями, нашей взаимной болью. За все утра, которые я проводила с Джем, я никогда не видела, чтобы он спал после половины седьмого. Обычно он вставал к пяти и, прежде чем встать с постели, трахал меня.

Он сделал и то, и другое в десять утра. После двух оргазмов и душа — с Джем — я все еще ждала момента, когда все исчезнет. Было совершенно нереально видеть Джея при дневном свете в этом маленьком коттедже в Новой Зеландии.

Мы были голые, если не считать моих трусиков и его нижнего белья, и завтракали. Я потягивала свой кофе, глядя на него, океан плескался на заднем плане, морской воздух дул из открытых дверей. Соленый воздух смешался с запахом Джея.

— Я все еще хочу детей! — внезапно воскликнула я, ставя свою кофейную чашку. — По крайней мере, одного. Даже несмотря на риск. Я говорю о превращении в свою мать. Даже если этого не будет, я знаю, что дальше все может измениться. Я знаю, что это рискованно. И, может быть, это эгоистично с моей стороны. Но я хочу быть матерью, которой не смогла стать моя. И хочу, чтобы ты мог любить ребенка так, как не любили твои родители.

Не знаю, почему я выпалила это в то, что могло бы быть идеальным утром. Но я поняла, что не стремлюсь к идеалу. Идеал — это нечто пустое, непостоянное. Лишь в трудном, в болезненном состоянии я ощущаю себя наиболее удовлетворенной.

Джей долго смотрел на меня. Мне стало дурно от того, что я выдвинула требование, которое опасно походило на ультиматум. Передо мной сидит человек, который преследовал мои мечты, тот, кто владел моим сердцем, пометил мою душу, вернулся ко мне и дал все, что я хотела, но я требовала большего.

Потому что заслуживаю большего.

— Я не буду хорошим отцом, — заявил он, откладывая вилку.

— Я не согласна, — возразила я.

Джей слегка прищурил глаза. Я выводила его из себя, и это меня возбуждало.

— Придется смириться, — сказал он. — Но я хочу тебя. Я ни за что не смогу тебя отпустить. Не позволю тебе жить без меня.

Я прикусила губу. В его голосе слышалась боль. Было неприятно слышать это, чувствовать это. Я с трудом дышала под тяжестью всего, что он мне давал. Он давал мне все, чего я жаждала, о чем мечтала, когда мы были вместе.

Время, которое мы провели порознь, лишило его чего-то. Не всю его защиту, не всю холодность, но сейчас в нем было что-то другое.

Да, это то, чего я хотела. Но было действительно чертовски трудно перейти от голода к пиршеству.

Джей не стал ждать, чтобы сбросить очередную бомбу, это было во время нашего следующего приема пищи. Обед, приготовленный в нижнем белье после того, как мы вернулись в постель.

Само его присутствие было кратером в хрупком картонном домике, который я пыталась построить в его отсутствие, в жизни, которую построила без него.

Затем он внезапно собирался «смириться» с тем, что у нас будут дети. Это было не совсем то, что девушка хотела услышать. И я не хотела, чтобы ему приходилось «смиряться» с тем, что у нас будет ребенок, но я знала, что для него, учитывая то, через что он прошел, это уже очень много. Это ни в коем случае не романтично, но это огромный жест. Своего рода вечное обещание. Не пустое. Джей не стал бы делать такого рода заявления лишь для того, чтобы вернуть меня, а потом отказаться от своего слова.

Размышляя обо всем этом последние несколько месяцев, я поняла, что действительно мало что знаю о человеке, которому позволила разрушить жизнь своей любовью. Но я знала, что Джей не стал бы говорить мне красивую ложь, чтобы вернуть меня. Он нарочно говорил мне уродливые истины как своего рода вызов, как будто надеялся отпугнуть меня. Даже сейчас, после того, как он пересек океан для меня в виде грандиозного жеста, на который не был способен, я почувствовала, что он вцепился в меня обеими руками, ожидая, что я прогоню его.

Я не знаю, когда сама решила вцепиться в него. Джей точно не дал мне времени сделать это с тех пор, как прибыл в темноту. Но опять же, я не боролась с решением сражаться или остаться. Решение было уже принято в ту же секунду, как я почувствовала его губы на своей шее.

Было ли это слабостью с моей стороны приветствовать его возвращение в мою жизнь без боя или нет, мне все равно. Кроме того, я хорошо знала Джея, чтобы понимать, что для него это уже была битва. Я видела это по его лицу. Он был опустошен мной. Моим отсутствием. Мне было приятно видеть, что наше расставание не просто причинило боль. Это причинило ему достаточно глубокую боль, что даже он не смог скрыть свои эмоциональные шрамы.

Это то, что мне было нужно, — доказательство того, что ему тоже больно. Что любовь ко мне причинила ему ту же боль. Я не хотела улыбок, нежных слов, любовных обещаний. Я хотела увидеть агонию всего этого, хотела убедиться, что я оставила на нем те же следы, которые он оставил на мне.

Теперь, когда я это увидела, с меня хватит. Я не собиралась рассказывать ему, что он сделал со мной, проклинать его за то, что он был таким холодным и жестоким. Я знала, что он холодный и жестокий человек, когда влюбилась в него, и все равно осталась, несмотря на сильное предчувствие, что он причинит мне боль.

Это не означало, что я смирилась с заявлением, которое он сделал о детях, пережевывая яйца, которые я приготовила для нас.

Джей сидел напротив меня, наблюдая, перед ним стояла нетронутая еда, он молчал.

Так было до тех пор, пока не разорвалась бомба.

— Надо пожениться, — он говорил так, как будто предлагал пойти в мага-

зин. Никаких интонаций. Его голос был лишен эмоций. Замшелые зеленые глаза были пустыми. То, как двигался его кадык, когда он тяжело сглотнул после разговора, было еще одним сигналом о чем-то странном под его гранитным фасадом.

Я моргнула, держа вилку в воздухе.

— Это предложение? — спросила я, как только поняла, как взять себя в руки. Этот мужчина, сидящий напротив меня, обнаженный, статный, прекрасно жестокий, был настоящим. И из его рта вырвалось слово «жениться».

— Нет, я не делаю предложений, — ответил он. — Я не буду притворяться, что способен на какой-то ядовитый роман, которого женщины привыкли ожидать. — Его взгляд на мгновение опустился на свои руки. Маленький момент, но жест был огромным.

Джей поддерживал зрительный контакт. Всегда. Неважно, как трудно было говорить, неважно, о чем он говорил. Но он прервал сейчас, в тот момент, когда я больше всего в этом нуждалась.

Мое горло горело от желания, чтобы он посмотрел на меня еще раз.

После того, что казалось вечностью, он поднял глаза и продолжил говорить, как будто только что не сделал паузу в один из самых важных разговоров в моей жизни:

— Я не думаю, что ты придаешь особое значение традиционным фарсам, но я приношу извинения, если ты ожидала романтики или если это тебя как-то разочаровало, — заявил он, положив руки в кулаки на стол. — Даже брак как институт и фанфары всего этого вызывают у меня отвращение. Но мне очень нравится идея сделать тебя своей. Всеми возможными способами. И поскольку я планирую, что ты будешь моей до конца моего пребывания на этой земле, думаю, брак — отличная идея.

Я снова моргнула, глядя на него, вилка все еще была на том же месте, на котором была, когда он начал говорить. Я взглянула на него, затем тихо положила столовый прибор на свою тарелку, прежде чем снова посмотреть на Джея.

— Мы только недавно снова сошлись, и до того, как расстались, мы были вместе всего шесть месяцев. Большую часть этого времени мы были вовлечены в довольно деловое соглашение, которое состояло из секса и не более, — указала я, слегка понизив голос.

Я не считала себя безнадежным романтиком. Почти десятилетие свиданий в Лос-Анджелесе опровергло любые представления о том, что романтика существует помимо того, что парень платит за такси или заказывает дорогой ужин, все время флиртуя с официанткой. Да, я не была романтиком, но меня немного раздражало, что мужчина, которого я любила, так холодно относился к браку.

С другой стороны, почему я удивлена? Мужчина, которого я любила, был холоден. Разве я не любила его, несмотря на это? Или из-за этого? И, пробираясь сквозь все, что он только что сказал, можно было найти несколько романтических утверждений.

«Я планирую, что ты будешь моей до конца моего пребывания на этой земле».

Да, кому нужны были дешевые цветы, музыка или фанфары? Это заявление было единственным, чего хотело мое голодное сердце. Это была клятва. Та, которую Джей не нарушит.

Джей, конечно, тоже уставился на меня. Я не думала, что с момента нашего примирения был момент — кроме этой бездонной паузы, — когда он перестал смотреть на меня. Это было напряженно, непреклонно, и я не хочу жить без этого.

— Ты слишком долго молчишь, Стелла, — прохрипел он хриплым голосом.

Я снова моргнула. Руки Джея все еще были сжаты в кулаки на столе. Вены на его шее вздулись, свидетельствуя о силе, которую он использовал, чтобы удержаться на месте, как будто готовился к удару. Как будто ждал отказа.

И тут меня осенило. Джей знал меня. Он много чего знал обо мне. Скорее всего, больше, чем я знала о нем, но он не знал моих мыслей. Я не просто сделала громкое заявление о том, что хочу быть с ним до последнего вдоха.

По крайней мере, не вслух.

Джей был напуган.

На самом деле он был в ужасе, если верить внешнему виду. Это был человек, который работал в уверенности. Который контролировал все вокруг, чтобы прогнать любую неопределенность, подобную той, которую он был вынужден терпеть в начале своей жизни. Вот в чем заключалась вся договоренность.

Но мы больше не были в сговоре. Джей не получил никаких заверений, никаких обещаний, когда сел в тот самолет, когда вломился в мой дом прошлой ночью.

Это был первый раз, когда он сказал больше, чем я.

Мой стул закрипел по деревянному полу, когда я встала и быстро двинулась к нему. Когда добралась до него, Джей уже стоял рядом.

Было трудно не остановиться и не восхититься тем, как он выглядел, возвышаясь надо мной, одетый только в свои шрамы, но я справилась.

Я подняла руки, чтобы схватить его за шею с обеих сторон, нуждаясь в прикосновении к нему, нуждаясь в соприкосновении наших обнаженных тел. Мой желудок опустился, когда он напрягся против меня, желание пробежало по моим венам.

— Джей Хелмик, — прошептала я, на мгновение теряясь в его зеленых радужках. — Я не могу этого объяснить, я никогда не смогу этого понять, но с того момента, как встретила тебя, я не могла вздохнуть без твоего имени на губах. Я закрывала глаза и видела тебя. И любое будущее без тебя кажется холодным и ужасным. Я ни за что не смогла бы сказать «нет» вечности с тобой. — Слеза скатилась по моей щеке, когда я закончила говорить, эмоции переполняли меня до такой степени, что было невозможно не выпустить их куда-нибудь. Надежда, страх, счастье, любовь и боль смешались в теле, наполняя меня от кончиков пальцев до кончиков ног.

Это было освобождение. Эти истины, сказанные моим грешником, который специализировался только на лжи. И правда с моего собственного языка была на вкус намного слаще, чем любая ложь, которую я говорила себе для утешения или выживания.

Еще слаще был вкус Джея, когда он позволил мне притянуть его к своим губам, чтобы я могла нежно, медленно, с любовью поцеловать его.

Это был поцелуй, не похожий ни на один из тех, что мы когда-либо делили. Мягкий. Нежный. Тот, который контролировался мной.

Мой контроль был недолгим, чему я была рада, так как мое тело снова сжалось от желания, отчаянно нуждаясь в освобождении, пытаюсь компенсиро-

вать все ночи, которые я провела без Джея.

Я потеряла контроль над его шеей, потому что его руки схватили мои волосы, сжимая их в кулак, обнажая мою шею. Он задел ее зубами, затем прикусил, сначала мягко, потом сильнее. Достаточно, чтобы оставить след.

— Черт возьми, Стелла, — проскрежетал он, его голос был грубым, почти животным. — Я не знаю, как насытиться тобой. Не знаю, как перестать быть таким голодным по тебе. — Его глаза вспыхнули, другая его рука опустилась вниз, между моих ног, а затем внутрь.

Я ахнула, когда его пальцы умело двигались внутри меня. Затем они исчезли. Джей поднес их ко рту, пробуя меня на вкус.

— Умираю с голоду, — пробормотал он.

— Я не хочу, чтобы ты перестал голодать по мне, — прошептала я, колени дрожали. — Я хочу, чтобы ты провел остаток своей жизни голодным, как и я. Я хочу, чтобы мы голодали и пировали вместе.

Он злобно ухмыльнулся, показав все свои зубы.

Послышался звон вилок, тарелки разбились о деревянный пол, а затем я оказалась спиной к столу. Скрип стула, когда Джей подтащил его к себе, его руки выворачивали мои ноги, чтобы они свисали с его плеч. Его глаза заблестели, когда он посмотрел на меня снизу вверх, между моих ног.

— Время пировать, — прорычал он.

Прорычал.

Затем пировал.

Позже, когда я восстановила контроль над своими конечностями, я сделала то же самое.

Мы снова были в постели.

Солнце встало. Мягкий утренний свет заливал комнату, в которой пахло Джеем, мной, сексом. В какой-то момент он вынес меня из гостиной, чтобы положить обратно в кровать и заняться со мной любовью медленно, нежно. Что-то подсказывало мне, что это был первый и последний раз, когда он прикасался ко мне таким образом. Больше мы не сможем воспроизвести все, что оба чувствуем сейчас. Это из-за обстоятельств, которые уничтожили его защиту и полностью раскрыли его передо мной. Я не была уверена, что смогу пережить нежное прикосновение человека, которого я так сильно любила.

Я не думала ни о чем конкретном. Мои мысли были мимолетными, легкими, проплывали мимо задней части моих глаз. Это чувство было незнакомым. В последние несколько месяцев было важно избегать подобных моментов. Мягкие утра в постели, блуждающие мысли. До этого мои мысли были навальными, черными, всеобъемлющими, колючими, опасными вещами, которые причиняли много вреда.

Человек, в чьей груди я сейчас была похоронена, имел самое непосредственное отношение как к первым, так и ко вторым мыслям. Но чувствовать себя такой беззаботной, такой легкой было непривычно. Я не помнила таких моментов с Джеем.

— Я обойдусь без романтического предложения, если ты разрешишь приукрасить детали для своих подружек, — пробормотала я ему в грудь.

— Сказав, что я положил кольцо в бокал с шампанским или что-то в этом роде? — спросил он.

Я подвинулась, чтобы хмуро посмотреть на него — моего жениха. Моего будущего мужа. Человека, который знал, как заставить меня влюбиться в него и как разбить мое сердце. Который знал мое тело. Мои страхи. Человек, к лучшему или к худшему, чьи корни были переплетены с моими.

— Это оскорбление для нас обоих, думать, что ты сделаешь что-то настолько дрянное и безвкусное, и если бы это случилось, я бы нарочно соврала, — возразила я. — Что я должна сделать? Вытащить пальцами кольцо с бриллиантом из бокала? Или осушить стакан, а потом выплюнуть кольцо, чтобы надеть его на палец? — Я покачала головой. — Фу.

Джей наблюдал за мной своим очень уверенным взглядом, который показывал, что я его забавляю, не шевеля губами. Это было очень интимно — видеть этот взгляд, знать его. Я подозревала, что была единственным человеком на этой планете, который мог расшифровать внешность Джея, и я обожала это. Я чувствовала себя очень жадной. Как бы мне ни хотелось, чтобы Джей открывался людям, друзьям, я также не хотела, чтобы люди знали его настоящего. Не хотела, чтобы он чувствовал любовь или близость к кому-то, кроме меня. Это была уродливая и эгоистичная мысль, но именно такой меня сделала его любовь. Уродливой. Эгоистичной. Жадной.

— Я скажу, что играла музыка, Дебюсси, — прошептала я. — Что ты ждал захода солнца. Что ты надел бриллиант мне на палец, но не встал на колени. Я встала рядом, и ты попросил меня стоять рядом с тобой, идти рядом всю оставшуюся жизнь. — Мой голос был тонким и слабым. Я боялась, что это прозвучало жалко.

Что-то промелькнуло в глазах Джея. Что-то мягкое и нежное. Все мышцы его лица были расслаблены, он не держался напряженно, не готовился к нападению. Он переплел свои пальцы с моими, его большие и гибкие, мои нежные и хрупкие в его руках. Джей потер обнаженную область моего безымянного пальца.

— Мы достанем тебе бриллиант, — заявил он. — Единственный в своем роде. — Он продолжал сжимать мой палец, но теперь смотрел мне в глаза. — И будем включать Дебюсси каждый божий вечер в нашем доме. Я немного изменю свое предложение, чтобы напомнить тебе, — ты не просто равна мне, ты превосходишь меня во всех отношениях, и для меня большая честь быть с тобой рядом, но я всегда буду перед тобой, защищая от всего в этом мире... — Он замолчал. — Кроме себя.

— Ты что, не понимаешь, Джей? — прошептала я в ответ. — Меньше всего на свете я хочу, чтобы ты защищал меня от самого себя.

В его глазах мерцало что-то, чего я не могла уловить.

— Рен.

Я моргнула.

— Рен? — повторила я.

— Она сказала что-то похожее

Я уставилась на него на мгновение, затем ухмыльнулась.

— Она умная женщина.

Джей наклонился вперед и нежно поцеловал меня в макушку.

— Да, это так.

— Тааак... — я растянула слово, чтобы мне не пришлось продолжать предложение.

На мне было белое бикини, завязанное по бокам. Я провела большую часть нашего пляжного дня, отбиваясь от Джея. Хотя не так уж сильно боролась с ним. Веревки были затянуты не так надежно всего пять минут назад. Мы лежали на кушетке, которую Джей принес на частный пляж. Весь такой в льняной рубашке с короткими рукавами и белых шортах. Его загорелая кожа блестела от солнцезащитного крема, который я намазала на него, хотя вряд ли он обгорит. Но я предупредила его о здешних дырах в озоновом слое и раке кожи, и он согласился.

Мои опасения по поводу рака и дыр в озоновом слое рассеялись в ту секунду, когда мои руки начали тереть его обнаженную кожу. Гладкая, безупречная, великолепная кожа его рук. Я двигалась ритмично, медленно, не сводя глаз, наблюдая, как мои руки втирают лосьон. Сначала Джей был расслаблен, не считая того, что был явно возбужден — как и я, несмотря на то, что он оттрахал меня на кухонной стойке в ту секунду, когда я вышла в вышеупомянутом бикини, — но, когда я переместилась вверх по его рукам и на его покрытую шрамами спину, он напрягся. Его челюсть стала железной, вены на шее запульсировали, а его ранее яркие радужки превратились в камень. Я прикусила губу, подумывая остановиться, но, когда он промолчал, я продолжила. Джей хотел остановить меня. Хотел придерживаться правил соглашения, которого больше не существовало. Договоренность, которую, как я думала, он создал ради контроля, но я начинала понимать, что эта договоренность существовала в первую очередь для его защиты.

Без его строгих правил у него не было никакой защиты. Он был обнажен передо мной. И то, как он стиснул зубы, держа свое тело, показало, что он боролся. Боролся, чтобы отдаваться мне.

Я медленно провела лосьоном по отметинам на его коже, чувствуя шероховатости, причиняя боль мальчику в прошлом, который просто хотел, чтобы родители любили его.

Я хотела прикоснуться губами к шрамам. Проявить к ним нежность, которая запоздала на десятилетия. Хотела избавить Джея от боли, но если бы я это сделала, я бы лишила его того, кем он был. Мужчина, в которого я влюбилась.

Я втерла лосьон внутрь. И он позволил мне.

Затем он перенес кушетку на пляж, развязал завязки моего бикини.

В конце концов, они снова были связаны. В конце концов, он позволил мне сбегать в дом и вернуться с сыром и вином, которые он пил, лениво ослабляя шнурок на моем бедре еще раз. В конце концов, я заговорила, растягивая слово, потому что боялась, что сказанное мной, нарушит совершенство дня.

— Что? — повторил Джей после того, как я некоторое время молчала.

Я перевела взгляд с сапфирового океана на затуманенный взгляд Джея.

— Утром мне нужно идти на работу. — Я посмотрела на свои руки, ненавидя ту реальность, которая нависла над нами, ненавидя то, что этот идеальный, почти летний день не был бесконечным. Ненавидя то, что не могу просто жить здесь, на этой кушетке, с Джеем в его белой одежде, выглядящим, как

красивый герой какого-нибудь фильма пятидесятых годов.

Я ожидала, что Джей будет напряжен, его лицо замкнется, вернется его равнодушная и холодная поза. Но этого не произошло. Он продолжал играть с завязкой на моем бикини, сделал глоток вина и ждал, что я скажу дальше.

Я прикусила губу.

— Мы приближаемся к финалу, поэтому рабочие дни становятся длиннее, — объяснила я.

На заднем плане тихо плескались волны, вдалеке пели птицы. В остальном не было никаких других звуков. Никаких комментариев от Джея.

— Я думаю, что у тебя нет бизнеса в Новой Зеландии, — продолжила я.

Теперь его лицо изменилось. Исчезло ленивое удовлетворение, которое смягчало каждую черту его лица. Теперь они были острее, глаза наполнились напряжением, его рука легла на мое бедро, прижимая подушечки пальцев к моей кости.

— Единственное дело, которое у меня здесь есть, — это ты, — пробормотал он низким голосом.

Я сглотнула, мой желудок сжался от его слов. Низкий, серьезный голос.

— И как скоро ты закончишь свои дела со мной? — робко спросила я. Я не знала, откуда взялась моя тревога. Эти выходные были бурными. Произошло все, на что я не позволяла себе надеяться. Но это не стерло предыдущие месяцы. Не заполнило дыры, оставшиеся внутри меня. Отсутствие Джея, мое разбитое сердце. Большая часть меня задыхалась от страха, что Джей снова уйдет. Боялась, что он больше не будет меня трогать, что его запах не будет смешиваться с каждым моим вдохом.

Джей протянул руку, чтобы убрать волосы с моего лица, обхватив мою челюсть.

— Стелла, я никогда не закончу с тобой, — сказал он. — Я не покину это место, пока ты не сядешь рядом со мной в самолет.

Я моргнула.

— Ты останешься здесь, пока я не закончу? — уточнила я.

— Да, — ответил Джей, целуя меня в шею.

Я изо всех сил старалась сосредоточиться.

— Но мы не закончим еще две с половиной недели, — возразила я.

Ловкие пальцы Джея развязали шнурок на моей шее, так что мой топ упал.

— Я в курсе. — Его губы скользнули вниз по выпуклости моей груди. Я резко втянула воздух.

— А ты очень важный бизнесмен, который всегда работает, — продолжила я с придыханием в голосе.

— Об этом я тоже осведомлен.

Губы на моем соске, его зубы эротично покусывали.

— Ну, я, кажется, припоминаю, как ты устроил скандал из-за поездки со мной в Миссури на День благодарения. На три дня. Потому что «ты не берешь отпуск». — Я хотела изобразить глубокий угрожающий голос, когда цитировала его, но это не совсем сработало с губами Джея на мне.

Его зубы впились до невероятной боли, прежде чем он посмотрел на меня.

— Я помню, зверушка, — признал он. — Но это было раньше. Когда я думал, что могу контролировать тебя. Контролировать нас. Даже тогда я не смог бы прожить без тебя эти три дня. Я жил без тебя уже несколько месяцев. Больше

не буду этого делать. Куда бы ни привела тебя твоя работа, куда бы ни привела меня моя, мы будем вместе. Больше не будет такой ночи, когда ты заснешь вдали. Не чувствуя моего члена внутри себя.

Мой желудок восхитительно сжался от его слов, сердце распухло так, что я задыхалась. Джей был не из тех, кто любит пустые уговоры.

Это было не практическое обещание, учитывая нашу работу, жизнь, годы, обещающие всевозможные ситуации, которые, вероятно, потребуют от нас расставания, и ситуации, находящиеся вне нашего контроля.

Но в том-то и дело, что я буду рядом с Джейм. Ничто не было вне его контроля, когда дело касалось нас. Я верила, что он обещал мне совместную жизнь. И, несмотря на испытания, которые, как я знала, последуют за этим, я хотела всего.

Поэтому прошептала:

— Хорошо.

Затем снова потерялась в нем.

ГЛАВА 5

Стелла

— Безопасно входить? — крикнула Рен, прикрыв глаза рукой. Другой держала в руках бутылку вина.

Я закатила глаза, сидя за стойкой, наблюдая, как Джей готовит. Я все время так сидела, и теперь это был своего рода религиозный опыт. Джей, мой Джей, мой жених на кухне. Тот самый, которого я ждала. Тот самый, из-за которого я сворачивалась калачиком на полу и плакала. Хотя, честно говоря, это было после почти двух бутылок вина.

Мне было трудно оторвать от него взгляд из страха, что он может исчезнуть, но я справилась с этим.

Карсон вошел следом за ней, не прикрывая глаз, которые были сосредоточены на Рен таким образом, давая понять, что он готов в любой момент броситься под пулю. Как будто она была его солнцем. Затем он посмотрел на ее задницу, потому что у нее была отличная задница.

Мое сердце потеплело за свою подругу.

— Ты позвонила мне, когда выходила из дома. Потом ты написала, когда была в десяти минутах езды, потом в пяти, потом ты написала, когда подъехала к дому, — сказала я ей с усмешкой.

— Ну, это ведь воссоединение века, а ты у нас горячая штучка. Так что я не удивлюсь, если Джей поймает тебя в этот золотой час солнечного света и совершенно забудет о своих гостях, — насмехалась она, ухмыляясь Джейм.

Он, конечно, не улыбнулся в ответ. Он не так уж сильно изменился. Но он скривил свой рот, значит, она его не только забавляет, но он хорошо знаком с ней. Это согрело меня еще больше, когда я увидела эту близость между двумя очень важными людьми в моей жизни. Но что-то горькое испортило его. Ревность, которая возникла, когда Рен говорила о Джейм с какой-то фамильярностью, которая не возникла из обычных обстоятельств. Это было вызвано моим разбитым сердцем.

Я быстро проглотила эту горечь. Сейчас было не время заикливаться на

таких вещах. Время радоваться, праздновать, наслаждаться тем фактом, что, несмотря на обстоятельства, связанные нашими с Джем отношениями, мы ужинаем. Почти обычный ужин с моей лучшей подругой и ее парнем. Да, ее бойфренд, эм... головорез? Наемный убийца моего жениха? Я все еще спотыкалась на этом слове, даже думая об этом. Жених, который управлял большей частью преступного мира Лос-Анджелеса, что бы это ни значило. Я знала лишь о секс-работниках, убийствах и наживании врагов.

Мысленная заметка, узнать подробности о том, из чего состоит преступный мир до того, как я выйду замуж за человека, который им правит.

Рен поцеловала меня в щеку, затем уселась на барный стул рядом со мной. Карсон по-мужски приподнял подбородок Джемю, а затем принялся наливать Рен бокал вина.

— Именно так и должно быть, — произнесла Рен с игривой улыбкой, направленной на двух мужчин. — Мужчины на кухне прислуживают женщинам. — Она взяла бокал у Карсона, и я чокнулась с ней.

— Аминь, — согласилась я. Но не смотрела на свою подругу, хотя скучала по ней и очень любила ее. Мои глаза были прикованы к мужчине, который, кстати, смотрел прямо на меня.

— Мы помолвлены, — выпалила я, все еще глядя на Джемю. Выражение его лица не изменилось, но глаза заблестели. Многие бы не увидели этого, но только не я.

Рен завизжала от радости, хлопнула в ладоши, со стуком поставила стакан на стойку и вскочила со своего места. Она схватила меня за руку, дернув ее вперед так быстро, что чуть не вывихнула мне плечо, уставившись на пустой безымянный палец, прежде чем снова взглянуть на Джемю.

— Где, черт возьми, бриллиант?

— Рен... — пробормотала я, немедленно вставая на защиту Джемю.

Она подняла руку.

— Не-а. — Ее глаза все еще были прикованы к Джемю. — Джемей — большой плохой мальчик, и он умеет говорить за себя. Он также очень богат и обладает хорошим вкусом, значит, на этом пальце должен быть бриллиант в четыре карата овальной огранки «солитер». — Она дернула мою руку вверх, чтобы помахать ею перед лицом Джемю.

Я нахмурилась на нее и отдернула руку.

— У нас не было времени на все это, — огрызнулась я.

Рен по-прежнему не смотрела на меня.

— О, у тебя было время. Месяцы. Более чем достаточно времени, чтобы позвонить лучшему ювелиру в городе и заказать что-нибудь. Зачем, черт возьми, ты пришел сюда, если не для того, чтобы признаться в своей вечной любви и потребовать вечности от этого прекрасного создания. — Она агрессивно указала на меня пальцем.

Я ожидала, что Джемей разозлится. Этот человек излучал силу. Он привык к тому, что люди боялись его, относились к нему с уважением. Рен ясно давала понять, что не боится его и определенно не боится ругани.

Но Джемей не выглядел взбешенным, ни в малейшей степени. Он посмотрел... с забавой? Я даже немного огорчилась от странной, позитивной и почти игривой связи между ними двумя.

— Я пришел сюда за Стеллой, — просто ответил он.

Что-то в том, как он это сказал, вызвало успокаивающую дрожь у меня по спине, и мой взгляд лениво переместился на Джея.

— Хммм.

Звук исходил от Рен. Я неохотно посмотрела на нее.

— Я прощаю тебя, потому что ты заставил мою лучшую подругу выглядеть так, — признала она, махая рукой вверх и вниз. — Снова похожа на себя. — Она указала на Джея. — Но по прибытии в Лос-Анджелес лучше бы там ждал гребаный ювелир с самым потрясным кольцом, которое когда-либо существовало.

Джей серьезно кивнул.

Я фыркнула.

Губы Карсона дрогнули.

Все было хорошо.

Я не спрашивала, чем Джей занимался, пока я работала. Я очень сомневалась, что он весь день сидел и смотрел Netflix или бездельничал на пляже. Он устроил импровизированный офис во второй спальне коттеджа, но не проводил там времени, когда я была дома. В ту секунду, когда я вошла в комнату, его внимание было приковано ко мне. Полностью.

Я не жаловалась.

Ни в малейшей степени.

Хотя не знала точно, чем он занимается, я подумала, что, будучи генеральным директором самых разных предприятий — компании по производству органических продуктов питания и стартапа по производству солнечной энергии, которые меня удивили и позабавили, — ему нужно много работать, и красота технологий позволила ему это сделать. Он выполнял всю эту работу на дне мира.

Его другая работа, материал, с которым мы еще не до конца разобрались, — я предположила, что ее будет немного сложнее провести через Zoom. Я хотела спросить его, кто руководит этой стороной дела, особенно если Карсон здесь, но еще не готова к этому. Теперь, когда решила навсегда остаться с этим мужчиной, я позволила себе отложить подобные разговоры. В конце концов, все случится. Я просто хотела насладиться временем, которое мы проводим здесь.

Но его полуночная жизнь всегда прокрадывалась незаметно.

Честно говоря, Джей и не пытался спрятать пистолет. Он держал его за дверь во второй спальне. У меня не было повода заходить туда, за исключением того дня, когда я искала пару теннисных туфель, которые упаковала с намерением заняться бегом. Излишне говорить, что я ни разу их не надевала. Я искала их только потому, что Джей хотел прогуляться. Прогулка. Это казалось таким обычным, таким чертовски ванильным, что возбудило меня. Он вычитал о походе неподалеку отсюда. Именно тогда мне пришло в голову, что за те месяцы, что я провела здесь, я не исследовала эту прекрасную страну. Конечно, чаще всего я работала шесть дней в неделю, причем подолгу. Но были длинные выходные. У меня просто не было жажды... чему-то удивляться. Искать красоту.

До сих пор.

Поэтому я чуть ли не вприпрыжку побежала в комнату в поисках своих теннисных туфель. Вместо этого нашла пистолет.

Я уставилась на него, лежащий рядом с моим чемоданом «Louis Vuitton». Это выглядело нелепо, как будто реквизит для фотосессии. Я достаточно хорошо знала, что это не реквизит, он выглядел тяжелым, внушительным, опасным. Несмотря на это, я двинулась вперед, чтобы прикоснуться к нему, не знаю зачем. Большие руки опередили меня.

Я обернулась и увидела Джея, стоящего там и хмуро смотрящего на меня.

— Что ты делаешь, Стелла?

Я нахмурилась в ответ.

— Что я делаю?

— Да, что ты делаешь, пытаешься взять оружие? — подрезал он.

— Во-первых, что здесь делает пистолет? — огрызнулась я, положив руки ему на бедра.

Челюсть Джея сжалась, но он не ответил мне.

Ах, так мы вернулись к этому. Молчание, когда он не хочет отвечать.

— Где ты взял пистолет? — спросила я, уставившись на оружие в его руках. Я была шокирована, но в то же время немного возбуждена. Было что-то нечто мужественное, опасное и правильное, видеть что-то настолько мощное, настолько смертоносное в руках Джея. Я знала, что он без колебаний использовал бы это против любого, кто захочет причинить нам вред.

Вероятно, я нуждалась в терапии, поскольку меня так возбуждал тот факт, что мой жених размахивал пистолетом, но мне нужна была терапия для всей своей жизни.

— Думаешь, я бы проводил время здесь с тобой — единственной самой ценной вещью в мире — без какой-либо огневой мощи, чтобы защитить тебя?

Я моргнула, глядя на него.

— Мы в Новой Зеландии, Джей, — фыркнула я. — В маленьком городке Новой Зеландии, если уж на то пошло. Мне не от чего защищаться. — Кроме того, я знала, что в этой стране очень строгие законы, когда дело доходит до оружия, которые, конечно же, мой жених — криминальный авторитет — довольно быстро обошел.

— По пляжу ходит мужчина с дробовиком, — возразил Джей.

— Черт, — пробормотала я. — Я знала, что пожалею, сказав тебе это.

— Это моя жизнь, Стелла, — заявил Джей. — Это будет наша жизнь. Я всегда буду готов, вооружен, кто-то захочет забрать тебя у меня. В какой-то момент кто-то попытается это сделать. Такова природа моего бизнеса. Это не изменится.

Никаких извинений. Во всяком случае, это был вызов, проверял, достаточно ли он меня напугал.

Я не любила оружие. Не любила насилие. Но я любила этого человека. А оружие и насилие были огромной частью его жизни. Теперь нашей жизни.

И я жила без насилия и оружия. Мне это не понравилось. Поэтому отступила назад, схватила свои теннисные туфли, и мы отправились в поход. Поход, во время которого Джей оттащил меня на обочину тропы и трахнул, прислонив к дереву.

Да, жизнь с Джем была намного, бл*дь, лучше.

ГЛАВА 6

Стелла

Новая Зеландия была особенной.

Помимо очевидных причин — пейзаж, люди, еда, спокойствие самой страны, — она была особенной для нас с Джем.

Мы никогда не были друг с другом вне нашей обычной среды. Вне его окружения. Вне города, который он... контролирует? Принадлежит? Подземный мир, которым командует. Дом со всеми этими воспоминаниями. Ужасными и хорошими.

В этой маленькой стране на дне мира была свобода. В маленьком домике на пляже. В Джем.

Конечно, ему все еще нравился контроль в спальне. Или на диване. Или на балконе. Или на кухонном столе. Да, ему нравился контроль во всех этих областях. И мне нравилось давать ему это. Нет, нравилось «дарить» это ему.

Больше он нигде не пытался показывать свою власть.

Не здесь.

Не в нашем волшебном уголке на дне мира. Конечно, он все еще был Джем. Но было в нем что-то такое, отчего он казался далеким от своего королевства, своей родины, вдали от того, что он делал дома. Огонек в его глазах был намного ярче. От этого уголки его рта приподнимались и напоминали улыбку.

Единственная заминка, которая у нас была, — это вечеринка по случаю окончания, на которую он пришел со мной. Что само по себе было шокирующим. Я упомянула об этом ему, небрежно сказала, что он может прийти, будто я ничуть не обижусь, если этого не сделает — потому что именно этого я и ждала, — хотя на самом деле я отчаянно нуждалась в этом. Хотела, чтобы Джей был как настоящий... жених — все еще очень странно думать о нем так, — который всегда приходил на вечеринки, мероприятия, пожимал руки, шутил, растворялся в толпе.

Но чтобы иметь такого мужчину, мне пришлось бы отказаться от своей жизни с Джем. Поскольку Джей не смешивался с толпой, они расступались перед ним. Он не шутил, не заводил бессмысленных светских бесед. Он запускнул людей, сам того не желая, заставлял их быть настороже. И он защищал меня. Мягко говоря.

Да, Новая Зеландия была волшебной и особенной. Здесь сползли слои Джея, показались те его части, которые я так хотела раскрыть. Но это не изменило его сути, да я и не хотела этого.

Даже если он по-королевски разозлил меня на вечеринке по случаю закрытия.

Все были удивлены, увидев, что я пришла на вечеринку с мужчиной. Особенно с таким мужчиной, как Джей. На нем не было костюма за десять тысяч долларов. На нем были джинсы и футболка — то, что он носил всю поездку, и, черт возьми, я не думала, что он будет так потрясно в этом выглядеть. Было немного неприятно видеть его без защитной одежды, но приятно видеть, как он сбрасывает свою броню, даже если это было всего на короткое время.

Хотя я любила коктейльные вечеринки и мероприятия с черным галстуком

так же сильно, как и любая другая модница, мне нравилась неформальность этой страны. Менталитет «приходи таким, какой ты есть». Что и было заключительной вечеринкой. Барбекю. Много пива. Из динамиков доносится тихая музыка в стиле регги. Само место проведения вечеринки было далеко не неформальным. Мы были в большом доме открытой планировки, каждая дверь и окно были открыты, внутренний двор полон людей, и деньги, вытекающими из каждого предмета мебели и декора.

Дом снимала одна из звезд мини-сериала, Эйвери Андерсон. Средства массовой информации рекламировали ее как диву, потому что она резко отвечала продюсерам и режиссерам, которые говорили с ней свысока, и она отказалась работать над шоу, пока ей не заплатят столько же, сколько ее коллегам-мужчинам. Ходили также регулярные слухи о том, что она приказала команде не смотреть ей в глаза и уволила помощников за то, что те не снабдили ее подходящей маркой дизайнерской воды. Что не могло быть дальше от истины. Эйвери Андерсон была умной, мягкой и одной из самых усердных работников на съемочной площадке. Она была мила со всеми, от оператора до режиссера. Мы с ней могли бы поладить лучше, если бы я была более открытой, способной улыбаться, шутить и реагировать на ее теплую индивидуальность. Увы, я этого не делала.

Ей пришлось улететь во второй день съемок шоу, но она предложила съемочной группе взять выходной. Люди, которые работали с ней раньше, говорили, что она часто занималась подобными вещами, но в средствах массовой информации ее по-прежнему называли дивой и стервой.

Так всегда с женщинами. И все же приходилось считаться с такими могущественными людьми, как Джей.

Несмотря на мой гнев по поводу таких стандартов, когда я вошла в дом с Джем, то наполнилась удовлетворением. От него исходила природная сила, вибрации. Я не пропустила пристальные взгляды, расширенные глаза, поднятые брови.

Хотя я точно не была весельчаком во время съемок, я все же подружилась с большинством людей. Не сделать этого было невозможно. Большинство из них были уроженцами Новой Зеландии, дружелюбными по натуре, и их практически невозможно не полюбить. Было много приветствий и поднятых бровей при упоминании титула жениха, которым я называла Джея. Это слово неловко слетало с моих губ. Оно казалось липким, резким и не совсем правильным.

Муж звучало бы гораздо лучше. Более твердо. Нет, мне хотелось вытатуировать себя на его гребаных костях, обмотать свои вены вокруг его, чтобы мы больше никогда не разлучились.

Джей закрывал глаза на поспешные представления, чересчур фамильярными рукопожатиями и хлопками по спине. Он пытался. Ради меня старался.

Но на нем не было костюма за десять тысяч долларов. Он не на благотворительном обеде, где единственной целью его присутствия было запугать, где каждый присутствующий знал, кто он такой, знал, что его нужно бояться, и где каждый хотел на него произвести впечатление.

Нет, для всех присутствующих Джей был просто невероятно, ошеломляюще, душераздирающе красивым мужчиной, который прибыл на вечеринку со стилисткой. Не более. Это нервировало его. Я заметила. Обычно он цеплялся

за маску, которую совершенствовал годами. Обычно он закрывался, заставлял людей замолчать одним взглядом, делал то, ради чего пришел сюда, и уходил.

Но здесь ничего такого не было.

Он пытался сделать это для меня.

— Я люблю тебя, — выдохнула я ему на ухо после того, как один из операторов швырнул в него банку пива.

Его рука, лежащая на моей талии, напряглась. Джей не ответил, но в этом и не было необходимости. Его глаза сказали все.

Затем появился Brent.

После того, как я подождала очередь в туалете и была втянута в разные разговоры по пути обратно к Джею, который общался с одной из ассистенткой продюсера. Очень молодая, одетая в обрезанную джинсовую одежду. Она была самоуверенной от груди до пальцев ног. Очень милая.

Но она прижимала свои задорные сиськи к лицу моего мужчины, и я проглотила кислоту. Ревность мне не свойственна. И это не должно меня подавлять. Этот человек пролетел ради меня через весь мир. Этот человек любил меня беззаветно. Я была в этом уверена. Но этот человек был «моим».

Его глаза нашли меня как раз в тот момент, когда я отвлеклась от разговора. Я знала, что они видели все ядовитые, собственнические мысли, которые витали в моем мозгу, потому что в них мерцало что-то похожее на веселье.

Я не могла удержаться от улыбки. Не могла не просиять. Мы дошли до этого момента... как-то. Мы могли разговаривать через всю комнату одним взглядом. Я могу расхаживать на вечеринке, зная, что принадлежу ему, а он — мне, и так оно и будет.

Навсегда.

— Стелла!

Меня притянула к себе очень большая рука. Та, которая пахла маслом. Лазурные глаза Brentа были мягкими и теплыми, полностью сосредоточенными на мне.

— Ты здесь, — улыбнулся он, сжимая мою руку, прижимая меня к своему широкому и мускулистому торсу.

Я не смотрела в другой конец комнаты. Мне не нужно было этого делать, сила его взгляда была физической. Более физически, чем большая и впечатляющая рука, обнимающая меня.

— Я здесь, — согласилась я, улыбаясь Brentу и ловко выскользнув из-под его руки. К счастью, он позволил мне это сделать... после минутного колебания. Я знала, чего Brent хотел от меня. Он точно не скрывал своего влечения. Brent был хорошим человеком.

Но мой вкус склонился к злему сорту.

Взгляд Brentа скользнул по мне. На мне был свободный хлопчатобумажный сарафан с пышными рукавами и коротким подолом. Мои ноги — как и все остальное — были очень загорелыми, и на мне были туфли на танкетке, потому что, хотя в Новой Зеландии и было принято «приходить как обычно», я никак не могла пойти на вечеринку в сандалях.

Мои волосы были растрепанными и вьющимися, и я даже не накрасилась, если не считать мазка туши. Никакой помады, потому что губы Джейа были на моих при любой возможности. Из-за этого мои губы стали розовыми, опухшими, мои щеки постоянно горели. Но сейчас щеки порозовели не от воспомина-

ний об удовольствии. Они покраснели от страха.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал Brent, не подозревая о моей внутренней панике. Compliment был пронизан намеками.

— Спасибо, — ответила я, вежливо и натянуто улыбаясь.

И все же я отказывалась смотреть в сторону Джея. Я никогда раньше не была с ним в такой ситуации. Он был очень настойчив в отношении других мужчин, пока мы были в сговоре, но не знаю, как он отреагирует сейчас.

Я получила ответ, когда руки обхватили мои бедра. Казалось, что Джей был не тем мужчиной, который мог бы наблюдать с другого конца комнаты, как мускулистый и крепкий красавчик разговаривает с его женщиной.

Взгляд Brentа переместился на руки на моих бедрах, затем на мужчину, которому они принадлежали. Тем не менее, я не смотрела на Джея. Его ярость исходила от него волнами, хотя технически он не имел на это права. Я чувствовала себя виноватой, хотя для этого не было абсолютно никаких причин. Даже если бы я однажды вечером приняла предложение Brentа выпить, если бы позволила ему отвезти меня домой, чтобы удовлетворить меня своими мозолистыми руками, я бы не сделала ничего плохого. По крайней мере, в теории.

Но сам факт улыбки ему, даже мысль о том, чтобы позволить этому случиться, казалась предательством.

— Джей, — представился он, протягивая руку, которая не впивалась в мое бедро. Его голос был ровным. Не совсем приятным. И не слишком враждебным. Но я была уверена, что если посмотрю вверх, то в его глазах будет какой-то вызов, какая-то собственность.

Я наблюдала, как мягкое, непринужденное выражение покидает лицо Brentа. Он пожал руку Джею, и оба мужчины, вероятно, схватились за нее с намерением сломать несколько пальцев.

— Brent, — ответил он со сталью в голосе.

Я едва сдержала фырканье от вопиющего проявления тестостерона.

Пристальный взгляд Brentа метнулся ко мне.

— Ты никогда не говорила, что у тебя есть чувак, Стелла, — сказал он игриво, без какого-либо обвинения, но в его взгляде все еще была резкость.

Я сглотнула, все еще не поднимая глаз на Джея.

— Я... — Я замолчала. Что мне нужно было сказать? Что когда-то у меня были очень строгие сексуальные отношения с этим мужчиной, я влюбилась в него, а затем меня изгнали из его жизни, когда я захотела большего? Затем, после месяцев боли и страданий, он вернулся ко мне с обещаниями и будущим?

Хммм, нет.

— Да, у меня есть чувак, — пошутила я, слегка ухмыляясь, несмотря на ситуацию.

— Приехал забрать ее обратно в Америку, приятель? — Brent обратился к Джею. — Хорошо, если получится, потому что Новая Зеландия очень любит ее.

Рука Джея на моем бедре сжалась сильнее.

— Пришел, чтобы забрать ее туда, где ей самое место.

Я была в таком дерьме.

Мы остались на вечеринке, чтобы выпить еще пару стаканчиков — ну ладно, только я. Джей потягивал свою вторую кружку пива — я никогда в жизни не видела, чтобы он пил пиво — и наблюдал, как я разговариваю и шучу с командой. Он вмешивался, когда это было необходимо, но в основном наблюдал. Наверное, кому-то показалось странным, что я внезапно стала разговорчивой, ходила, улыбалась в сопровождении неулыбчивого бога секса, но никто прямо не удивлялся.

Мы ушли пораньше, потому что все становилось шумным, и я жадничала временем, хотела проводить его только с Джейм. Несмотря на то, что я чувствовала скрытое течение, напряжение, которое начало нарастать в ту секунду, когда рука Brenta обняла меня.

Особенно тогда.

Потому что, хотя я не сделала абсолютно ничего плохого, я все равно хотела, чтобы меня наказали.

Джей был за рулем, потому что я выпила больше пары бокалов вина, а также потому, что он был здесь большим альфа-самцом, а водить машину, по видимому, было обязанностью альфа-самца.

— Ты трахалась с ним?

Я вздрогнула от холодной пустоты его голоса. Он еще так не говорил со мной. Ни разу с тех пор, как приехал сюда. Глупо с моей стороны было успокаиваться. Не стоило думать, что это продлится долго.

— С кем? — спросила я с легким раздражением в голосе. Мне потребовалась секунда, чтобы собраться с мыслями, вспомнить свой характер.

— Человек, который лапал тебя своими руками, — выпалил Джей.

Я закатила глаза.

— Он не лапал меня, Джей, — ответила я, разглядывая его профиль.

Он смотрел на дорогу.

— Ты трахалась с ним? — повторил он. Костяшки его пальцев побелели.

Я наклонила голову и посмотрела на него. На мужчину, которого жаждала все эти месяцы. Тот, кто говорил все эти элегантные вещи в первую ночь, тот, кто играл с завязкой на моем бикини, как будто ему было наплевать на весь мир. Мужчина, за которого я согласилась выйти замуж.

И сейчас он серьезно выводил меня из себя.

— А ты приводил кого-нибудь в свой офис в Клатче? — резко спросила я его. — Ты приказывал какой-нибудь женщине раздеться, раздвинуть ноги и не задавать вопросов?

Моя ярость удивила меня. Я была так поглощена своим облегчением от того, что Джей вернулся в мою жизнь, что обманывала себя, думая, что ни капельки не злюсь на него за то, что он оставил меня. Да, я поняла, почему он ушел. Я не винила его за это. Но какая-то часть меня ненавидела его так же сильно, как и любила.

Я не питала иллюзий, что Джей остался целомудренным ради меня, как какой-нибудь герой из романа Джейн Остин. Я знала, что Джей сделал бы все, что в его силах, чтобы забыть меня и освободиться. Это включало бы в себя траханье с другими женщинами.

Повезло, что он остановил машину на обочине грунтовой дороги, ведущей к коттеджу, потому что иначе я бы выпрыгнула из нее. Мне нужен воздух, ко-

торый не пах Джеем. Мне нужно было *подышать*.

Он выругался, когда я, спотыкаясь, выбралась из машины, прежде чем она полностью остановилась. Гравий хрустел под моими ногами, и я ухватилась за металлический забор, глядя на бесконечные сельскохозяйственные угодья, пытаясь выбросить из головы образ Джея и какой-то безликой женщины.

— Стелла.

Он был прямо за мной. Но не прикасался.

— Мы не были вместе, — призналась я, мой голос был низким и хриплым. — Так что ни один из нас не может злиться или обвинять другого.

И все же он ничего не сказал. Не прикасался ко мне.

— Я не трахалась с ним, — сказала я через несколько мгновений, уставившись в пустоту. — Я не могла впустить другого мужчину. Мысль... — Я замолчала, содрогнувшись. Не при мысли о том, что другой мужчина прикасается ко мне, а о другой женщине, прикасающейся к Джею. Я почувствовала вкус желчи. — Я хотела, — продолжила я. — Очень сильно. Чтобы наказать тебя. Чтобы наказать себя за то, что влюбилась в тебя. Я так сильно хотела забыть тебя, но впустить другого мужчину означало бы закрыть перед нами дверь. — Судорожно втянула воздух. — Я не позволяла другому мужчине прикасаться к тому, что принадлежало тебе с той ночи в Клатче, хотя жаль, что этого не сделала. Хотела бы я, чтобы мысль о тебе и другой женщине не разрывала мои внутренности. Но я не такой человек. Как бы мне этого ни хотелось.

Я сжала кулаки по бокам, дрожа от силы, которая потребовалась мне, чтобы стоять там, не двигаясь, не желая смотреть на него.

Джей, конечно же, не собирался позволять мне отвернуться от него, хотя и слышал боль в моем голосе, и наверняка знал, чего мне стоил этот разговор.

Его рука обхватила мое запястье, и он дернул меня к себе, глаза потемнели, брови сузились.

— Я привел женщину в свой офис.

Я попыталась отдернуть руку, его кожа была слишком горячей, моя собственная — слишком холодной, но он только крепче сжал ее, притянув меня ближе.

— Я сказал ей раздеться, — продолжил он.

Мой желудок скрутило, и я невольно застонала от боли, не в силах больше молчать. Я попыталась отвести взгляд, но его другая рука схватила меня за подбородок, дернув его назад, заставляя встретиться с ним взглядом. Это были турмалиновые бассейны, в которых я тонула.

— Я смотрел на нее и думал о том, какое будущее у меня было бы, если бы я прикоснулся к ней, — продолжал он, тихо говоря. — Там было бы пусто и холодно, и я почти сделал это, потому что заслужил страдания за то, что причинил тебе такую боль. Но я не прикасался к ней. Потому что знал, что в ту же секунду, как это сделаю, я никогда больше не прикоснусь к тебе.

Джей ослабил хватку на моем подбородке, чтобы медленно провести тыльной стороной ладони по моей челюсти.

— И, детка, не иметь возможности прикасаться к тебе... это, бл*дь, не вариант.

Я вздохнула, мое тело слегка расслабилось, но глаза сузились, глядя на его красивое лицо. Красивое лицо опытного лжеца. Который однажды сказал мне, что лгать так же легко, как дышать. Сейчас он лжет? Чтобы защитить ме-

ня от боли? Нет. Джей не боялся причинить мне боль.

И все же это задело.

— Стелла, садись в машину, чтобы я мог отвезти тебя домой и съесть твою п*зду, — приказал он без всяких интонаций.

Слово обвилось вокруг его языка и ударило меня в низ живота. Кончики моих пальцев сжались от желания.

Я села в машину.

ГЛАВА 7

Стелла

Можно изменить свои желания от жизни. С большой болью. С большим удовольствием. С ранами, старыми и новыми, с храбростью и, самое главное, с любовью.

Изменить историю, которая, как я думала, была наполнена модой, друзьями и бесчисленными коктейлями. Но это была только часть. Был скромный домик с не очень скромным шкафом. Теплый, маленький, уютный.

Но потом появился Джей. Злодей.

И оказалось, что я не хотела теплого, маленького, уютного. Мне нужен был ад, всеобъемлющая, зияющая, бесконечная любовь. То, что казалось безопасным и диким одновременно. Опасным и темным.

Злобным.

Да, я не хотела жить долго и счастливо, не хотела прекрасного принца. Я хотела неопределенности рядом с человеком на черной лошади.

Моя история переписана заново, было нелегко, не обошлось без боли, и я еще не совсем знаю, какой будет конец, но это не имело значения.

Джей вернул меня туда, где мне самое место. Домой. В Лос-Анджелес.

Малибу.

Дом выглядел точно так же, возвышаясь на холме, — могила всех наших воспоминаний, призраки тех, кем мы когда-то были.

Никогда не возникало вопроса о том, вернусь я в свою квартиру или нет. Точно так же, как не было вопроса о том, что Джей позаботится о рейсах домой. Первый класс. Что-то вроде первого класса, где у нас была своя гребаная мини-спальня в самолете. Мы ее, конечно же, использовали.

Когда приземлились, нас ждала машина, и только когда показался дом, я начала чувствовать себя неудобно. Напугано. Вспоминая то, что произошло в прошлом. Что произойдет сейчас. Если Джей и почувствовал мои нервы, то ничего не сказал. Он просто держал руку на моем бедре и отвечал на электронные письма на своем телефоне.

Пока мы не добрались до крыльца. Он не позволил мне взять ни одной сумки, которых у меня было много. Когда Джей поднял меня на руки, я слегка взвизгнула от шока.

— Что ты делаешь? — хихикнула я, когда он прошел последние несколько шагов.

— Переносу тебя через порог, — ответил он, как будто это была самая естественная и очевидная вещь в мире.

Я устала на него снизу вверх.

— Мы еще не женаты. Это нужно делать после свадьбы.

— Стелла, когда это я делал то, что должен? — спросил он с улыбкой в голосе. — Я планирую делать это каждый раз, когда мы заходим домой.

Я хихикнула, потому что его голос звучал серьезно и решительно. Стены проплывали мимо меня как в тумане. Джей двигался не так быстро, но я была занята, сосредоточившись на его лице.

Его челюсть была расслаблена, взгляд — мягким. Что-то в нем расслабилось, когда мы вошли сюда. В наш дом.

Он бросил меня на кровать, когда мы вошли в его комнату — нашу комнату. Было трудно называть все нашим то, что раньше принадлежало ему. Но он не позволил мне подумать об этом, совсем нет. Джей снял с меня обувь, потом брюки, нижнее белье. Затем зарылся мне между ног, наслаждаясь, доводя меня до оргазма в рекордно короткие сроки.

— Повернись, — приказал он, поднимаясь.

На трясущихся коленях я повернулась на кровати.

Его руки прошлись по моей голой заднице, лаская, разминая. Тогда я подумала, что он возьмет меня сзади. Я нервничала, не уверена, готова ли я, но в то же время жаждала, чтобы он взял меня всеми возможными способами.

Джей пошевелился, положив руки на мои бедра, наклоняя их вверх, а затем двигая мои ноги дальше.

— Позже трахну тебя в задницу, — прочитал он мои мысли, скользя пальцами внутри меня.

Я ахнула, сжимая в кулаке простыни, которые пахли им.

— Хочу быть внутри твоей киски, — продолжил он, прижимаясь ко мне. — Я буду трахать тебя жестко и медленно. — Его губы двигались у моих ушей, посылая дрожь по спине. — Потом примем душ. Затем я приготовлю тебе ужин. В какой-то момент, на кухне, ты наклонишься и подставишь мне свою задницу. И тогда я все сделаю.

Джей, как человек слова, сделал все, что обещал. И я откинула подальше все уродливые реалии жизни. Еще очень надолго.

Меня затошнило.

Я чертовски нервничала.

Не очень хороший знак, будто я довела себя до нервного срыва из-за того, что должна сказать своей самой лучшей подруге, что я помолвлена и собираюсь выйти замуж.

Я была удивлена, что Рен так долго держала это в секрете; эта женщина была печально известна тем, что не умела держать все в себе.

Я уже сказала Ясмин сегодня за обедом, и она осторожно поддержала меня, как и с тех пор, как я встретила Джея. Я знала, что она не совсем одобряла это, но она молчала о своих сомнениях.

Зои бы этого не сделала.

Мы были в нашем любимом ресторане, том самом, где говорили о Джее много месяцев назад, когда я беспокоилась о том, смогу ли купить себе еще один коктейль. Теперь я, конечно, могла позволить себе больше, чем когда-либо прежде. Не потому, что выходила замуж за Джея, у которого много денег —

о таком количестве я даже не могла мечтать — и с которым я еще не говорила о финансах. Его деньги не имели для меня значения. У меня было достаточно своих на дорогие коктейли, гардероб мечты и возможность помочь отцу поместить маму в лечебное учреждение.

Я сделала все сама. И мне придется сказать своей лучшей подруге, что я выхожу замуж за человека, который разбил мне сердце.

Мы обнялись и обнялись типичными фразами «хорошо выглядишь», поговорили о работе — где у нее все шло в гору, — заказали напитки и миску картошки фри.

Зои приподняла одну бровь, когда я попросила официанта — поскольку мы заказывали картошку фри только во время кризиса или ПМС, — но она не спрашивала. Это было не в ее стиле. Поэтому она ждала.

— Мы с Джемом снова вместе, — выпалила я. — И собираемся пожениться, — я сказала как раз в тот момент, когда официант подошел к нашему столику с картошкой фри, поэтому у нее была секунда на обдумывание, пока он положил заказ и долил нам воды.

Зои не заговорила еще долго после того, как он ушел, и я начала нервно захихивать картошку в горло.

— Как интенсивно, детка, — нахмурилась Зои, наклоняясь вперед, чтобы взять фри.

Я отправила в рот картошку.

— Да, это так.

Ее взгляд был жестким.

— Интенсив хорошо работает в фильмах, книгах, пьесах Шекспира. Но не в реальном мире. В реальном мире это — синоним опасного дерьма, когда кто-то получает травму или кого-то убивают. Что ж, Шекспир тоже хорошо это продемонстрировал, но в современных версиях романа — нет.

Я вздохнула, в основном, чтобы скрыть легкий холодок, который почувствовала от ее слов.

— Ты пессимистка, любовь моя.

Она не улыбнулась.

— Нет, я просто люблю свою подругу. И я видела, как ты преобразилась с тех пор, как этот человек вошел в твою жизнь. Не совсем к худшему, но и не к лучшему. Эта любовь сделает твою жизнь намного сложнее. Я уже вижу это. Я видела это и слышала в твоём голосе, когда ты звонила мне с края света — который ты пересекла, пытаясь сбежать от него. Он причинит тебе боль. Я не хочу этого.

Я взяла еще одну картошку фри.

— Я тоже не очень хочу, чтобы мне причинили боль. Но и другой жизни я тоже не хочу, — ответила я. — Я знаю, что наша история вряд ли будет вдохновляющей или трогательной. Люди должны отказываться от такой любви, чем верить в нее.

Я сделала паузу, пока официант предлагал нам еще напитки, на что мы обе ответили восторженным «да» еще до того, как он закончил говорить.

— Я счастлива, — продолжила я, на этот раз понизив голос. — Может быть, не так, как я себе представляла себе счастье. Но я счастлива.

Лицо Зои смягчилось — совсем чуть-чуть.

— Ну, если ты счастлива, тогда я поддерживу тебя. Даже если бы ты была

ужасно несчастна, я бы поддержала тебя. Не потому, что этого хочу, я бы прочитала тебе лекцию о том, какая ты тупая сука, но, тем не менее, поддержала бы тебя. Потому что люблю тебя. — Она слегка втянула щеки, показывая, что хочет еще что-то сказать, и не знала, сделать это или нет. Это было не похоже на мою подругу. Если она хотела что-то сказать, она говорила.

Мантра Зои звучала так: *«Слишком много женщин, слишком много представителей моей культуры хранили молчание, потому что их вынудили, у них не было выбора. У меня есть выбор. Я никогда не прикушу свой язык, потому что целые поколения до меня даже не воспользовались своим».*

— Скажи уже, — надавила я, хватая свой напиток, полагая, что он мне понадобится.

Она вздохнула, откидываясь на спинку стула.

— Это просто... ты правда знаешь этого человека, Стелла? Серьезно знаешь его? Он похож на призрака. Фантом. Одно, когда ты просто в опасности... Со всем другим делом, когда ты влюблена. Да еще и планируешь будущее. — Она скрестила ноги. — Ты хочешь детей. Он нет.

Я кивнула.

— Теперь хочет.

— Теперь хочет? — она повторила как попугай. — Просто так?

Я прикусила губу.

— Не просто так. Не забывай нашу долгую и болезненную разлуку.

Что-то промелькнуло на ее лице.

— О, я помню, потому что я не видела свою лучшую подругу месяцами, почти не разговаривала с ней, а когда поговорила, это было похоже на разговор с гребаным зомби, изо всех сил пытающимся вести себя по-человечески. Я помню, Стелла, потому что это было всего месяц назад.

Она говорила тихо, ровно, не повышая голоса. Но слова были резкими, полными эмоций, гнева.

И хуже всего было то, что она права. Я была хуже, чем зомби. Я была слаба. Разбита вдребезги. В течение месяца все изменилось. Я изменилась. Из-за мужчины. Я знала, что теперь она посмотрит на меня по-другому.

— Знаю, ты не можешь этого понять, — начала я тихим голосом. — Потому что ты такая сильная. Ты бы никогда не стлупила и не привязала бы все, что у тебя есть к мужчине, как ракушка, неспособная вырваться. — Это не было обвинением, хотя прозвучало как обвинение.

Она нахмурилась, глядя на меня.

— Нет, Стелла. Так и было. — Она покачала головой, ее слова были короткими. — Я вляпалась в такую любовь. Темную, непреклонную. Всеохватывающую. И мне пришлось выбираться из-под обломков.

Я уставилась на нее. Моя красивая, сильная и крутая подруга. Она никогда не говорила об этом. Никогда не позволяла мне увидеть боль, теперь очевидную в ее глубоких карих глазах. Я не должна быть в шоке. Мы все знали, что у Зои были секреты. Рен, Ясмин и я много ночей проводили мозговой штурм за бутылками вина. Чем больше мы пили, тем более нелепыми становились наши теории. Она была шпионкой ЦРУ, сейчас на пенсии, живет тихой жизнью, или что в настоящее время она работает в ЦРУ, расследует коррупцию в Голливуде. Что она путешественница во времени, посланная назад, чтобы спасти человечество.

— Я не хочу смотреть, как ты это переживаешь, — сердито сказала она хриплым голосом.

Мои внутренности содрогнулись от ее слов, ледяной бездны боли в ее тоне.

Я потянулась и сжала ее руку, зная, что она заперла свою боль глубоко внутри и не хотела делиться ею со мной, не сейчас.

— Этого не случится, я обещаю, — призналась я, давая обещание, которое зависело не от меня.

Когда вернулась домой, Джей был в гостиной, играла музыка Дебюсси. Мое сердце растаяло. Все тело расслабилось, несмотря на выпитое мартини. Несмотря на то, что я была выбита из колеи разговором с Зои, мой желудок скрутило узлом из-за реалий, с которыми я столкнулась в жизни с Джейем. Но без Джейа не было жизни. Мне пришлось столкнуться с этими неопределенностями лицом к лицу.

С помощью пары крепких мартини.

Джей сидел в белом кресле, которое было более чем достаточно большим для одного человека, даже для него с его ростом и в целом всеобъемлющим присутствием. Между мраморным приставным столиком стояло такое же кресло, но до сих пор им никогда не пользовались. Если Джей сидел в своем кресле, я — на нем. Не то чтобы меня это беспокоило. Ни капли.

Он отложил свой ноутбук с пренебрежением, с которым только очень богатый человек мог бы обращаться с дорогой технологией.

Я забралась к нему на колени, не говоря ни слова, и все мое тело расслабилось еще больше. Его руки крепко обняли меня, и мне захотелось остаться там навсегда, зарывшись головой в пресловутый песок, который буквально был твердой, как скала, мускулистой грудью моего жениха.

Но после вечера, проведенного с Зои, было невозможно спрятать голову, где бы то ни было. После восхитительных тридцати секунд я посмотрела на него.

— Мы с тобой не поговорили о финансах, — сказала я, уставившись на Джейа.

Он уставился прямо на меня.

— Не поговорили, — согласился он.

Я подергала ногой вверх-вниз, ожидая, что он скажет еще. Хотя я знала Джейа достаточно хорошо, чтобы понять, — он больше не скажет ни слова. Он просто холодно посмотрел на меня, с легким огоньком в глазах.

— Я буду жить здесь, — сказала я, обводя взглядом роскошную гостиную, не зная, как ее спроектировать, но зная, что это будет замечательно. Будет время, чтобы все изменить.

— Да, ты будешь здесь жить, — подтвердил Джей. — Или, если тебе не нравится, мы продадим его и купим что-нибудь другое. Построим дом где-нибудь в другом месте, если хочешь.

Я уставилась на него. Не только из-за того, как пресно он говорил о расходовании миллионов долларов, но и из-за того, насколько был готов изменить огромные части своей жизни ради меня. Было неприятно видеть, как он пытается быть кем-то незнакомым самому себе, — партнером, любовником, му-

жем.

— Нет, — быстро ответила я. — Нет, мне здесь нравится.

Хотя эти стены хранили холодные воспоминания о том, каким Джей был раньше, о женщинах, которые были до меня, я любила его крепость на холме. Нашу крепость на холме. Мне нравилось чувствовать запах моря, нравилось, что он всегда был смешан с Джемом. Мне нравилось, что я наблюдала за развитием этого дома точно так же, как и за развитием Джея.

— Хорошо. — Джей кивнул один раз, двигая рукой вверх по моему голому бедру.

Мое тело отреагировало немедленно, как и с тех пор, как Джей впервые прикоснулся ко мне.

— Нет, не хорошо. — Я положила свою руку на его.

Его подбородок наклонился ко мне в раздражении.

— Мне нужно внести свой вклад, — пояснила я.

— Ты уже вносишь свой вклад, — возразил он, пытаясь пошевелить рукой.

Я сузила глаза и сжала его руку, используя всю свою силу, чтобы остановить его. Я знала, что если бы Джей действительно хотел сразиться со мной в этом, он бы победил в мгновение ока. И когда его рука доберется до места назначения, я больше не буду драться.

— Если ты скажешь, что мой вклад имеет какое-то отношение к сексу, то разозлишь меня, — возразила я, стараясь не думать о его руке. — Потому что тогда это будет похоже на ситуацию с Джулией Робертс и Ричардом Гиром. Не хорошо.

Брови Джея слегка нахмурились.

— При чем здесь Джулия Робертс и Ричард Гир?

Мне не нравилось, что его голос граничил с игривостью. Это заводило меня еще больше. Но опять же, мне чертовски нравилось, когда он говорил игривым тоном с огоньком в глазах.

— Эм, «Красотка»? — я раздраженно выдохнула. — Пожалуйста, не говори мне, что ты не видел «Красотку», это преступление.

Огонек в его глазах стал ярче.

— О, я бы не хотел быть преступником, — поддразнил он.

Я уставилась на него.

— А как иначе, когда ты такой милый.

Что-то изменилось в его лице, затем его рука на моем бедре напряглась.

— Ты правда назвала меня милым?

Я закатила глаза.

— Хватит. Надо поговорить о моем вкладе в домашнее хозяйство. Беру на себя некоторые счета.

Его хватка на моем бедре все еще была крепкой, но все огоньки исчезли из глаз. Его челюсть напряглась.

— Ты не будешь брать на себя долбанные счета, Стелла.

— Почему бы и нет, Джей? — я усмехнулась, слегка отодвинувшись, чтобы он мог полностью видеть хмурое выражение моего лица.

— Потому что это моя работа — заботиться о тебе, — сказал он.

Я открыла рот, готовая рассказать о современной женщине и о том, как она может позаботиться о себе.

Он поднес палец к моим губам.

— Я знаю, что ты успешная, сильная, независимая, — сказал он, прежде чем я успела заговорить. — Знаю, что ты способная. И, детка, мне нравится, что ты хочешь внести свой вклад. Мне нравится, что ты такая. Но пойми, ты и так уже много чего даешь мне. — Он провел большим пальцем по моей нижней губе. — Стелла, мне кажется чертовски преступным, что ты моя. Странно, что кто-то вроде тебя хочет провести свою жизнь со мной, зная, кто я такой. Зная мое прошлое. Это гребаный подарок. Каждый чертов день. И я чувствую себя мошенником, гребаным демоном за то, что позволил тебе дать мне так много, позволил тебе дать мне все, не имея возможности сделать для тебя ничего, что соответствовало бы этому. Дарю тебе дом, который ты превращаешь в уютное место, одежду, которую могу сорвать, кровать, в которой могу трахнуть тебя, это кое-что значит для меня. Это много значит для меня. Знаю, это не соответствует гребаным правилам того, как все должно быть в наши дни. Но на случай, если ты не заметила, я не из тех, кто следует правилам.

Я чуть приоткрыла рот, чтобы впустить его большой палец, попробовать его на вкус, прикусить зубами, почувствовать, как он твердеет рядом со мной, и наблюдать, как желание затуманивает его глаза.

— Так сойдет, любимая? — проворчал он хриплым голосом.

Я очень медленно кивнула, его большой палец все еще был у меня во рту.

— Хорошо, — прорычал он.

Потом мы встали.

— Руки на подлокотники, — приказал он.

Я немедленно подчинилась, облизывая губы, которые теперь распухли от его большого пальца.

Руки Джея поползли вверх по моим ногам, под юбку и к краям трусиков, зацепив их большими пальцами и потянув вниз. Я вышла из них, все еще на каблуках. Мои колени задрожали, когда его передняя часть прижалась к моей спине, пальцы коснулись моих губ.

— Открой рот, — потребовал он.

И снова я немедленно подчинилась.

Как только его руки убрались с моего рта, они опустились вниз, внутрь. Я ахнула, сильно вцепившись в подлокотники кресла.

— Вот, что ты даешь мне, зверушка, — прошептал он мне на ухо, его пальцы все еще двигались. — Твоя сладкая киска, всегда влажная для меня. Всегда голодная.

Его пальцев не было, и я бы закричала в знак протеста, если бы не услышала щелчок ремня. Джей ворвался внутрь без церемоний, заполняя меня.

Он не пошевелился, по крайней мере, не сразу.

— Стелла, вот, что ты мне даешь, — выдохнул он мне в ухо, и по моей коже побежали мурашки. — Ты даешь мне гребаный рай. Ты даешь мне дом.

Затем он пошевелился.

И я больше не спорила с ним о финансах.

Дебюсси все еще играл, когда мы закончили. Я все еще была одета, вплоть до туфель, за исключением нижнего белья. Мое тело было прекрасно измотано, и я потягивала мартины, который Джей приготовил для меня, пока я, спо-

тыкаясь, ходила в ванную и обратно, приводя себя в порядок. Он приказал мне больше не надевать трусики, и я послушалась. Французские двери были открыты, и морской бриз смешивался с запахом Джея, нашим запахом.

Мои глаза были закрыты, голова откинута на спинку стула, я чувствовала спокойствие, удовлетворение и огромную благодарность за риск, на который пошла с Джем.

Я держала глаза закрытыми, лениво улыбаясь, когда едва заметное прикосновение коснулось тыльной стороны моей щеки. Я замерла, когда Джей поднял мою левую руку и надел что-то холодное на безымянный палец. Не отпуская, он схватил меня за запястье и осторожно потянул вверх.

Мои глаза все еще были закрыты.

— Открой глаза, Стелла, — приказал он, теперь обе руки были на моей шее.

Дрожа, я так и сделала. Я не смотрела вниз на кольцо, которое он надел на палец. Не хотела и не нуждалась в этом. Все, что нужно, было в его глазах.

— Даже если я не заслуживаю быть мужчиной, стоящим рядом с тобой, я буду перед тобой всю свою гребаную жизнь. Я защищу тебя от всего мира, Стелла. — Он снова погладил меня по лицу. — От всех и всего, кроме себя. И я буду любить тебя до своего последнего гребаного вздоха.

Слезы текли по моему лицу, и Джей вытер их большим пальцем.

— Ты сказал, что не романтик, — прошептала я хриплым от слез голосом.

Он наклонился, чтобы нежно поцеловать меня.

— Я солгал. — Он пожал плечом. Совсем чуть-чуть.

Позже, намного, намного позже, я посмотрела на свой палец. Идеальное, овальной огранки, золотое кольцо с бриллиантом в четыре карата, солитер. Простое, но не похожее ни на что, что я видела раньше.

— Я не привык следовать указаниям людей, — сказал Джей, когда я любовалась им в нашей постели, обнаженная. — Но счел невозможным не послушать Рен в этом вопросе, потому что это чертовски идеально.

— Да, — всхлипнула я сквозь новые слезы. — Так и есть.

И я определенно говорила не о кольце.

Три дня спустя

— Я тут подумала... — сонно бормотала в грудь Джея, лениво рисуя на ней круги. Рукой, которая теперь казалась восхитительно тяжелой. — О том, чтобы повидаться с мамой.

— Хорошо, — ответил он. Его руки крепко обнимали меня, его ладонь прижималась к моей заднице.

Я нахмурилась, вглядываясь в темноту.

— Хорошо? — повторила я. — Это все, что ты можешь сказать? — Обвинение и язвительность в моем тоне были необоснованными, но я ничего не могла с собой поделать. Моя мать была для меня уязвимым объектом, и всякий раз, когда упоминалось о ней, я становилась открытой раной.

Руки Джея сжались вокруг меня, как будто он ожидал моего побега.

— Что мне сказать, Стелла? — ровным голосом спросил он.

Я раздраженно выдохнула воздух сквозь губы.

— Не знаю. Но тебе всегда есть что сказать. Ты всегда... — Я замолчала.

Джей всегда видел меня яснее, чем я сама в такие моменты. Я хотела, что-

бы он сказал мне, что это отличная идея, или предостерег от большой ошибки. Будто я испорчу себе жизнь на долгие годы.

Я справлялась со своими страхами, когда дело касалось моей матери, ее болезни, того, что могло стать моей болезнью. Во-первых, потому что мне было очень больно из-за потери Джея, и в какой-то момент я правда начала желать этого безумия. Затем Джей вернулся в мою жизнь, проглотив все страхи. По крайней мере, на какое-то время.

Теперь мы вернулись к нормальной жизни. Или нашей новой норме. Мои обычные страхи возвращались, и даже со всей магией Джея он не мог отнять их у меня. Только я могла это сделать.

— Если хочешь, чтобы я принял решение за тебя, Стелла, я этого делать не буду, — заявил Джей. — Это зависит от тебя. Какой бы выбор ты ни сделала, я его поддержу.

Я вздохнула.

— Куда делся мой альфа-самец-доминант? — я застонала.

Внезапно я больше не была на груди Джея. Я лежала на животе, руки над головой.

— Держись за спинку кровати, Стелла, — прошептал он мне на ухо.

Несмотря на вечернее веселье, он был твердый, упирался в расщелину моей задницы.

— Чувствуешь это? — спросил он, уткнувшись мне в затылок. — Это я, тот самый альфа-самец-доминант. Если хочешь, я отшлепаю тебя по заднице, а потом трахну в нее.

Я затаила дыхание, не в силах говорить, мое тело дрожало от желания. Я не думала, что стану женщиной, которая будет трахаться в задницу. Оказалось, что стала. В большом, бл*дь, смысле.

— Да, — прошипел он. Он надавил еще сильнее, достаточно сильно, чтобы я впилась зубами в свою губу, затем он отстранился.

Я глубоко вздохнула... От облегчения? Разочарования?

— Я готов контролировать многое в твоей жизни, Стелла, — пробормотал он. — Особенно некоторые области тебя. — Он разминал мою задницу. — Другие — нет. Другими частями ты будешь сражаться со мной зубами и ногтями. Это меня очень бесит в тебе, но в то же время просто восхищает. — Джей погладил меня по лицу. — Но это единственное, что я не буду контролировать, не отниму у тебя. Это твое решение, которое ты должна принять. Я верю, что ты примешь правильное решение.

Я поджала губы и сделала все возможное, чтобы не дать пролиться слезам. Хотя это казалось невозможным, я с каждым днем влюблялась в этого человека все больше и больше.

ГЛАВА 8

Стелла

Две недели спустя

— Привет, мам, — сказала я, слабо улыбаясь, мой голос был тихим и незнакомым.

Желудок скрутило узлом, сегодня я не смогла ничего съесть. На борту частного самолета, на котором мы летели в Миссури, было много вкусной еды. Джей, очевидно, заказал его, чтобы отвезти меня сюда, когда я решилась. Я ни за что не смогла бы сделать это одна.

Он был в машине, за пределами нового учреждения, в котором находилась мама. Я хотела, чтобы он пошел со мной, был сильным, утешающим и непреклонным присутствием рядом со мной. Он бы сделал это, если бы я попросила, в одно мгновение. Но мне нужно сделать все самой.

Я прошла через двери. Охранную систему. Потом еще через несколько дверей, на которых были замки, а снаружи стоял дородный охранник, кивая мне, когда я проходила мимо, выглядя скучающим и полусонным.

За запирающимися дверями местечко казалось милым. У черта на куличках, всего в часе езды от Сент-Луиса. Папа хотел, чтобы мама была в том же штате, но в лучшем учреждении, которое только можно было предложить. И это место было довольно хорошим. Снаружи фонтаны. Успокаивающие оттенки белого, со вкусом подобранные произведения искусства, удобные кресла. Но я не могла выбросить из головы охранника, запирающиеся двери и запах затхлого воздуха, который не могли замаскировать даже дорогие масляные диффузоры.

Когда я приехала, люди толпились в общей зоне. Большинство сидели, читали, смотрели в окно, играли в настольные игры и карты. Не знаю, почему я ожидала, что люди будут разговаривать сами с собой в углу или качать воображаемых младенцев, но я была зла на себя за это. Я готовилась к худшему.

Мое тело было так напряжено, пока я шла до маминой комнаты, думала, что могу сорваться.

Комната была большой. Из окон открывался чудесный вид на тщательно ухоженный сад, на голубой, безоблачный день. Ее комната была украшена различными узорами, цветами и текстурами. Много фиолетового. Мама любила фиолетовый. На стенах у нее были мои фотографии, когда я была подростком, с выпускного, очень мало фотографий меня и ее, потому что мы не так часто были рядом на протяжении многих лет. Ведь большую часть времени мама была убеждена, что чудовища пытаются украсть ее душу.

— Медвежонок? — спросила мама, моргая на меня.

На ней был фиолетовый велюровый спортивный костюм, волосы убраны с лица. Она выглядела юной и уязвимой.

Я натянуто улыбнулась, изо всех сил стараясь проглотить нервы. Я не совсем понимала, что с собой делать, где стоять, как быть. В последний раз я видела свою мать в позапрошлый День благодарения, до встречи с Джем. Она была тихой, угрюмой, принимала лекарства, из-за которых становилась рассеянной, и это ее злило. Она ненавидела быть не в себе. Ненавидела то, что лекарства забирали у нее контроль над собой. Вот почему у нее было так много казусов за эти годы, и почему ей не стало лучше или, по крайней мере, качество ее жизни не улучшилось, как у подавляющего большинства людей с такими заболеваниями. Слабоумие сделало все еще хуже.

Она выглядела на десять лет старше, чем в последний раз, а ее глаза были такими пустыми, какими я их никогда не видела, даже когда она принимала самые сильные лекарства.

— Да, мам, это я, — сказала я, изо всех сил стараясь, чтобы мой голос не дро-

жал.

Я неуверенно пересекла расстояние между нами и притянула ее в объятия. От нее, как всегда, пахло жасмином, она казалась такой хрупкой и маленькой. Я беспокоилась, что слишком крепкие объятия могут сломать ей несколько костей.

Когда я отпустила ее, она обхватила мое лицо руками, ее глаза загорелись.

— Дорогая, ты прекрасна, — сказала она шепотом. Ее глаза изучали мое лицо. — И ты влюблена.

Я моргнула, глядя на нее.

— Откуда знаешь?

— Мама всегда знает.

Она отпустила мое лицо и улыбнулась мне, открытая, любящая — такая улыбка, от которой мое сердце начало тосковать по такой матери, какой она могла бы быть. Я знала, какой бы она была, если бы болезнь не забрала ее. От нас. Потому что мама была красива даже с годами, даже с легкой серой бледностью на лице. Даже несмотря на все это. В ней было нечто особенное. Именно поэтому мой отец влюбился в нее.

— Садись, — попросила она, указывая на плюшевое фиолетовое кресло в центре комнаты. — Я приготовлю чай.

Я осторожно села, положив сумочку на боковой столик, на котором стояла фотография в рамке, где она с отцом в день их свадьбы. Они целовались, мой отец крепко прижимал ее к себе, белая тафта взрывалась вокруг него. Мое сердце сжалось при мысли о счастье, которое они, наверное, испытывали в тот день. Любовь. Та, что должна была длиться вечно.

Я знала, что папа не переставал любить эту версию мамы. И я была уверена, что мама отвечала ему взаимностью. Любовь не имела ничего общего с тем, что их разделяло. Несмотря на то, что популярная культура любила изображать, было много вещей сильнее любви. Мне стало плохо от ощущения, что у нас с Джемом может случиться в один прекрасный день, — останутся фотографии, на которых наша любовь увековечится такой, какой она была до того, как жизнь разорвала ее на части.

— Как его зовут? — спросила мама, наливая чай в цветастую чашку с блюдцем в тон.

В ее маленькой комнате не было ни чайника, ни мини-кухни, наверное, она велела принести его до моего приезда. Приготовила две чашки. Должно быть, она взволнована. Не думаю, что у нее много посетителей, даже папа все еще работает целыми днями. Чувство вины кольнуло меня в живот, когда я осознала, как редко навещаю ее.

— Джей, — ответила я ей, наблюдая, как она пересекает небольшое пространство. Я хотела встать, помочь ей. Казалось, отнести две чашки слишком тяжело для маленькой женщины.

— Джей, — повторила она, протягивая мне чашку с блюдцем.

Я взяла, благодарная за то, что мне есть, чем занять руки.

Глаза матери остановились на бриллианте на моей левой руке, затем они расширились.

— О, боже мой, — прошептала она. — Ты выходишь замуж.

Я кивнула, неуверенно улыбаясь.

— Да.

Свет в ее глазах затуманился, а брови нахмурились.

— Что папа сказал по этому поводу?

— Он счастлив, мам, — ответила я, жалея, что не приняла предложение отца поехать сюда со мной. Я снова почувствовала себя маленькой девочкой, в меня закрадывались старые страхи, я вспоминала, как мама расхаживает передо мной с ножом в руке.

Тогда она была больна, напомнила я себе. Я была слишком мала, чтобы понять это. Она не собиралась причинить мне боль.

— Он счастлив? — повторила она, расхаживая взад и вперед. На ней были тапочки с кроликами. — Нет, он не может быть счастлив. Ты слишком молодая. Ты не закончила среднюю школу. — Она остановилась, указывая на меня. — Давай подождем, пока он не вернется домой. Мы еще поговорим об этом.

Я встала, направляясь к маме, хотя старые страхи говорили мне не делать этого, они говорили бежать. Это же моя мать.

— Мама, — прошептала я, схватив ее за руку. — Мы не дома, помнишь? Я окончила среднюю школу. Мне почти тридцать.

Она уставилась на меня, ее глаза были пустыми и тусклыми. Пугающими. Затем они изменились, засветились от осознания и смущения.

— Конечно, — тихо признала она. — Конечно, милая. — Она убрала свою руку от моей, нежно погладив ее. — Теперь чай. Поговорим о твоём мужчине.

Так мы и сделали. Пили чай. Говорили о моем женихе. Как будто были обычными матерью и дочерью. Как будто не сидели в психиатрической лечебнице с замками на дверях и охранниками. Как будто жених, о котором я говорила, не был смертельно опасным криминальным авторитетом. Как будто мои мгновения, мои секунды с мамой не таяли с каждым днем.

Джей был там, когда я вышла на нетвердых ногах и с разбитым сердцем. И хотя он был уверен, что не способен быть нежным или заботливым, он заботился о моем разбитом сердце и о моих невысказанных страхах.

Все нормально.

Какое-то время.

Месяц спустя

Мои мысли были заняты многими вещами, пока я шла по дому. Нашему дому. Моего и Джея. Воландеморт был счастлив в своем новом убежище. Более чем счастлив. Он почти не шипел и вообще не царапал меня. Валялся в разных солнечных местечках вокруг дома, и его любимым местом был кабинет Джея. Особенно, если там работал Джей. Двое стали близкими друзьями, два злодея.

Фотографии теперь были разбросаны по всему дому, на тумбочках, на стенах, на разных поверхностях. Рен даже умудрилась сфоткать нас с Джеем на ужине в Новой Зеландии, как раз когда садилось солнце. Он убирал волосы с моего лица, а я смеялась в свой бокал с вином. На нем была черная футболка, а на мне желтый сарафан, мои волосы были растрепанными. Позади меня были тени, а позади него — солнечные лучи. Это было поразительно и трогательно. Я распечатала снимок и вставила в рамку в нашей спальне, и наняла Рен в качестве нашего личного фотографа-невидимки, поскольку Джей не был лю-

бителем селфи. Откровенные снимки были самыми лучшими. Это теперь моя личная миссия — наполнить дом теплом, воспоминаниями, любовью. Пока я шла по коридору, мои мысли были заняты тем, чтобы наполнить дом чем-то другим.

Мы не говорили на тему детей с Новой Зеландии. Ни разу. Мои противозачаточные инъекции давно закончились, о чем Джей знал, так как у меня снова начались месячные. Не то чтобы это мешало Джею что-то делать.

Каждый мужчина, с которым я когда-либо встречалась, нервничал, чувствовал себя неловко или странно из-за женщин во время месячных. Так или иначе, менструирующая женщина была дьяволом, которой следовало избегать, и о сексе, очевидно, не могло быть и речи. Конечно, первые пару дней меньше всего на свете я хотела, чтобы кто-нибудь прикасался ко мне, когда чувствовала себя опухшей, раздраженной и с большим животом. Но после этих несчастных двух дней мое сексуальное влечение обычно возвращалось с удвоенной силой. Это означало, что я либо была разочарована до конца недели, либо на вибраторе садилась зарядка. Как бы сильно мужчины ни хотели, чтобы их считали прогрессивными феминистами, они были просто испуганными маленькими мальчиками, когда дело доходило до менструации.

Джей не был одним из тех мальчиков. Он был настоящим мужчиной. Он не был напуган или возмущен небольшим количеством крови. Ни в коем случае. И я думала, что буду чувствовать себя неловко или отвратительно из-за этого — потому что именно так общество хотело, чтобы мы чувствовали себя, — но мне всё чертовски понравилось.

Так что да, Джей знает, что я больше не принимаю инъекции, потому что он определенно заметил изменения, но не сказал ни единого слова. И при этом не переставал кончать в меня. Так продолжалось несколько месяцев и.. ничего. Конечно, ребенок не вариант прямо сейчас, не с планируемой свадьбой, занятостью на работе, ведь мы с Джем только привыкаем к новой жизни. О, еще есть таинственный, незаконный бизнес Джея по управлению преступным миром Лос-Анджелеса.

Да, мне, вероятно, следует узнать об этом больше подробностей, прежде чем я буду беспокоиться о том, что забеременею от этого мужчины. Но я не могла выбросить из головы маленького темноволосого малыша с глазами Джея в его мускулистых руках... да, от этого у меня матка сжималась.

Я пыталась не беспокоиться о том факте, что моя вышеупомянутая матка может быть бесплодной. Как будто у меня и так было мало поводов для беспокойства.

Именно посреди всего этого я поняла, что не одна в доме.

— О, простите! — я вскрикнула, когда вошла на кухню и увидела женщину в холодильнике, спиной ко мне.

Я понятия не имела, почему извинилась перед странной женщиной, которая была в доме Джея — на самом деле, теперь и в моем тоже. Но я сделала это, повинувшись инстинкту, шоку или чему-то еще.

Фелисити, вроде ее так зовут. Я была удивлена, что прожила здесь два месяца и не столкнулась с ней. Ее присутствие ощущалось повсюду: в безукоризненно чистом доме, в постиранном белье, свежесглаженных простынях. Женщина гладила гребаные простыни. Призрачная женщина, которая, казалось, была единственной постоянной женской частью жизни Джея, женщина,

которая готовила для него, убирала для него и, как казалось, ходила за покупками. В этом есть смысл. Я не представляла Джея в «Whole Foods». Тогда меня осенило, что мы вдвоем никогда даже не были вместе в супермаркете. А ведь мы помолвлены. Кажущаяся безобидной рутинная норма для большинства пар, но в то же время нечто совершенно чуждое нам.

Но это было не то, на чем стоило заикливаться, не сейчас, когда Фелисити стояла на кухне, наконец-то во плоти.

По какой-то причине я представляла ее пожилой, полной итальянкой. А не женщину, одетую в дорогие сшитые на заказ брюки, которые демонстрировали чрезвычайно задорную задницу и тонкую талию.

Ее темные волосы были уложены локонами по спине, а рука, которая ставила миндальное молоко — мою любимую марку — в холодильник, была скульптурной и загорелой.

— Фелисити, верно? — спросила я, двигаясь вперед, мой голос был теплым, несмотря на то, что я чувствовала себя неуверенно из-за того, что Фелисити чертовски горячая. — Я так ждала встречи с тобой, — продолжила я, стараясь придать теплоту своему голосу, ненавидя едкий привкус ревности, ползущий по горлу.

Это было слишком банально — подвергаться угрозам со стороны привлекательной женщины, работающей на моего будущего мужа. Я доверяла Джею, не так ли? Знала, что он безмерно любит меня, что может быть жестоким и уродливым, но никогда не будет обманщиком. Если бы я была ему не нужна, он бы все прекратил.

Хотя это не заставило меня чувствовать себя лучше.

Все стало еще хуже, когда женщина повернулась. Все рухнуло.

Я остановилась как вкопанная, когда Фелисити повернулась на каблучке с красной подошвой. Ее лицо было настороженным, выражение неуверенное, но не угрожающее. Почти грустное. Точно такое же, как той ночью. Первой ночью с Джем. Женщина в красном платье, которая, несомненно, была одной из бывших Джея, к которой он прикасался, которому она принадлежала. Чье сердце и душу он украл.

И Джей не бросил ее. Нет. Она здесь. В его доме. Заполняет его гребанный холодильник. Моя кровь похолодела, и я застыла на месте, быстро моргая, глядя на великолепную женщину передо мной.

— Стелла, — сказала она низким, хриплым голосом. — Извини, не знала, что ты будешь здесь, иначе...

— Все в порядке, — я махнула рукой, заставляя себя улыбнуться. — У меня был клиент, и он отменил встречу в последнюю минуту, поэтому я решила прийти домой пораньше, принять ванну. У меня большая стопка книг, которая только растет, так как я продолжаю покупать новые, не читая старые, — пробормотала я. — Я решила поставить перед собой цель каждый божий день выделять время, чтобы немного почитать. И мне нужно просто притормозить, понимаешь?

О... боже мой. Почему я все еще говорю? Болтаю о долбанных книгах перед красивой бывшей Джея... или кто она там. Та, что много для него значила, раз он впустил ее в свою жизнь. В крепость, которую держал так крепко, что даже я не исследовала ее полностью.

— В общем, — я сделала паузу, глубоко вздохнула и махнула рукой, — ниче-

го страшного, что ты здесь. На самом деле, я рада. Мы никогда толком не встречались. — Моя улыбка была такой натянутой, что казалось, лицо вот-вот расколется.

Я была полна решимости не извергать ни одной из своих ядовитых мыслей на эту женщину. Она ни в чем не виновата. У нее не было обязательств передо мной. Она была не из тех, кто хранит секреты. Она была просто женщиной, которая влюбилась не в того мужчину. Тот, кого жаждала. И жила на те крохи, которые он продолжал ей давать. Я содрогнулась, подумав, как легко могу стать такой же.

— Я тоже, — неуверенно улыбнулась она. — Я знаю, что мистер Хелмик предпочел бы... сам спланировать нашу встречу, но я так рада, что ты вернулась. — Ее глаза заблестели теплом.

Искренность? Конечно, нет. На благотворительном вечере было ясно как день, что она влюблена в Джея. Ни одна женщина, влюбившаяся в Джея, не была достаточно чистой и доброй, чтобы искренне радоваться, видя, как он делает то, чего обещал никогда не делать: любит другую.

Но я не могла найти ничего темного или уродливого на ее лице. Возможно, она была просто великой актрисой. Или лучшей женщиной, чем я.

— Я тоже рада, что вернулась, — выпалила я, добавляя фальшивую радость в свой голос, как будто меня оценивали. — Навсегда, я вернулась навсегда. — Я не знала, почему добавила это. Ехидно и не к месту, но ничего не могла с собой поделаться. — Тебе тоже больше не нужно этого делать, — продолжила я, ненавидя себя, кивая на холодильник. — Я могу сама купить продукты. Я знаю, что нравится Джею. — В моем голосе не было язвительности. В этом нет необходимости. То, что я говорила, было ясно как божий день.

Джей — мой.

Я никогда не думала, что стану такой женщиной. Мелочной, властной женщиной, втирающей свою победу в лицо раненым, как соль в рану. Но вот она я.

Фелисити вздрогнула. Я еще больше возненавидела себя за это. Другая больная, уродливая часть меня была удовлетворена, счастлива за то, что я попала в цель.

Она поджала губы и кивнула.

— Конечно, — ответила она тихим голосом.

Именно тогда она подняла руку, чтобы заправить волосы за уши, и солнечный свет, струящийся через окна, отразился от ее браслета. Бриллиантовый браслет. Такой же, как у меня.

Мое сердце бешено колотилось в груди, а к горлу подступила желчь. Я сделала все возможное, чтобы проглотить это. Делала все возможное, чтобы сохранить эту фальшивую улыбку на лице.

— Знаешь, я совсем забыла, у меня скоро встреча, — размышляла я, хватая свою сумочку с того места, где я бросила ее на стойку. — Это срочно, и чем скорее я доберусь туда, тем лучше. Было очень приятно наконец-то познакомиться с тобой, Фелисити.

А потом я выбежала из дома.

Из дома Джея.

Уж точно не из нашего.

Как раз в тот момент, когда я пронеслась мимо помощника Джея в его офис, меня осенило, что я никогда не была в офисах Джея в центре города. Элегантные, дорого обставленные офисы, в которых, вероятно, размещались все его законные предприятия. Я не встречалась с ним здесь за обедом, не встречалась с его помощниками, понятия не имела о специфике того, что здесь происходит.

Джей даже никогда не говорил мне, где находится это место.

Его глаза слегка расширились, когда я ворвалась в дверь.

— Стелла, — поприветствовал он, откладывая стопку бумаг, которые держал в руках.

— Знаешь, что мне пришлось искать в Google твой офис? — рявкнула я, бросаюсь вперед.

Он моргнул один раз, лицо ничего не выражало.

Я не дала ему ответить.

— Да, мне пришлось погуглить местоположение места работы своего жениха, потому что он, бл*дь, никогда мне об этом не говорил! — выругалась я, повысив голос до крика. Я планировала сидеть перед ним за столом, говорить спокойно, красноречиво, позволяя ему объясняться.

Теперь, когда я здесь, смотрела на его красивое пустое лицо, охваченный чувством, которое испытывала всякий раз, когда Джей рядом, ярость была единственным вариантом. Поэтому я расхаживала взад и вперед. И кричала.

— Еще одна вещь, о которой ты мне не сказал, — проскрежетала я. — Фелисити. Конечно, я знала о ее существовании, но не знала, кто она такая. Но сегодня все стало ясно. Когда я пришла к тебе домой...

— Это наш дом, — прервал Джей холодным голосом.

Я остановилась как вкопанная, прищурившись на него.

— Нет, — прошипела я. — Наш дом — это общее место. Там, где нет секретов. С холодильником, полным еды, которую мы покупаем вместе в гребаном «Whole Foods», а не там, что твоя бывшая гребаная любовница покупает продукты и готовит для тебя!

Я понимала, что чуть не кричу в очень тихом, очень высококлассном офисе, но, честно говоря, сейчас мне наплевать. Что делало все еще хуже, так это то, что Джей спокойно сидел там, с этим гребаным идеальным лицом и этим гребаным огоньком в глазах. Он не казался встревоженным, разозленным из-за того, что я расхаживала по его очень модному кабинету, устраивая сцену. Его не беспокоили мои эмоции, которые скрывались за яростью. Джей был достаточно эмоционально умен, чтобы понимать, сколько боли скрывается за всеми этими криками.

Мои кулаки были сжаты по бокам, и потребовалось много усилий, чтобы не швырнуть в него чем-нибудь. Не думать о некрасивых, жестоких и горьких вещах, которые можно сказать. Я хотела причинить ему боль, хотела проникнуть достаточно глубоко, чтобы вызвать реакцию, чтобы получить от него что-то. Я хотела причинить ему боль, как он причинил ее мне.

— Она не моя любовница, Стелла, — ответил он.

Тон его голоса только еще больше разозлил меня.

— У нее такой же гребаный браслет, как у меня! — закричала я, тряся перед

ним запястьем, не понимая, почему, черт возьми, браслет все еще там. Мне следовало швырнуть его в океан или что-нибудь столь же драматичное, прежде чем приехать сюда.

Теперь уже слишком поздно.

— Ты подарил ей этот браслет или нет? — потребовала я.

Джей на мгновение замолчал. Его глаза оценивали. Он никогда раньше не видел меня такой. Такой злой. Я не думала, что когда-то была так зла за всю свою жизнь, и даже если была, то никогда не набиралась смелости, чтобы обрушить это на Джея, боясь потерять его. Но сейчас начинала сомневаться, был ли он моим когда-нибудь.

— Да, — наконец заговорил он, слова были отрывистыми.

Мой желудок сжался, а во рту пересохло, хотя я знала, что это правда, еще до того, как он заговорил.

— И ты трахал ее, — сказала я, не спрашивая, но молча умоляла его не соглашаться.

— Да.

Я словно проглотила бритвы.

— У тебя есть женщина, носящая бриллианты, которые ты ей подарил — точно такие же, как у меня, позволяя расхаживать в нашем доме? — теперь я говорила медленно. Тихо. Больше не было причин кричать.

— Это еще не все, Стелла, — сказал Джей.

Я быстро кивнула.

— О, я уверена, что всё, Джей. Просто жаль, что ты не доверял мне и не рассказал больше.

Именно тогда я развернулась и вышла.

Он не последовал за мной.

ГЛАВА 9

Стелла

— Пап. — Я пристроила свой телефон на сгибе плеча, держа в руках кучу дерьмовой одежды от кутюр. Мне очень, очень нужен помощник. — Я знаю, что была ужасной дочерью, и должна тебе около трех телефонных звонков, но я иду на фотосессию и пью только кофе, так что мои мозговые клетки вялые. Можно перезвоню?

Все это, конечно, было правдой. Но я также правда не хотела разговаривать со своим отцом, потому что не хотела, чтобы он услышал в моем голосе что-то такое, что заставило бы его задавать вопросы. Я была бы в порядке, если бы не ситуация с Джеем.

Но я не хотела говорить об этом своему отцу. Не хотела рассказывать ни одной гребаной душе о нашей ссоре. Даже несмотря на то, что это была не просто ссора. Казалось, это невозможно исправить. Боль внутри меня была живой, дышащей вещью, которая усиливалась с каждым движением. Я слишком быстро впустила его обратно в свою жизнь. Ни хрена не поняла с прошлого раза. Вложила слишком много себя в эти отношения, поэтому, когда они раскалывались, казалось, что все внутри меня ломается.

Я не видела выхода из этого положения. Не знала, как прощу его за эту

ложь, не задаваясь вопросом, сколько еще он скрыл. И я не могла поговорить со своими подружками. Зои наймет киллера, потому что она только-только смирилась со всем этим. Ясмин спокойно говорила бы со мной и посоветовала бы порвать с человеком, который обманывал меня, который уже причинил мне сильную боль. Я ничего не знаю о его жизни.

Рен была бы лучшим вариантом, так как она была единственной из моих друзей, кто состояла в команде Джея. Но я хотела, чтобы она там и осталась.

Папа был не из тех, кому я могла бы рассказать такое, потому что тогда пришлось бы объяснять ему всю суть «договоренности», и да, это не совсем то, что девушка рассказывает своему отцу. Особенно с тех пор, как этот отец смирился с мыслью, что Джей станет его зятем.

Да и Джей не позвонил ему для того, чтобы сначала спросить его разрешения. Мой отец был прогрессивным человеком, но я знала, что он немного раздражен всем этим. К счастью, папа не держит обиду, и все, чего он хотел, — это чтобы его дочь была счастлива. И, к счастью, он вообще не знал, что мы расстались. Мне каким-то образом удавалось притворяться, что мы все еще вместе, благодаря разнице во времени и неспособности моего отца читать тон через смс.

Я пыталась переварить эту новость, пыталась залечить эту боль самостоятельно. Потому что даже в своей ярости не могла провести прошлую ночь без Джея, была слишком слаба, чтобы наказать его. Я спала с ним. И даже позволила бы прикоснуться ко мне. Ждала, что он попробует извиниться своими руками, своим телом. Я не сказала ему ни слова за все это время, но отвечала не голосом, а своим собственным телом. Потому что, несмотря на то, как он поступил, я все еще принадлежу ему.

Этим утром я встала с постели ни свет ни заря, приняла душ и собралась, игнорируя его, и ушла, даже не выпив чашку кофе. Кофе, который она купила. Джей наблюдал, как я собираюсь, и не сказал ни слова. Не пытался ничего объяснить или исправить. Может, это ранило меня больше. У меня были ожидания относительно того, что должен сделать человек после предательства такого масштаба. Должны быть извинения. Ласка. Цветы. Это бы ничего не изменило, но это хоть какие-то усилия.

С другой стороны, почему я ожидала, что Джей будет вести себя как любой другой мужчина? Я влюбилась в него именно потому, что он не был похож ни на одного другого мужчину.

— Стелла, милая.

Что-то в голосе моего отца заставило меня остановиться, кровь похолодела.

— Я просто скажу это, потому что у меня нет возможности сказать мягко. Твоя мать умерла, — сказал он мне, его голос был неровным, дрожащим и совсем не узнаваемым.

Я смотрел вперед, на съемочную площадку. Викторианская Англия. Или так там. На самом деле я смотрела «Влюбленного Шекспира» и ничего не понимала о Викторианской Англии.

— Но я только недавно виделась с ней, — прохрипела я, быстро моргая, пытаюсь переварить то, что сказал отец. — Она не может быть мертва. Мы пили чай в маленьких цветастых чашечках. На ней были тапочки.

— Аневризма головного мозга, Стелла, — медленно проговорил папа. — Это было очень неожиданно. Быстро. Она не страдала.

Я изо всех сил старалась удержать слова моего отца, его голос, но я не могла. Все превратилось в глухой рев, пальцы онемели.

— Я, эм, пап, я на работе. Мне надо... разобраться с корсетами. Я буду дома через... скоро. Я скоро буду дома. Люблю тебя.

Затем повесила трубку. Я отключила своего скорбящего, убитого горем отцом, потому что не могла с этим справиться. Вес телефона внезапно стал слишком велик, чтобы я держала его возле уха.

Кутюр и корсеты, которые я держала в руках, упали к моим ногам, я развернулась и пошла. Понятия не имею, куда. Сказала отцу, что еду домой. В конце концов, я доберусь до Миссури, но сейчас у меня нет дома. Так что я просто пошла.

Джей

— Дмитрий, я говорил это раньше и повторю еще раз, мне не нужен партнер. — Джей сохранял ровный голос, невозмутимое выражение лица и держался так дружелюбно, как только мог перед лицом убийственного психопата.

Какой бы важной ни была эта встреча, Джей думал о Стелле. Ему нужно сосредоточиться на этом, ведь Дмитрий был скользким ублюдком, и Джей знал, что тот ухватится за малейшую оплошность и использует Стеллу, как повод для возмездия, ради попыток захватить бизнес или убить его работников. Джей не ошибся. Каждое слово, каждое движение были настолько рассчитаны, что теперь их было нелегко распознавать. Раньше все было по-другому.

До Стеллы.

Все пошатнулось с той секунды, как она вошла в его офис в Клатче той ночью. Она заставила его быть человеком. Или настолько близко к человеку, насколько он был способен. Чтобы быть монстром, теперь нужно прилагать усилия. Он не мог не думать о ней. Каждый удар его сердца был мыслями о Стелле. Даже в лучшие времена между ними, которых было не так уж много. Сейчас они определенно переживали не лучшие времена. Она не общалась с ним. Он заставил ее спать с ним в одной постели, потому что дал обещание, что они никогда не проведут ночь порознь. Она не разговаривала с ним, но и не сопротивлялась ему.

Стелла не сопротивлялась, когда он прижался к ее губам, раздвинул ее ноги и переместился между ними. Она подавила каждый стон, не произнесла ни единого слова. Даже тогда, когда он двигался внутри нее, даже когда она сжалась вокруг его члена в оргазме. Ничего.

После этого она вставала, чтобы помыться в ванной. Потом возвращалась в постель, сворачивалась калачиком и отворачивалась от него. Джей не позволял этого, и она не сопротивлялась, когда он подвинул ее к себе. Она даже расслабилась, но ничего не сказала.

Это убило его. Убило его, нахрен. Он не знал, как сделать всё лучше. Как объяснить. Потому что не было нормального объяснения. И теперь он сидел напротив Дмитрия, глядя на перспективу войны, которая подвергнет Стеллу опасности. Чертовски плохой день.

Джею до боли хотелось всадить пулю в мозг этому придурку с квадратной челюстью, но все не так просто.

Дмитрий откинулся на спинку стула, громко вздохнув.

— Ах, друг мой, мы не спрашиваем, нужен ли тебе партнер. Мы говорим, что теперь он у тебя есть, — он ухмыльнулся, обнажив ровные белые зубы.

Кровь Джея стала горячей, сердце грохотало в ушах, когда красный цвет пополз к краям его зрения. В ту секунду, когда Дмитрий появился в Клатче два месяца назад, Джей понял, что мирно всё не закончится. Он пошел на это, потому что ему нужно быть умнее. Нужно подготовиться. Нужно создать защиту для Стеллы.

До нее он был умнее, да. Но, скорее всего, покончил бы с этим гораздо раньше. Его действия были бы быстрыми. Грубыми. Эффективными. Но эффективными только потому, что ему нечего было терять. Не было никакого способа причинить ему боль.

Теперь есть Стелла.

Это не только способ причинить ему боль. Это способ уничтожить его.

Он затянул это дело. И теперь Дмитрий сидел в его кабинете, давая понять, что необходимо действовать.

Кровь должна пролиться.

Прямо перед их гребаной свадьбой.

Если она еще состоится.

При этой мысли зазвонил телефон.

— Я должен ответить, — сказал он Дмитрию. — Бизнес не останавливается.

Дмитрий встал.

— Еще бы. Будем на связи. До встречи. — В его голосе звучала угроза, но Джей не испугался, поэтому кивнул в знак согласия.

— Джей Хелмик, — ответил он, все еще думая о Стелле. Застрял на одном страхе, что он снова потерял ее. Он этого заслуживал. Но Стелла не хотела уходить. Они связаны друг с другом. К лучшему или к чертовски худшему.

— Джей, это Ричард, отец Стеллы.

Джей немедленно выпрямился, от тона Ричарда у него кровь застыла в жилах.

— Стелла с тобой? — спросил Ричард.

Джей уже стучал по своему компьютеру, определяя ее местонахождение с помощью программы слежения, которую установил в ее телефон.

— Нет, но я знаю, где она, — сказал он, вставая. — Что происходит?

— Ее мать умерла, — сказал Ричард Джею хриплым голосом. — Я позвонил ей, но она потом сбросила. Больше не могу до нее дозвониться.

— Я заберу ее, — заверил его Джей. — Мы прилетим сегодня днем.

— Спасибо, Джей, — ответил Ричард, голос мужчины едва сохранял ровный тон.

— Увидимся вечером, — сказал Джей, затем остановился у лифта. — И, Ричард, мне очень жаль.

Когда Джей повесил трубку, то понял, что правда сожалеет. Потому что он услышал это в голосе мужчины. Что будет с Джем, если он когда-нибудь потеряет Стеллу? Он напугался до чертиков.

Он должен найти ее.

Она сидела на скамейке в Санта-Монике и смотрела на море. Дул холодный ветерок, а на ней была только кофточка. Джей тут же снял свою куртку и накинул ей на плечи. Стелла даже не пошевелилась. Даже не взглянула на него.

Крошечная искра ярости вспыхнула из-за того, что она была так погружена в себя. Несмотря на то, что она, очевидно, через многое проходила, это не было оправданием. Очень легко кто-то может пометить ее. Причинить ей боль. Нанести ей вред самыми разными способами. У Джея было достаточно проблем, чтобы не приставлять к ней постоянно одного из своих людей — он знал, что она будет сопротивляться этому, — просто чтобы быть уверенным в ее безопасности.

Однако сейчас было не время отчитывать ее за то, что она так легкомысленно относилась к своей безопасности. Пришло время помочь ей. Утешить. Джей понятия не имел, как это сделать.

Для него было ударом в живот видеть ее такой. Она казалась такой маленькой. Крошечной. Как будто съежилась за пару часов. С помощью одного телефонного звонка. Стелла, несмотря на свои физические данные, всегда казалась ему такой большой. Такой сильной. Она занимала все пространство в комнате, и люди не могли не заметить ее, потому что она была чертовски сияющей. Потрясающая, харизматичная, каким-то образом умудрялась говорить о своем чертовом коте или своем любимом научно-фантастическом телешоу с первым встречным, и они ловили каждое ее слово, как будто она сообщала им совершенно секретную информацию.

Стелла была самым большим чудом в его жизни, ее присутствие, ее сущность проникали даже в самые темные уголки. Теперь одна новость высосала из нее всю жизнь.

И если бы он не облажался с Фелисити, Стелла не оказалась бы сидящей на грязной скамейке в парке без свитера, главной мишенью для любого, кто может ее похитить. Стелла пошла бы к нему. Пришла бы к нему со своей болью и доверилась ему.

А он подорвал ее доверие.

Позже он себя за это накажет.

— Стелла.

Она моргнула, все еще глядя на океан, но он знал, что она его услышала. Черт, он хотел прикоснуться к ней, но все в языке ее тела говорило обратное. Обычно Джею было бы наплевать на то, о чем предупреждал язык тела Стеллы. Он достаточно долго времени провел без нее, не имея возможности прикоснуться к ней. Если его женщина близко, его руки были на ней.

Но он причинил бы ей боль, если бы прикоснулся. Джей боялся, что она разобьется вдребезги, как только он коснется ее рукой.

— Стелла, — повторил он.

Она посмотрела на него пустыми глазами. Джей сдержал дрожь.

— Стелла, нам нужно идти. — Он хотел добавить «домой», но это была болезненная тема. Этот дом для нее небезопасный. Уже нет.

Из-за него.

Он протянул руку, и она посмотрела на нее пустым взглядом.

Джей ждал. Стелла имела полное право игнорировать его прикосновения. Он причинил ей достаточно боли.

Но через несколько секунд она вложила свою маленькую руку в его.

Джей вздохнул про себя с облегчением, хотя он не должен был быть так чертовски доволен тем, что его женщина захотела держаться за него, даже после того, как он причинил ей боль.

Но он был очень рад.

Стелла

Джей собрал вещи для меня. Отвел в душ, вымыл, а затем выбрал одежду. Это первый раз, когда я была обнажена, когда его руки касались меня, и это не закончилось оргазмом. Хотя где-то внутри меня была скрытая потребность, но она была похоронена глубоко под слоями оцепенения, под которыми я сейчас пряталась.

Джей не приставал, его брови были нахмурены от беспокойства, а челюсть напряжена на протяжении всего процесса. Но он заботился обо мне. Нежно. С терпением. С любовью. С состраданием, на которое я не думала, что он способен.

Но было много вещей, на которые я думала, что он неспособен.

Мне удалось одеться и причесаться самой. Я залпом выпила водку, которую он принес мне, морщась от острого вкуса, но благодарная за жжение в горле.

Потом села в машину, поехала в аэропорт и села на самолет, который он заказал. Я не спрашивала, куда мы направляемся. Точно так же, как не спросила его, как он нашел меня или как узнал, что происходит. Это же Джей.

Только когда мы были на высоте тридцати тысяч футов, он перестал мириться с моим молчанием. Несмотря на то, что моя мать только что умерла, часть моего мозга все еще цеплялась за то, что произошло до всего этого.

Фелисити.

Что со мной не так? Неужели я действительно была такой эгоисткой?

Все, чего я хотела, это свернуться калачиком рядом с Джейем, хотела прильнуть к нему, как к единственной безопасной, стабильной вещи в мире. Но это не так. Я не могла преодолеть пропасть между нами, потому что не простила его. Больше не верила, что он для меня безопасен.

— Стелла, — Джей встал передо мной на колени, положив руки мне на ноги. Его лицо было осунувшимся, брови нахмурены, а голос резким. Он обеспокоен. — Мне нужно, чтобы ты поговорила со мной, — взмолился он, когда я не ответила.

— Тебе нужно, чтобы я с тобой поговорила? — повторила я мертвым тоном. — Потому что ты беспокоишься, что я потеряю себя в печали или отчаянии из-за смерти мамы, или потому что беспокоишься о том, что твоя ложь сделала с нами?

Он вздрогнул. Это должно было стать победой, но нет.

— Потому что, так долго не слыша твой голос, я схожу с ума, — невозмутимо ответил он. — Мне не нужно, чтобы ты меня простила. Не жду от тебя этого. Я облажался. Я чертовски ненавижу себя за то, что причинил тебе боль. Ненавижу себя за то, что это дерьмо совпало со временем, когда я тебе нужен. И это моя вина.

Джей встал. Я заскучала по его рукам на своих бедрах.

Он провел рукой по волосам, движение было безумным, маниакальным для такого человека, как Джей. Его брови были нахмурены, рот опущен. Он

снял свой пиджак, небрежно бросил на одно из сидений в самолете, рукава его рубашки были беспорядочно закатаны, вены на жилистых предплечьях выступали.

— Я не знаю, как тебе помочь, — он стиснул слова, как будто ему было больно. Его глаза метались по салону самолета, глядя куда угодно, только не на меня.

Я зачарованно наблюдала, как мой мужчина, моя скала, моя сталь разваливалась на куски.

Радужки, похожие на зеленые шарики, наконец-то остановились на мне.

— Я могу убить человека, Стелла. Легко. Без запинки. Без угрызений совести. Я могу сделать так, чтобы его, бл*дь, вообще никогда не существовало. Могу разрушать жизни. Навредить кому-нибудь. Могу заставить тебя кончить. Заставить тебя умолять. Каким-то образом заставил тебя влюбиться в меня, но это не умение, это лишь несчастный случай судьбы.

Его руки легли на мои бедра, подтягивая меня с моего места к своему телу. Я была благодарна за контакт, за легкую боль, которая исходила от того, как он сжимал меня.

— Я могу всё это, — продолжил он, в нескольких дюймах от моего лица. — Потому что мир порезал меня, когда моя кожа была мягкой, и я весь покрылся шрамами, чтобы никто никогда больше не заставил меня истекать кровью. Я ожесточился против всего мира, чтобы никогда не чувствовать боль, а лишь сам ее причинять. — Он поднял руку, чтобы погладить меня по лицу. — Но теперь у меня есть ты, и мне нужно быть с тобой мягким. А я, черт возьми, не знаю, как это сделать.

Полная беспомощность в его голосе проникла сквозь мои слои. Через все. Поразила самую суть меня, ту часть, которая все еще кровоточила из-за предательства, ту часть, которая была разорвана на куски из-за смерти матери и всего, что осталось неразрешенным с ней. Как бы я ни была зла, наказать его не так уж и просто.

Я подняла руку, чтобы схватить его за шею, прижать еще ближе ко мне, чтобы он не отодвинулся от меня.

— Ты делаешь это прямо сейчас, — прошептала я. — Ты ведешь себя так нежно, как только можешь. Мне больше ничего не нужно, кроме тебя.

— Нам нужно поговорить о...

Я приложила палец к его губам, прежде чем он успел произнести ее имя. Я не могла сейчас слышать это.

— Да, — согласилась я, чувствуя под всем этим кипящее пламя ярости. — Но не сейчас.

Джей вглядывался в мое лицо. Я знала, что он был не из тех людей, которые откладывают трудные разговоры. Особенно только потому, что кто-то другой не хочет этого.

Но он кивнул, наклоняясь вперед, чтобы поцеловать меня в макушку.

— Не сейчас, — согласился он.

— Ты можешь кое-что для меня сделать? — прошептала я, цепляясь за него.

— Что угодно.

Я отстранилась, чтобы посмотреть на него.

— Трахни меня, — прохрипела я.

Его глаза потемнели.

— Это я могу, Стелла.
И он это сделал.
Дважды.

Неделю спустя

На похоронах моей матери присутствовало мало народу. Очень, бл*дь, мало. Рен, Ясмин и Зои, конечно же. Они прибыли в тот же день, бросив все без колебаний, когда я позвонила им с новостями. Рен принесла с собой виски двадцатилетней выдержки, любимое виски моего отца. Она напилась с ним в первую ночь, когда приехала, залечивая его эмоциональные раны так, как могла только Рен. Зои организовала похороны и поминки, а Ясмин уладила все юридические вопросы, связанные со смертью, а их было очень много. И все трое они вместе со мной заняли комнату моей матери в лечебнице, давая мне по мере необходимости порции водки. Так что да, у меня были самые лучшие подруги.

Но как долго они продержатся, если мой разум начнет разрушаться, если я начну отходить от того, кем была раньше?

У меня внезапно возникли болезненные мысли о собственных похоронах, о том, кто будет присутствовать на них, и я возненавидела то, что у моей матери не было подружек, которые могли бы помочь ей пережить трудные времена в ее жизни. Затем у меня возникла эгоистичная, ужасная мысль о том, как выглядели бы мои похороны, если бы я пошла по ее стопам, потеряв себя и потеряв всех в своей жизни.

Я подумала, хорошо, что на ее похоронах было так мало посетителей, потому что отец отказался позволить мне оплатить похороны, и он, черт возьми, не собирался позволять Джею тратить на это ни цента. Очевидно, это какая-то мужская гордость, и как бы сильно меня все ни бесило, это мой отец. Я пыталась спорить с ним, но потом он взял и разбил мне сердце.

— Это моя обязанность как ее мужа, Стеллс, — объяснил он с усталыми и полными печали глазами. — Я был ее мужем все эти годы. Муж заботится о своей жене. Защищает ее. Я не мог защитить ее от демонов в голове, не мог исправить ее. Но это я могу сделать для своей жены. Это одна из последних вещей, которые сделаю для нее, а потом буду заботиться лишь о тебе. — Он обхватил мою щеку ладонью, и его глаза устремились туда, где Джей стоял снаружи с телефоном у уха. — Я знаю, что сейчас есть другой человек для этого, но я всегда буду рядом. Несмотря ни на что.

— И ты всегда будешь нужен мне, пап, — прохрипела я. — Всегда.

Он обнял меня, когда я разрыдалась, злясь на себя за то, что не смогла сдержаться, чтобы не расстраивать отца. Но опять же, Джей всегда был рядом — не то чтобы я жаловалась, — и папа, возможно, горевал, но он также был альфа-самцом, мужчиной со среднего запада, чьи ценности были устаревшими, но сильными, он не собирался позволять другому мужчине видеть его слабым.

— Он молодец, — сказал папа, когда наконец отпустил меня и вытер слезы с моих глаз.

Он кивал на Джея, который стоял, прислонившись к машине, и наблюдал за нами. Джей, который был здесь все время. Который не произнес ни слова

во время службы, почти не произнес ни слова за всю неделю, но это не имело значения. Он был рядом.

Но моя ярость кипела позади горя из-за женщины, чье имя не хотела называть.

— Он позаботится о тебе, — продолжил папа, оглядываясь на меня. Он снова коснулся моей щеки. — И я понимаю, что такое современная женщина, и ты можешь позаботиться о себе, — добавил он, прежде чем я успела прервать. — Ты можешь позаботиться о себе, даже очень. Но приятно знать, что кто-то есть рядом, когда тебе этого не хочется. Для тех случаев, когда ты изнемогаешь, пытаясь позаботиться о своем отце, чья работа также заключается в том, чтобы заботиться о тебе.

У меня в горле стоял комок, который лишь отчасти был вызван тем, что я увидела человека, копающего землю на гроб моей матери, немного больше из-за печали в глазах отца, и, к сожалению, в основном из-за Джея.

Да, здесь, на могиле моей матери — ее свежей могиле, если уж на то пошло, — больше всего ранил мое сердце и душу человек, чей бриллиант я носила.

Я ужасна.

Но ничего не могла с собой поделать. Не имело значения, что он всегда был здесь, что я тосковала по нему, что он заставил меня кончить, зажав рот рукой в три часа ночи, что-то прогнило между нами. Разъедало нас изнутри.

И то, что разъедало нас, разъедало и меня, потому что я облажалась. Я так тесно сплелась с ним, что не знала, где заканчиваюсь я и где начинаемся мы. Это то, от чего меня предостерегала бы каждая книга по самопомощи — и Зои, — но было уже слишком поздно, черт возьми.

Итак, я была на похоронах своей матери, перед моим скорбящим отцом, думая о том, как мой жених предал меня, наняв работать женщину, с которой он когда-то трахался.

— Да, — сказала я своему отцу. — Он позаботится обо мне.

Папа обнял меня, оставив гадать, лгу я или нет.

Это уже совсем другое дело... Я не знала, где кончается ложь и начинается правда.

В Верне мы провели еще один день, прежде чем вернулись в Лос-Анджелес.

В дом Джея. Дом, который должен был стать нашим. Я знала, что не смогу сесть в самолет, не поговорив с ним. Нам нужен разговор, который я откладывала всю неделю, потому что справиться со смертью мамы было легче.

Папа вернулся к работе, потому что неделя отпуска была его максимумом, даже когда я была дома. Он занимался починкой вещей, стрижкой травы, садоводством и приготовлением пиццы, но моему отцу нужно было работать, нужно было чем-то заниматься, чувствовать себя полезным.

Не было никакого оправдания, чтобы не вести этот разговор. Мы не могли поговорить в доме отца, он был слишком маленьким и душным. Я не знала, куда еще пойти, поэтому попросила Джея отвезти нас сюда, в место, где я не была десятилетиями.

Во время поездки мы не разговаривали. Рука Джея лежала на моем бедре, а

мои глаза были устремлены в окно. Как только мы приехали, я потратила пять минут, чтобы найти в себе силы выйти из машины. Джей молча ждал рядом со мной. Как только я набралась храбрости и вышла, Джей последовал за мной.

— Раньше мы приходили сюда и кормили уток, — нарушила я молчание, глядя на пруд, который четко жил в моих воспоминаниях как волшебное место с лилиями, утками и деревьями. Вода теперь мутно-зеленого цвета, деревья желтеют и умирают, и не видно ни уток, ни кувшинок. Какая-то метафора.

— Я рада, — сказала я шепотом, глядя на воду. — Это ужасная, ужасная правда. Но я рада, что моя мать умерла. Я чувствую облегчение. Рада, что ей не приходится ежедневно бороться с собой. Облегчение от того, что мой отец не мучается чувством вины, не влезает в долги, не снимает пенсию. Больше всего я рада, что у меня больше нет перед ней никаких обязательств. Мне не нужно ее навещать. Не нужно притворяться, что у меня не мурашки бегут по коже каждый раз, когда я вижу ее, задаваясь вопросом, разделяю ли я ее судьбу. Рада, что мне не придется смотреть в знакомые глаза на худшее из возможных будущих.

Именно тогда я наконец нашла в себе силы посмотреть на Джея. В его глазах не было ни осуждения, ни отвращения. Конечно.

Еще одна вещь, которую я любила в Джее. Я могла сказать ему правду. Настоящую. То, что большинство людей скрывали. Могла сказать ему все, что угодно, а он сам делал вещи похуже, и глазом не моргнув.

Он не произнес ни слова. Это было не потому, что ему нечего сказать, а потому, что он знал меня достаточно хорошо, понимая, что я еще не закончила.

Черт, может быть, он уже знал, что я собиралась сказать. Джей провел все исследования обо мне, когда мы только начинали. И то, что он не знал, я ему рассказала. Всё. Кроме этого. Этот секрет, который я держала близко к груди, позволяя ему гнить, разлагаться и портить все внутри себя.

— Она пыталась убить меня, — призналась я под его пристальным взглядом.

На лице Джея промелькнуло что-то, возможно, удивление. Хотя я считала себя экспертом во всем, что касалось Джея, я больше не доверяла себе. Больше не доверяла ему. Не могла понять, шокировала его эта новость или нет. В то время я была маленькая, но помнила, как папа прикрывал ее, обещая не звонить в полицию, пока она не получит помощь. Вот и все. Последняя капля, которую я рассказала Джею о своей матери. Я даже не позволяла себе думать об этом. Это было колючее, опасное воспоминание, которое затянуло меня в темное место.

Но это был мой полуночный мужчина. Он заставил меня привыкнуть к темноте, заставил меня меньше ее бояться.

— Она была больна, действительно больна, — продолжила я. — Мой отец не знал, насколько все плохо. Много работал, чтобы поддержать нас. Я мало что помню о том времени. Но точно помню, что однажды мы были дома... это был плохой день. Я поняла, что в плохие дни лучше держаться подальше от мамы. Иногда прятаться. Я не хотела говорить папе, знала, что он что-нибудь сделает. Заберет ее отсюда. А моя мама в хорошие дни была волшебной.

Я улыбнулась, глядя на воспоминания об утках, которые когда-то были здесь. Мама смеялась, когда мы кормили их, они гонялись за ней повсюду.

— Я ему не говорила. Это был наш секрет. А потом однажды она стала по-настоящему плохой. Не все помню. Но она говорила о демонах. Была убеждена, что они были внутри меня. Ей хотелось вырезать их, чтобы защитить меня. Папа вернулся домой до того, как что-то могло случиться. Но я никогда не видела его таким злым. В основном на самого себя. За то, что не видел, насколько все стало плохо. Это преследовало его в течение многих лет. Я уверена, ее тоже. Вот почему она держалась подальше.

Я не смотрела на Джея.

После этого моя мама стала призраком в моей жизни. Не только из-за инцидента. Не только из-за болезни. Она хорошо справлялась в течение нескольких лет. Достаточно хорошо, чтобы притворяться собой. Но именно чувство вины удерживало ее от меня, то же чувство вины, которое разъедало ее изнутри, заставило ее прекратить принимать лекарства, потому что она не могла смириться с реальностью того, что она чуть не натворила. Я знала, что мама оттолкнула папу. Он хотел помириться, после всего, он серьезно относился к клятвам болезни и здоровья. Но мама не стала этого делать. Ее намерения были благородными, по крайней мере, для себя. Она не хотела причинять боль мне, никому из нас.

Я так до конца и не простила ей этого. Я могла понять ее болезнь, могла простить все, что она отняла у себя, у нашей семьи, и не винила ее ни в этом.

— Я обижалась на нее, — призналась я. — За ее трусость. За то, что у нее не хватило смелости встретиться с реальностью вместе с нами. Это может быть некрасиво и жестоко с моей стороны, но это правда.

Джей дернул меня в свои объятия, и я, к счастью, охотно пошла.

— Стелла, ты никогда не будешь жестокой или некрасивой, даже со своей худшей правдой. — Он поцеловал меня в макушку, его слова успокаивали меня.

Я сделала глубокий вдох. Глубокий вдох Джея, затхлой воды и гниющей растительной жизни, смешивающейся со всем остальным.

— Теперь я готова, — заявила я, высвобождаясь из его объятий. — Я готова узнать, почему ты не рассказал мне о ней. Почему она была в твоём доме все это время, а ты не сказал. Почему я ела ее еду, почему она стирала мою одежду.

Казалось, что мой гнев ни на йоту не притупился за эту неделю. Во всяком случае, он был заточен до острия, готовый вступить в бой, порезать любого поблизости.

Лицо Джея вытянулось, его челюсть напряглась. Он схватил меня за локоть, чтобы я не отступила слишком далеко. Я не хотела быть рядом с ним во время этого разговора, но и не могла вынести, чтобы он был далеко.

— У меня нет нормального объяснения, — признался Джей, потирая мою руку большим пальцем. — Вот почему я так долго скрывал это от тебя.

Я поджала губы.

— Вместо того чтобы скрывать это от меня, ты мог просто избавиться от нее, — я пыталась говорить ровным голосом, но потерпела неудачу. — И под избавлением от нее я не имею в виду убить ее, — добавила я, находя безумием то, что сказала это, да еще и наполовину серьезно.

— Это хороший вопрос, — признал Джей. — Но на один у меня нет ответа. Просто Фелисити была частью моей жизни в течение многих лет, и я не дове-

ряю многим людям. Мне нужен кто-то на моей службе в моем доме — нашем доме, — кому я могу доверять. Тот, кто не представляет опасности для моего бизнеса и, самое главное, не представляет опасности для тебя.

Я уставилась на него.

— Ты думаешь, что Фелисити не представляет для меня опасность? — Я ненавидела ее имя в своих устах. — Для нас?

— Да, я это знаю, — отрезал Джей. Он был напряжен. Не знаю, из-за того, что я его злила, или он был зол на себя за то, что сделал. Чертовски надеялась, что последнее.

— Почему, Джей? — спросила я, на этот раз мой голос был тихим, вся моя боль каким-то образом была вложена в него.

Он потер затылок, явно напряженный, не то что в самолете.

— Ты... — Я замолчала, прерывисто дыша. — Ты любишь ее?

— Нет, — ответил он сразу и твердо. — Черт возьми, нет, Стелла. Я правда ничего к ней не чувствую.

— Это неправда, — кипела я.

— Ты думаешь, я лгу? — он бросил вызов.

— Я не знаю, — проворчала я в ответ.

Он шагнул вперед, притягивая меня ближе к себе, его глаза были опасны.

— После всего, Стелла, ты думаешь, что я стал бы лгать тебе?

— После всего, Джей, после Фелисити, я, бл*дь, не знаю, — прошипела я ему в лицо.

Я тяжело дышала, пристально глядя на Джея, моя кровь кипела, но не совсем от ярости. Темная, уродливая и больная часть меня хотела его. Хотела его прямо здесь, на гребаной траве, где я в детстве кормила уток.

Его глаза сказали, что он хотел того же самого. Что он сдерживал себя.

Проглотив свое извращенное желание, я слегка откинулась назад, давая понять, что этого не будет, пока не узнаю правду, хотя я была в ужасе. Даже несмотря на то, что я втайне желала лжи, которая утешила бы меня, исцелила то, что он порезал. Но не было никакой лжи, способной сделать это.

Джей прочистил горло.

— У меня нет благородной причины для того, чтобы она была там, в нашем доме. — В его голосе была язвительность, я знала, что он зол на меня за то, что я не верила ему, но я тоже слишком зла, чтобы беспокоиться об этом. — Правда этого не исправит. Это ни черта не исправит, и, честно говоря, если бы я мог придумать ложь, которая оправдала бы то, что я сделал, я бы сказал это, — заявил он.

Я поджала губы. Ожидала ли я чего-то меньшего? Джей стоял напряженно, несмотря на то, что на нем был его «повседневный наряд Джея» из выцветших джинсов, темно-коричневого цвета с V-образным вырезом футболка и дорогие кроссовки. Его грудь была широкой и восхитительной, руки гладкими и мускулистыми и невероятно отвлекали меня.

Он отрастил волосы еще длиннее, потому что заметил, что мне нравится запускать в них руки, чернильно-черный бархат мягко завивался вокруг резких углов его лица. Он был чисто выбрит, как всегда, и его губы были сжаты в тонкую линию.

Он был взбешен тем, что я установила дистанцию между нами. Я знала, что он хотел прикоснуться ко мне, я тоже этого хотела. Но не могла. Не могла слы-

шать этого, пока его руки на мне. Было бы слишком легко простить, забыть.

— Она сильная женщина, — продолжил он. — Очень богатая женщина. Из очень старинной семьи. Она была первой женщиной, с которой у меня был роман... с договоренностью. На самом деле, она была в подобных отношениях задолго до меня.

Мой мозг работал, переваривая его слова. Она была его первой. Кроме того, она была той, кто научил его всему. Она была особенной. Эта мысль была ядом. Мои внутренности таяли, и мне до боли хотелось закричать на него, чтобы он заткнулся на хрен. Никогда больше не упоминал о ней. Но я держала рот на замке, уперев руки в бока.

— Я не любил ее, — продолжал Джей, его голос был жестким и твердым. — Знай это. Мне нужно, чтобы ты прекратила эти ядовитые, разрушительные мысли, которые терзают твою голову. — Его взгляд впился в меня. — Я ценил ее за то, что она дала мне. Но любви не было. По крайней мере, не с моей стороны. — Он сделал паузу, давая мне все переварить.

Нормально, что мой жених говорит о женщине, которая научила его сексуальной жизни, которая была в нашем доме на протяжении всех наших отношений... О, подождите, в этом не было ничего нормального. Но обычно, когда у меня был неприятный, обидный разговор, я нервничала, ходила взад и вперед. Сейчас я стояла неподвижно, принимая удары.

— Она привязалась ко мне. — Он слегка пожал плечами. — До нее я никогда не подпускал другую женщину достаточно близко, чтобы та полюбила меня. Я был намеренно жесток и холоден, думал, что так меня никто не полюбит. Мне это нравилось. Нравилось, что она любила меня, но у меня не было с ней никакой связи. Когда я порвал с ней, она захотела остаться в моей жизни... чтобы служить мне. Конечно, я ей плачу.

— Конечно, — усмехнулась я, не в силах сдержаться.

Челюсть Джея дернулась, но он никак не прокомментировал мою язвительность.

— Это ужасно с моей стороны. После всех этих лет, наслаждаясь тем, как она продолжает хотеть меня, продолжает быть моей гребаной домработницей. Но она облажалась. У нее есть свое собственное дерьмо, которое преследует ее. Меня все устраивало. Не было никаких причин посылать ее, до тебя.

Я скрестила руки на груди.

— До меня, — передразнила я. — Но потом ты заставил ее делать... что она там делает теперь, пока мы вместе?

— Да, — согласился Джей. — Я был так чертовски поглощен тобой, что забыл о ней.

— Она чистила твоё нижнее белье и покупала мне миндальное молоко. Ты криминальный авторитет, читаешь людей, как Менталист. И так удобно забыл о ней, — усмехнулась я.

— Менталист?

Я смерила его пристальным взглядом.

— Это офигенный сериал, и сейчас не время говорить о том, что тебе следует начать обращать внимание на популярную культуру, — съязвила я.

Джей кивнул с мрачным выражением лица.

— В это невозможно поверить, и это звучит как ложь, но я говорю правду, Стелла. Она так мало значит для меня, что просто исчезла из моей головы. Ты

разрываешь все подряд. Я не могу прожить и минуты в течение дня, не думая о том, как ты пахнешь, как твоя вагина пульсирует вокруг моего члена, как мерцают твои глаза, когда ты счастлива, как находишь способ поговорить о гребаном сериале в середине разговора, который, я знаю, разрывает тебя на части. — Глаза Джея были такими напряженными, что казалось, будто моя кожа тает от костей.

— Это вредно для здоровья, моя любовь к тебе, Стелла. Я же говорил тебе, я злой человек. Люди для меня одноразовые. Если они перестают быть полезными для меня, они перестают существовать. Кроме тебя. Ты так чертовски реальна для меня, что это причиняет боль. Это пугает меня.

Его кулаки были сжаты по бокам. Он хотел прикоснуться ко мне, энергия, излучаемая между нами, была такой густой, что я едва могла дышать.

— Вот и все, — заявил он. — Это правда. Это все, что я могу предложить. Я чертовски ненавижу то, что причинил тебе боль, но я же сказал, что сделаю это. Что я защищу тебя от всего мира, но не смогу защитить от себя.

Ну все.

Теперь я могла дышать.

Дыхание вырывалось из моих легких, бьющееся, разрушенное сердце снова заставляло кровь приливать к кончикам пальцев.

Джей признался, что причинил мне боль. Не было никакой лжи. Я тоже это знала, знала бы, даже если бы он не сказал. Нет никакого способа удерживать такую любовь без боли. Без мучений.

Джей был слишком сложным и жестоким, чтобы любить меня нежно или по-доброму. Но он любил меня со свирепостью тысячи мужчин. Миллионов. Он убьет любого, кто причинит мне боль. И не в том образном смысле, который мужчины извергали в наши дни, чтобы казаться альфой. Он буквально убьет любого, кто причинит мне хоть малейший дискомфорт. И ему это сойдет с рук.

— Хорошо, — прошептала я едва слышно.

Тело Джея дернулось, услышав мой голос, его глаза открылись немного шире, губы слегка расслабились от гримасы.

— Хорошо? — повторил он.

Я кивнула.

— Да. Хорошо. Я не прощаю тебя. Но я понимаю. И только если эта женщина больше никогда не зайдет в наш дом, со мной все будет в порядке. С нами все будет в порядке.

— Хорошо, — сказал Джей.

— И сходим в «Whole Foods», — добавила я.

— Будет сделано, — невозмутимо произнес он.

Я судорожно сглотнула. Воздух между нами все еще был наэлектризован всеми признаниями, которые мы излили в воздух моего детского рая. Солнце скрылось за облаками, воздух был теплым, но мои кости чувствовали холод, а кожа горела.

Все слова сказаны. У нас ничего не осталось.

— Сними платье, — приказал он, его зрачки расширились.

Мою кожу покалывало. Ладно, осталось еще несколько слов.

— Прямо здесь?

— Мне повторить еще раз? — В его тоне сквозила угроза, и мои бедра сжа-

лись вместе.

Я покачала головой, медленно стягивая платье через голову. Джей смотрел на меня, пока я это делала, смотрел так, что я почувствовала себя уязвимой и сильной одновременно.

Этот район был относительно уединенным, в пяти минутах езды от города и вверх по извилистой, плохо ухоженной дороге. Разбойничьи пивные бутылки показывали, что это скорее место для скучающих подростков, чем для матерей, толкающих детей в колясках. Но было еще светло, и спрятаться негде.

Я все равно раздевалась перед своим женихом.

Затем, когда я была обнажена и дрожала, несмотря на тепло, Джей тоже разделся. Полностью.

— Руки и колени. На землю, задницей ко мне, — скомандовал он, будучи великолепно возбужденным.

Я облизнула губы и сделала, как он сказал, грязь была мягкой и прохладной, мои конечности дрожали от желания, несмотря на то, что это казалось животным и безумным. Потому что это было животным и безумным.

Джей опустился позади меня, его член прижался к моему входу, который уже был насквозь мокрым, потому что он заставил меня голой стоять на четвереньках в грязи посреди гребаного дня. Очевидно, это меня завело.

Он поцеловал меня в затылок.

— Я всегда буду причинять тебе боль, Стелла, — пробормотал он, дразня меня своим членом. — Но никогда не перестану тебя любить, никогда не перестану дышать тобой, всегда буду чертовски голодать по тебе.

Затем он оказался внутри меня, жестокий, глубокий, великолепный.

Я закричала. Громко. Мой крик эхом отразился от деревьев.

Джей схватил меня за волосы, дернув мою голову назад, боль взорвалась в голове, в то время как удовольствие пробежало по крови.

Его другая рука впивалась в плоть моего бедра, пока он трахал меня, глубокое рычание эхом отдавалось из глубины его горла. Этот звук отправил меня через край, я снова закричала, сжавшись вокруг него. Он потянул меня за волосы сильнее и не остановился. Не переставал трахать меня в грязи. Пока я снова не кончила.

Да, это было невероятно ужасно и неправильно, что я чувствовала себя исцеленной от того, что практически валялась в грязи, как животное, со своим женихом, но это такая вот я. Такие мы.

ГЛАВА 10

Стелла

Месяц спустя

Смерть мамы была рябью в моей жизни. В нашей жизни. Но это была не приливная волна. В основном я беспокоилась за своего отца, беспокоилась о том, какую вину он возложит на себя. Мужчины, особенно альфа-самцы, которые страстно любили, склонны винить себя во всем, что происходило с их женщинами, даже если это было вне их контроля. Особенно, если это было вне их контроля.

Джей внимательно наблюдал за мной, а это что-то значило, поскольку его внимание всегда сосредоточено на мне. Я задавалась вопросом, не ждал ли он, что я сломаюсь, может быть, предполагал, что болезнь, убившая мою мать, проскользнет сквозь эти трещины. Что кусочки меня разлетятся вдребезги и медленно превратятся в пыль, пока от меня ничего не останется.

Конечно, у меня были свои моменты.

Но всегда появлялась Рен с вином. Зои с ее твердыми доводами всякий раз, когда я начинала переживать из-за того, что меня постигнет та же участь, и Ясмин, чтобы выслушать, провести исследования, принося медицинские журналы, и предлагая свести меня с неврологами. Еще был Джей. Всегда был Джей.

Мы избавились от Фелисити. Мне потребовалось некоторое время, чтобы полностью простить его, я так и не поняла, почему он так долго держал ее в доме, но мы справились с этим. Наши отношения не обходились без проблем. Я смирилась с тем фактом, что Джей оставит мне новые шрамы и поможет залатать старые. И меня все устраивало. Ведь я жила с ним. И любила эту жизнь.

Мне правда нравилось то, что у нас было. Нравилось, что я ложилась с ним спать каждую ночь, нравилось, что, несмотря ни на что, я возвращалась к нему домой. Или он приходил ко мне домой. Но, несмотря на это — или, может быть, из-за этого — мне было тяжело расставаться с ним. Даже если на ужин с Рен и девочками, которого я с нетерпением ждала, потому что Рен была единственной, кто хотя бы отчасти понимала, каково это — быть в отношениях с кем-то вроде Джея.

Даже несмотря на то, что не было никого, даже отдаленно похожего на Джея.

Или на Карсона, если уж на то пошло.

Было приятно поговорить с ней о безумии их жизни. И нашей жизни. О сумасшествии, которое будет становиться только хуже.

— С этого момента я приставлю к тебе кого-нибудь, — сообщил мне Джей, когда я собрала свои вещи и положила их в сумочку.

Я взглянула на него, он наблюдал за мной на кровати. Ноутбук лежал у него на коленях, и он все еще был одет в рубашку и брюки. Не разделся, когда трахал меня на четвереньках в гардеробной. Пришлось изменить свой наряд, так как теперь у меня на коленях были ссадины от ковра. Я ничуть не возражала. Он оставил меня собираться, взял ноутбук из своего офиса и работал в постели. Если мы оба были дома, то всегда рядом. Никогда в отдельных комнатах. Джей закрывал двери только тогда, когда ему звонили по телефону, и его лицо становилось отстраненным. И когда Карсон входил в дом с мрачным видом — что мало чем отличалось от обычного выражения лица Карсона. Иногда Джей покидал нашу кровать посреди ночи, ничего не объясняя.

К счастью, последнее случалось нечасто.

Я не знала, куда он уходил. Не знала, кто был на другой стороне этих телефонных звонков. Не знала, почему Карсон такой мрачный.

И даже в своем невежестве я знала, что-то происходит.

Что-то плохое.

— Прошу прощения? — спросила я, прищурившись на Джея.

— Будет человек, иногда Карсон, но не часто, так как он занят, ходить с то-

бой, куда бы ты ни отправилась, — пояснил Джей.

То, что кто-то следит за мной, не новость, это было и раньше. Когда все было по-другому. Кроме того, в то время я не знала, что за мной следят.

— Зачем ходить за мной, Джей? — спокойно спросила я, уперев руки в бедра.

Он закрыл свой ноутбук.

— Потому что я в середине переговоров. Они стали враждебными.

— Переговоры с кем? — спросила я, скрестив руки на груди.

— Это не важно, — ответил он, слегка приподняв брови.

— Если переговоры настолько враждебны, что ты «натравил» на меня кого-то, это важно, — резко возразила я.

Джей поднялся с кровати, преодолевая расстояние между нами. Мне это не понравилось. На расстоянии было легче злиться на него. Когда он приблизился и начал прикасаться ко мне, все казалось менее важным.

— Не подходи сюда и не пытайся меня отвлечь, — заявила я, подняв руку.

Джей не остановился. Он просто схватил меня за запястье и притянул к своей груди.

Все мое тело расслабилось и напряглось одновременно. Мы помолчали несколько вдохов, пока он обнимал меня.

— Эти люди...

— Русская мафия, — категорично сказал Джей.

Я резко втянула воздух.

— И русская мафия захочет причинить мне вред в процессе этих переговоров? — спросила я, пытаясь подражать ровному тону Джея, но безуспешно.

Его хватка на моем запястье стала болезненной.

— Нет, Стелла. Никто тебя не тронет.

Клятва.

Я судорожно сглотнула. Мы снова замолчали. Я глубоко вдохнула. Кожа. Морская соль. Джей. Дом. Безопасность.

Было несколько вопросов, которые нужно задать, когда жених говорит, что его невесте понадобится защита, потому что жених, о котором идет речь, ведет враждебные переговоры с русской мафией.

А именно, что, черт возьми, ты делаешь, и откуда у тебя связи и переговоры с русской мафией?

И еще куча других вопросов об уровне опасности, в которой он находился, сколько лет тюрьмы принесут ему эти переговоры, если полиция узнает. Неужели это будет моей жизнью — беспокоиться о русской мафии?

Или что-то в этом роде.

Вместо того чтобы задать все эти вопросы или хотя бы один, я промолчала.

Я опоздала на ужин с человеком по имени Эрик, который меня подвез, и сидел через два столика. Эрик был афроамериканцем, с сильной челюстью, широкоплечим, с вайбом «не связывайся со мной». А еще он похвалил мои туфли.

Хотя я опоздала на ужин на сорок минут, я пришла первой. Рен ворвалась меньше чем через минуту после того, как официантка принесла мартини.

Она осушила его в ту же секунду, как села задницей на стул.

— Еще два, пожалуйста, — сказала она официантке, которая проходила мимо столика. — Ясмин все еще в офисе, Зои застряла в пробке, — сказала она в приветствии. Ее щеки пылали, а волосы представляли собой ослепительный беспорядок кудрей. — Наверное, я опоздала по той же причине, что и ты. У меня между бедер застрял очень горячий мужчина, — подмигнула она.

Я невольно улыбнулась в ответ, несмотря на свое настроение.

— С Карсоном по-прежнему все хорошо? — спросила я, хотя на самом деле в этом не было необходимости.

— «Хорошо» было бы преуменьшением.

— Я рада за тебя, милая, — я говорила правду. Мне нравилось видеть свою девочку такой счастливой.

Рен ухмыльнулась.

— Я тоже счастлива за себя. А моя вагина еще счастливее, — усмехнулась она, шевеля бровями.

— А как насчет сердца? — неуверенно спросила я.

Рен еще не признала, что любит Карсона, хотя он, черт возьми, почти жил в ее доме, она даже не думала о том, чтобы расстаться с ним, и все это продолжалось несколько месяцев назад. Почти год.

Для Рен это вечность.

Она вздрогнула.

— Мое сердце принадлежит Александру Маккуину. Британский дизайнер, — сказала она как ни в чем не бывало.

— Александр Маккуин мертв, — указала я.

— Значит, мое сердце тоже.

Я прищурилась, готовая назвать это чушью собачьей, но она посмотрела на свой телефон, который жужжал на столе.

— Черт, — пробормотала она. — Зои, и Ясмин слились. Ужас, мы не были вместе целую вечность, но не так уж ужасно, потому что ты мне вроде как нравишься, и теперь мы можем съесть целый запеченный камамбер в одиночестве, — она злобно ухмыльнулась.

Я покачала головой, улыбаясь в ответ.

— Давай сделаем это.

— Не знаю, смогу ли я, — прошептала я.

— Что? Съесть половину камамбера? Сучка, можешь, и ты, мать твою, это сделаешь, — заявила Рен после того, как проглотила полный рот еды.

Я закатила глаза и послушно обмакнула ломтик хлеба в сырную массу.

Рен одобрительно кивнула.

— Не знаю, смогу ли быть ею.

— Ею? — повторила она, склонив голову набок и внимательно изучая меня. — Хорошо, давай притворимся, что мы живем в мире, где ты не должна пытаться быть кем-то, кроме самой себя, черт возьми. Про кого ты?

— Она — это я, — ответила я. — Или кем я должна быть с Джемом. Быть его женой.

Я обмакнула еще хлеба в сыр, потому что мне действительно нужны ка-

кие-нибудь углеводы при этом разговоре.

— Он у нас криминальный авторитет, — добавила я, как только проглотила. — Да, он носит хороший костюм, ходит на благотворительные ужины и живет в очень хорошем доме, но я знаю, что есть части его бизнеса, которые... — Я замолчала, не зная, что Карсон сказал Рен, не желая рассказывать секреты Джея подруге, хотя она была одной из моих самых близких, и я бы доверила ей свою жизнь.

Я не хотела случайно сказать что-то, что поставит ее жизнь под угрозу.

— Не очень добродушные, — неуверенно закончила я. — Часть его бизнеса требует, чтобы я была сильной. — Мои мысли блуждали. — Ни в чем не сомневаться, когда меня будят посреди ночи, чтобы... — Я снова замолчала, не желая говорить то, о чем, я была уверена, мне не следует говорить с Рен. Еще больше секретов.

— Джей надел это кольцо тебе на палец не потому, что ты какая-то холодная, жесткая, крутая женщина, которая может справиться со всем дерьмом и даже не моргнуть, — заверила меня Рен, прежде чем я успела сообразить, что сказать. — Так вот, эти женщины, безусловно, потрясающие, но у них это, словно, врожденное. Они такие же, как Джей. В его мире не нужна такая трусиха.

Она протянула руку и сжала мою. Ту руку, которая не совала сыр мне в лицо, как дикое животное.

— Ему нужна ты, — продолжила она с улыбкой. — Добрая. Открытая и безоговорочно влюбленная. Полная противоположность всему, чем он дышит каждый божий день. — Она взяла свой напиток и сделала глоток. — Это не сказка. Не гребаный диснеевский фильм. Мы не уедем навстречу закату с принцами. Мы со злодеями, дорогая. И они намного лучше в постели. Думаешь, прекрасный принц дарил золушке множественные оргазмы? — Она покачала головой. — Не-а, детка. Мы сделали правильный выбор.

Мы чокнулись бокалами. Да, мы сделали правильный выбор.

И это подтвердилось, когда я вернулась домой и получила множественные оргазмы, о которых золушка определенно не догадывалась.

Я быстро привыкла выполнять свою работу, когда кто-то следит за мной. Джей проверял меня по нескольку раз в день. Мне нравилось слышать его хриплый голос на другом конце провода. Иногда он просто спрашивал, что я делаю, хорошо ли себя веду. В других случаях он приказывал мне идти в туалет, заставляя трогать себя, пока он слушал. Ну и что с того, что причиной звонков была его потенциальная вражда с русской мафией?

Когда он позвонил ранее, я сказала, что у меня есть работа со знаменитостью, которая находится в закрытом сообществе, и у человека в темном седане нет возможности последовать за мной внутрь, не вызвав много вопросов.

— Мне плевать на вопросы, — резко ответил Джей.

Я ущипнула себя за переносицу, ожидая такой реакции.

— Ну, это моя работа. Это мои клиенты.

— Твоя работа сейчас не важна, Стелла, — ответил Джей. — Только твоя безопасность.

Я стиснула зубы.

— Моя работа важна, Джей, — медленно сказала я ему.

— Тебе это не нужно, — сказал он. — Я могу позаботиться о тебе.

Я сделала глубокий вдох, потом еще один.

— Я проигнорирую это заявление, потому что ты переживаешь из-за всего происходящего. Но помни, ты влюбился в меня, потому что я не какая-то тряпка, единственная цель которой — чтобы о ней заботился мужчина. Я буду работать. Я позволила тебе приставить к себе гребаного телохранителя без единых возражений.

Я выглянула из окна своей машины, помахав Эрику пальцами.

Он кивнул в ответ один раз, слишком крутой и серьезно относящийся к своей работе, чтобы помахать. Но не настолько крутой и серьезный, чтобы сказать «нет», когда я решила свести его с моим хорошим другом, который идеально подошел бы ему. Кирану нравились плохие мальчики.

Эрик был идеальным плохим мальчиком для Кирана. И Киран идеально подходил ему. Сладкий. Добрый. Горячий. Обладал безупречным стилем. И за время нашего совместного пребывания Эрик ясно дал понять, что любит моду. Мы регулярно обсуждали обувь.

Я снова переключила свое внимание на разговор с Джейем.

— Послушай, — вздохнула я. — Я иду в дом кинозвезды. Их безопасность на высшем уровне. Здесь заведует служба безопасности Гринстоун, и они знают свое дело.

Я ждала, что Джей начнет спорить со мной, но знала, что он этого не сделает, потому что я права. Служба безопасности Гринстоуна охраняла дом Джея. Келтан, владелец, был на прошлой неделе, проверял, устанавливал обновления. Джей не стал бы нанимать никого, кроме самых лучших.

— Эрик может посидеть на улице. Я буду писать ему каждые пять минут. Но я пойду туда. — Моя позиция по этому поводу была ясна по моему тону. Много раз я позволяла Джейу указывать мне, что делать. Конечно, большинство происходило в спальне. Но за пределами этого я чувствовала себя в безопасности. С ним. Но это не означало, что я стала сабмиссив. По крайней мере, не полностью. Моя независимость, моя свобода действий — это я ему никогда не отдам.

Он вздохнул на другом конце провода.

— Ты будешь наказана, когда вернешься домой, Стелла. — Хотя его голос был напряженным, в нем безошибочно угадывалось эротическое обещание.

Мои руки крепко вцепились в руль, и я сжала бедра вместе.

— Ну, если наказана... — Я с улыбкой повесила трубку.

Я специально не сказала Джейу, кто мой клиент. Технически это не было ложью, но близко к этому. Грязный трюк, учитывая, через что мы прошли с Фелисити. Но я полагала, что настоящий клиент, к которому он когда-то излишне ревновал, по сравнению с женщиной, которую он трахал, а потом устроил на работу в нашем доме, совсем не одно и то же.

Олли хорошо платил, и он отлично подходил для моей карьеры. Он рекомендовал меня кучке своих очень богатых и знаменитых друзей-актеров.

Плюс, мне действительно нравилось его общество.

Олли притянул меня к себе, чтобы обнять, как только открыл дверь. И открыл ее именно Олли, а не помощник или экономка. Он обнял меня крепко и слишком долго.

Черт.

— Стелла! Не могу поверить, что ты исчезла на другой конец света, оставив меня одеваться самому, — обвинил он, как только отпустил меня, но не раньше, чем его глаза прошлись вверх и вниз по обтягивающему платью, которое я носила с каблуками от «Manolos».

— Я пошел на Джимми Киммела и надел мокасины из змеиной кожи, которые мне подсунул менеджер. — Его глаза были теплыми и дразнящими.

— В этом меня нельзя винить, — ответила я, входя в его впечатляющее фойе. Мои каблуки цокали по мраморному полу. — Ты сильный, умный взрослый мужчина, ты достоин лучшего, чем мокасин из змеиной кожи.

Я потянулась, чтобы заправить волосы за ухо, чувствуя себя немного неуютно, находясь наедине в доме с мужчиной, который ясно давал понять, что хочет меня. Дразнящие глаза и долгие объятия. Я не чувствовала угрозы или опасности, но теперь, когда я принадлежала Джею, все казалось странным и неправильным.

Олли уставился на мою руку. В частности, на большой бриллиант, сверкающий на моем левом безымянном пальце.

— Черт, — пробормотал он.

Я вопросительно подняла бровь, глядя на него.

Он кивнул на мою руку.

— Я опоздал. Надо было пригласить тебя на свидание, когда впервые встретились. Но я не очень хорош в этом дерьме. Подумал, что наберусь смелости, когда увижу тебя в следующий раз. — Он провел рукой по волосам, что определенно было нервным жестом. — Но потом ты уехала на пять месяцев и вернулась помолвленной. Я опоздал. Вот... черт.

Он посмотрел на меня, потирая затылок, застенчивая улыбка появилась на его очень привлекательном, очень знаменитом лице. Она была немного неуверенной. Что делало его еще более милым. Олли излучал такую уверенность, и все же в нем было что-то мальчишеское и искреннее, что отличало его от любого другого актера с квадратной челюстью и широкими плечами.

— Если тебе от этого станет легче, я принадлежала ему, когда впервые встретила тебя, — сказала я ему, думая о том, что могла не встретить Джея, ждала бы, пока Олли наберется смелости пригласить меня на свидание, и я сказала бы ему «да».

Я уверена, что он мог бы пробудить во мне больше солнечного света, сделать так, чтобы тьма внутри меня была всего лишь тенью. Конечно, он мог бы притворяться все это время, оказавшись ужасным в постели, но я так не думаю.

Размышления не принесли особой пользы. Точно так же, как это было с Брентом. Моя жизнь такая, какая есть. Я бы не стала ничего менять. Не хотела. Хотя иногда это меня пугало. Несмотря на то, что Джей пугал меня тем, что я чувствовала к нему. Пугала его жизнь с кровью на руках, люди с оружием, «борьба за территорию», и куча разных способов, которые могут забрать его у меня.

Олли наклонил голову, глядя в глаза.

— Мне от этого не легче, — ухмыльнулся он. — Но он счастливый человек.

— Я счастливая женщина, — возразила я.

Он прищурил глаза.

— Если он когда-нибудь облажается, позвони мне.

Я рассмеялась.

— Он не облажается.

Его лицо стало серьезным.

— Надеюсь, что он настолько умен.

Повисло молчание, я почувствовала себя немного неловко, прежде чем он хлопнул в ладоши.

— Ну, если я не могу жениться на тебе, то хотя бы наряди меня, как нормального мужчину, чтобы я смог привлечь нормальную, адекватную женщину.

Я улыбнулась.

— Ну, ты никогда не будешь выглядеть, как нормальный мужчина, потому что ты... это ты. И мы не в той отрасли и не в том городе, если уж на то пошло, для адекватной женщины, но давай постараемся сделать все, что в наших силах.

И мы это сделали. Просто так Олли пережил отказ. Не куксился и не злился. Он смирился с тем, что не может заполучить меня, смирился с тем, что я выбрала своего мужчину, и смирился с тем, что мы будем друзьями.

Да, к счастью для меня, он был хорошим парнем. Чертовски близко к прекрасному принцу.

И это здорово. Если вам нравятся такие.

Наказание, которого я ожидала, когда вернулась домой, не было. Дебюсси играл, Джей стоял на кухне, рукава рубашки были закатаны. Мы собирались выпить, потому что Рен предложила устроить встречу. Напитки будут крепкими даже для лошади, а это означало, что еда перед алкоголем обязательна. Я упомянула об этом Джейу в шутку на прошлой неделе, когда она позвонила нам, но не думала, что он воспримет меня так серьезно.

То, что он сделал, согрело мне сердце.

И на сердце у меня было тепло, пока я не увидела его лицо, и почувствовала энергию, когда вошла на кухню и положила сумочку на стойку.

Он поцеловал меня, прижал к себе, но что-то было не так. Что-то, что заставило меня отступить на другую сторону кухни, радуясь, что рядом стоял свежий мартини.

Джей ничего не сказал. И я тоже. Он не из тех парней, который говорит: «Привет, дорогая, как прошел твой день?» Но он был тем парнем, который обещал наказание, когда я сегодня вернусь домой. И он выполнял свои обещания, особенно когда дело касалось наказаний. Наказаний в виде половых актов, наказаний, которые включали в себя удары плетками, завязывание глаз и чрезвычайно грязный секс. Да, он сдерживал эти обещания. Каждый. Раз.

Но не сегодня.

Хотя я не сделала ничего плохого, беспокойство съело мой желудок. Это

само по себе было наказанием. Горечь в воздухе, напряженная челюсть Джея, его закрытые глаза.

— Ты больше не должна с ним видаться, — наконец заговорил Джей.

Я моргнула, глядя на мужчину перед собой. Мой будущий муж. Он мягко произнес эту фразу. А затем вернулся к нарезке грибов.

— Прошу прощения?

Мой тон заставил его оторвать взгляд от грибов. Спасибо и на этом.

— Оливер Каммингс. Он хочет тебя, Стелла. Ты моя, — он медленно выговаривал каждое слово. Настойчиво. Джей отложил нож, положил ладони на кухонную стойку, полностью сосредоточив на мне свое внимание. — Я не хочу, чтобы ты проводила время с мужчиной, который хочет то, что принадлежит мне.

Я сделала глубокий вдох. Потом еще один.

— Хорошо, итак, несмотря на то, что ты очень умный мачо-преступник, ты, очевидно, не знаешь, как расшифровать предупреждение в тех двух словах, которые я только что произнесла, и ты решил еще дальше закапывать себя, — я не говорила медленно. И я не говорила ровно, как Джей. Мое лицо не было тщательно непроницаемым. Я показала, насколько взбешена своим тоном, выражением лица и языком тела.

— Не пытайся строить из себя милашку, Стелла, — сказал Джей, его глаза слегка поблескивали от веселья.

Что делало все еще хуже.

— Не пытайся, бл*дь, намекать, что мой гнев тебе смешон. Потому что, когда ты злишься, боже, спаси человека, который назвал бы тебя милашкой, — прошипела я, наклоняясь вперед через стойку.

Челюсть Джея напряглась, а брови слегка нахмурились.

— Я не хотел оскорбить тебя, Стелла.

Я наклонила голову.

— Нет, ты просто хотел сказать, с кем я могу и не могу работать, потому что ты, кажется, веришь, что они хотят трахнуть меня.

— Он хочет. — Его взгляд был непреклонным и больше не искрился каким-либо весельем.

— Да и флаг ему в руки, — резко ответила я. — Я сексуальная. В некотором роде я просто подарок. Так что на протяжении всей оставшейся жизни рискну предположить, что буду сталкиваться с мужчинами, которые, возможно, захотят меня трахнуть. Но знаешь что? Они могут лишь желать этого. Я не позволю другому мужчине прикасаться к себе. Я предана тебе. Разве я не доказала это? Но моя преданность не означает, что ты имеешь право указывать, с кем мне работать.

Я встала со стула, схватила свой мартини со стойки и начала расхаживать по комнате. Оставалось либо это, либо перелезть через кухонную стойку и дать Джею пощечину.

— Нет, Стелла, — не согласился он, наблюдая, как я расхаживаю. — Кольцо на твоем пальце означает, что ты моя. Я не хочу, чтобы ты была наедине с мужчинами, которые хотят тебя трахнуть. Можешь думать, что он хороший человек, но многие мужчины могут стать плохими и опасными, как только их отвергнут. Особенно когда они привыкли получать то, что хотят.

Я моргнула.

— Так теперь ты намекаешь, что Олли будет помогать меня? — нахмурилась я.

Джей обогнул прилавок, направляясь ко мне. Я остановилась, потому что мое тело все еще было гребаным предателем, которое жаждало его.

— Я больше не позволю этому случиться, — яростно заявил он, подходя и становясь передо мной, но не прикасаясь.

Что-то холодное шевельнулось внизу моего живота при упоминании о ночи, которая мне все еще иногда снилась. Я подрывалась посреди ночи в холодном поту, с колотящимся от страха сердца. Джей всегда был рядом.

— Сначала я тоже отвергла тебя, Джей, — напомнила я ему, пытаюсь скрыть свою реакцию. — Хочешь сказать, что стал бы опасным, потому что хотел меня и привык получать желаемое?

Он схватил меня за запястье.

— Осторожнее, Стелла, — предупредил он.

— Нет, это ты осторожнее, Джей, — выплюнула я, отдергивая запястье назад и бросаясь к стойке, где завибрировал мой телефон.

Мы опоздали.

— Нужно идти, — решительно сказала я, пытаюсь обойти Джея.

Он не позволил мне этого сделать. Он продолжал держать меня в клетке.

— Мы никуда не пойдём. Мы еще не закончили. — Его глаза были гранитными, драгоценными камнями без блеска. Решительные.

Я встретила его пристальный взгляд, тот, который раньше пугал меня гораздо больше, чем сейчас, и вызывающе вздернула подбородок.

— На данный момент закончили, — парировала я.

— Ты не выйдешь из дома, Стелла.

Я повернула к нему голову.

— Что? Будешь физически удерживать меня? Посадишь на цепь?

Его рука скользнула к моему горлу, без давления. Тем не менее, мое сердце бешено колотилось об эту руку, тело отвечало потребностью, которую мой разгневанный разум не мог контролировать.

— Мне не нужно заковывать тебя в цепи, чтобы заставить остаться, — проворчал Джей, его голос теперь был мягким, а не железным, а глаза из драгоценных камней превратились в озера желания.

Я ненавидела то, что он был прав. Что он мог так легко контролировать меня. Без применения силы. Без ограничений. Исключительно из-за желания, которое я испытывала к нему. Из-за потребности. Той, что не ослабла с тех пор, как мы помирились, и росла с каждым днем.

Каждый час.

Как я проживу всю жизнь с этим мужчиной?

— Нет, тебе не нужно заковывать меня в цепи, чтобы заставить остаться, — согласилась я. — Но ты не сделаешь этого. Потому что мы не в соглашении. Ты не можешь выигрывать каждый раз. Ты не можешь контролировать меня. — Я с вызовом посмотрела на него, несмотря на бешено колотящееся сердце, несмотря на мою потребность.

Джей встретился со мной взглядом, обдумывая мои слова. Я знала, что он все еще обдумывал возможность заставить меня остаться, несмотря на то, что я сказала.

Когда он отступил, я, одержав победу, возненавидела себя за это.

Мы прибыли на вечеринку и изобразили лица пары, которая притворялась, что они не поссорились, но все, кто хорошо нас знал, заметили напряжение в ту же секунду, как мы вошли в дверь.

Мои друзья провели достаточно времени рядом со мной и Джем, чтобы понять нашу динамику. Они знали меня и понимали мое настроение. Но, кроме пары поднятых бровей, они ничего не сказали.

Я знала, что Джей не очень хотел быть здесь, среди всех этих людей, среди безумия вечеринки Рен, на которой синхронные пловцы плескались в бассейне, был художник по окрашиванию хной и какой-то парень, поедающий мочи. Еще я заметила мужчин в дорогих костюмах, крадущихся по углам, как маленькие тени.

Хмм.

Карсон, должно быть, усердно трудился, чтобы это произошло, так как охрана определенно не соответствовала эстетике Рен. Это бы по-королевски разозлило ее. Я знала это, потому что Рен очень серьезно относится к своим вечеринкам и своей «эстетике». А еще она продолжала свирепо смотреть на Карсона и бормотать «мудак» себе под нос. Как бы мне ни хотелось узнать историю, стоящую за этим, я решила, что расспросы подольют масла в огонь.

Если бы я не была зла на Джея, то просто спросила бы его. Поэтому я всего лишь удостоила его недовольными взглядами через всю комнату и своим собственным бормотанием. Именно поэтому решила остаться здесь подольше. Я знала, что из-за меня он приложил все усилия, чтобы приехать сюда. Наверное, это было бы мило.

Но не сейчас.

Я выпила на два мартини больше, чем планировала, погрузилась в разговоры со старыми друзьями и изо всех сил старалась выглядеть так, будто прекрасно провожу время. Я все время беспокоилась о Джем и еще больше злилась. Он никогда не отходил от меня слишком далеко, несмотря на мои свирепые взгляды и бормотание. И когда не был рядом, то стоял в какой-то мужской компании с Карсоном, его брови были слегка нахмурены, а челюсть напряжена.

Не помогло и то, что он выглядел совершенно потрясающе в своем полуночном костюме и угольно-черной рубашке, расстегнутой у горла. Его волосы вились вокруг затылка, а несколько прядей идеально падали на лоб, подчеркивая его сверкающий взгляд и скульптурные черты лица. Слишком много женщин подходили к нему. Ему нужно гребаное обручальное кольцо. Или табличку на шее с надписью: «Собственность Стеллы, отвали». Погодите, я сейчас злюсь из-за ревности и собственности?

Но это не то же самое, что говорил он, — решила я.

Именно женщины, нахмуренные брови и тревожная пустота внизу живота в конце концов заставили меня подойти к Джем, схватить его за руку и прошептать на ухо:

— Мы едем домой.

Он отвернулся от Карсона, слегка приподнял бровь и поджег мои трусики своим взглядом.

Я судорожно сглотнула. Никогда не предъявляла к нему таких требований, как сейчас... это казалось чужим. И сексуальным.

Несмотря на это, по дороге домой мы не разговаривали. Гнев все еще горел внутри. Гнев на Джея, конечно, но также и на себя. На неправильные и извращенные части меня, которые были возбуждены его ревностью, его собственничеством. Мне чертовски нравилось быть собственностью Джея. И немного я ненавидела себя за то, что мне это нравилось.

Возможно, мы и пережили всю эту историю с Фелисити, но я ничего не забыла. В некотором роде это мне тоже нравилось. Мне нравилось заставлять его чувствовать себя так, хотя он не имел права злиться. Я хотела, чтобы он представлял меня с другим мужчиной и злился, ведь несмотря на все исцеления, я все еще видела ее. Все еще представляла, как она учит Джея тому, что он делал со мной.

Так что да, мне было жарко, когда я вышла из машины — определенно не дожидаясь, пока какой-нибудь мужчина откроет мне ее — и ворвалась в наш дом. Возможно, я также была немного пьяна, как подросток. И злая трезвая женщина, чаще всего, превращалась в абсолютно чертовски разъяренную пьяную женщину.

Я снимала макияж в ванной, когда он пришел. Я ждала его. Страстно желала.

На нем не было костюма. Рубашка расстегнута, обнажая оливковую грудь, невероятно вылепленный торс, пояс Аполлона, брюки расстегнуты.

Я собралась с духом, чтобы противостоять всем чувствам, которые возникали при виде этого, и изо всех сил старалась смотреть в зеркало, сосредоточившись на текущей задаче.

— Ты все еще злишься на меня? — он прошептал мне на ухо, его рука скользнула по моему бедру.

— Да, — прошептала я, глядя на него в зеркало. — Просто в ярости.

— Хорошо, — сказал он. — Подними платье и положи руки на тумбу.

Я действительно хотела послушаться его. Хотела уйти, принять ванну с пеной и оттолкнуть Джея. Но это было невозможно. Нельзя игнорировать то, как моя киска сжалась от его тона, от расплавленного греха в его глазах.

Я сделала, как он велел.

Что-то гладкое и холодное пробежало по моей обнаженной коже. У меня задрожали колени. Я точно знала, что это. Кожаная трость, которую Джей использовал против меня. Та, что оставляла на моей заднице красные рубцы и из-за которого мне было неудобно сидеть несколько дней. Та, которую я, черт возьми, обожала.

— Знаю, тебе это нравится, зверушка. — Джей наклонился вперед, так что его горячее дыхание коснулось моего уха. Он водил тростью вверх-вниз, поддразнивая меня.

Я вцепилась в стойку и наблюдала за ним в зеркало. Его взгляд был злым, опасным. Я горела.

— Ты же знаешь, мне это тоже нравится, — он поцеловал меня в шею. — Мне нравится видеть отметины на твоей безупречной бледной коже, — его рука впиалась в кожу моего бедра. — Мне нравится причинять тебе боль.

Я ахнула, когда его рука переместилась с бедра, хватая за трусики.

— Тебе нравится, что я контролирую тебя, Стелла. И бесит одновременно.

Тебе, бл*дь, это нравится.

Его рука исчезла с моих трусиков, и он больше не склонялся надо мной. Он стоял слева, наблюдая за мной в зеркало. Трость в мгновение ока ударила по моей коже. Жгучая боль распространилась по всему телу, мои колени почти подогнулись. Я не сводила глаз с Джея, мое тело сотрясилось от желания, написанного на его лице, которое пульсировало в моей крови.

— Хочешь еще? — спросил он, осторожно проводя тростью по моей горячей плоти.

Я стиснула зубы и кивнула.

— Нет, Стелла, — отругал он. — Никакого молчания. Ты должна попросить.

Ярость смешалась с потребностью.

— Пошел на хрен, — прошипела я, удивляя саму себя.

Челюсть Джея дрогнула, и в его глазах что-то вспыхнуло. Не гнев. Нет. Голлод.

— О, еще, Стелла, я буду трахать тебя так сильно, что ты не сможешь сесть, не думая о моем члене всю неделю. Но сначала ты должна попросить. — Трость скользнула по моей коже. — Вежливо.

Мои глаза превратились почти в щелочки, настолько они были сужены, дыхание было тяжелым, а сердце глухо стучало в груди.

— Ударь меня еще раз, — упрекнула я, ненавидя его, любя его, нуждаясь в нем.

Джей слегка наклонил голову.

Мои зубы впились в губу с вызовом, глаза не отрывались от его глаз. Он не пошевелился.

— Ударьте меня еще раз, сэръ, — смягчилась я, мой тон был животным.

Он ухмыльнулся, показав все свои зубы, всю свою злобу.

— Это моя зверушка.

Потом он ударил меня.

И еще раз.

Пока я не промокла насквозь, в нескольких дюймах от оргазма, пока мои колени не задрожали. Потом Джей отнес меня в нашу кровать, поставил на четвереньки и трахнул. Жестко. Беспрестанно. Так, что его клеймо осталось на каждом дюйме моей кожи. Я его собственность.

И мне это чертовски нравилось.

Позже — намного, намного позже, когда ко мне вернулась способность говорить после того, как Джей нежно, благоговейно втер лосьон в мою красную, жгучую кожу, как только я распласталась по его телу, потому что не могла вынести даже тысячи нитей египетских хлопчатобумажных простыней на голой коже — я заговорила:

— Я не откажусь от Олли как от клиента. — Мой мягкий голос прорезал ночь суровой правдой.

Джей напрягся подо мной, его руки сжались.

— Я понимаю, — прошептала я, моя рука обхватила его щеку. — Я понимаю, как сильно ты хочешь меня, потому что я хочу тебя так же сильно. Я не могу дышать, думая о другой женщине рядом с тобой. — Фелисити появилась

у меня в голове, и я отодвинула ее в сторону — отшвырнула ее подальше. — Но я не буду бросать клиентов. И не позволю тебе указывать мне, с кем можно, а с кем нельзя проводить время. Поверь, что я буду избегать любых ситуаций, которые будут тебе неприятны.

— Мне не нравится мысль о том, что мужчина находится так близко к тебе, черт возьми, и будет чувствовать твой запах, видеть твою улыбку, твою задницу, поправляя в штанах свой член, — кипел Джей.

Я невольно усмехнулась, снова хотела его.

— Это нереально, Джей, — вздохнула я.

На несколько долгих мгновений в воздухе повисла тишина.

— Я знаю, — наконец смягчился он, его рука коснулась чувствительной кожи, которая была восхитительно припухшей. — Но не останавлиюсь, — добавил он. — Я никогда не перестану желать убить любого человека, который думает, что у него есть какие-то права на то, что принадлежит мне. — Джей поцеловал меня, прикоснувшись зубами к моим губам. — Но я попытаюсь.

— Хочешь знать правду? — прошептала я.

— Всегда.

— Я не хочу, чтобы ты останавливался.

Его руки сжались вокруг меня.

— Я, бл*дь, никогда этого не сделаю.

ГЛАВА 11

Стелла

Наступила суббота.

Необычный день, где мы оба свободны.

Теперь, когда я здесь всегда, не было дней, которые принадлежали бы исключительно Джею. У него были все дни. Но так или иначе, к сожалению, больше проводить времени вместе мы не стали.

Я была занята работой больше, чем когда-либо, поэтому чаще всего нужно было ходить на работу. Если не на свою работу, то на мероприятия Джея. По крайней мере, с более законной стороны. Сторона вечеринок, благотворительных пожертвований, накачаных ботоксом жен и богатых старперов.

Я не видела ту сторону бизнеса с кровью, оружием и всем прочим. Тем не менее, даже сейчас Джей защищал меня от этой стороны своей жизни с безжалостной решимостью. Как бы сильно я не хотела забыть об этом, не могла. Я выхожу замуж за этого человека. Если собираюсь провести с ним свою жизнь, родить от него детей, не должно быть никаких неизвестных пропастей между нами. Даже если сама перспектива узнать о них приводила меня в ужас.

А пока, однако, у нас был тихий субботний вечер.

Легкий ветерок дул из открытого окна, потому что, несмотря на холод, мне нравилось вдыхать запах океана и слышать отдаленный шум волн. Я свернулась калачиком на диване. Играл Дебюсси. Джей был одет в джинсы и футболку. Маленький уголок совершенства. И я не планировала разрушать всё это, требуя правды.

— Рен планирует нашу свадьбу, — сказала я Джею, когда он налил мне бокал вина. Он не позволил наливать самой. В ту секунду, когда бокал был по-

что пуст, он был рядом и снова наполнял его. Я не потрудились прокомментировать, что могу делать это сама. Джей очень хорошо знал это, но хотел делать сам. Один из многих маленьких жестов, которые, да, возможно, говорили о его склонности к контролю, но также говорило о том, как он хотел заботиться обо мне. Маленькие, миленькие жесты.

Например, наполнение моего бокала.

Каждый чертов раз я сходила с ума, когда вдыхала его запах, видела его зеленые глаза, наблюдающие за мной с другого конца комнаты.

— Я не удивлен, — ответил он, когда закончил наливать вино и перешел к своему бокалу.

И еще одно: он всегда заботился обо мне прежде, чем думал о себе. Всегда. И не только в спальне — считалось, что это само по себе было какой-то редкостью.

Я ненавидела широкие обобщения о мужчинах и женщинах, которые существовали по сей день. Женщины в любви, в похоти, в серьезных отношениях, как правило, стараются изо всех сил заботиться о мужчинах. Сотней способов. А мужчины не замечали, как их женщина приносит им пиво, как выбирает их любимую марку йогурта в магазине, как сосали их члены не потому, что им нравилось, а лишь для того, чтобы доставить им удовольствие.

Мужчины, как правило, не особо старались делать такие мелочи, потому что в основном они их не замечали.

Джей замечал во мне все. Даже то, чего я не замечала в себе. И его чувства и преданность становились все более и более очевидным с тех пор, как мы вернулись домой.

— Смотрю, ты не против, что Рен планирует нашу свадьбу, — уточнила я, когда он сел рядом со мной, а затем притянул меня так, что я практически сидела у него на коленях.

Я любила сидеть близко.

Как будто он думал, что я могу убежать и снова проложить океан между нами. Как будто боялся, что может снова оттолкнуть меня.

— Даже если бы был шанс поспорить, я бы не выиграл, — сказал Джей, потягивая вино. В его словах, голосе, во взгляде была легкость, которая согрела меня изнутри. — Но нет, у меня нет возражений против того, чтобы Рен сделала это. А у тебя?

Я покачала головой.

— Конечно нет. У меня тоже нет выбора в этом вопросе. И если у моего супер-могущественного, крутого жениха нет шансов против Рен, то у меня тем более.

Джей протянул руку, чтобы вытащить мои волосы из беспорядочного пучка, в который я их собрала ранее. Он пригладил пряди пальцами.

— Я думаю, ты сомневаешься в своих силах, любимая, — пробормотал он.

Я улыбнулась ему.

— Ты же знаешь, что свадьба от Рен будет подобна фанфарам, — предупредила я, возвращаясь к текущей теме.

Он кивнул.

— Я знаком с Рен, так что да.

— Список гостей будет чудовищным, — продолжила я.

— Опять же, я не удивлен, — Джей говорил непринужденно, без напряже-

ния в челюсти, без прикрытых век. Меня нервировало, видеть его таким.

Расслабленным.

Это было нервнующе, но в то же время чудесно. Я не хотела разрушать этот удобный, легкий момент между нами. Потому что знала, как бы сильно ни казалось, что все изменилось, как бы сильно ни изменился Джей, я знала, что люди, особенно мужчины — особенно Джей, — не менялись в корень.

Мне до боли хотелось удержать его таким, как сейчас, не создавая ни единой проблемки.

Но так же сильно, как не хотела разрывать наши мирные очаги, я хотела убедиться, что между нами ничего не осталось недосказанным. Что отношения не рушатся из-за вещей, сказанных в гневе, слов, использованных в качестве оружия. Конечно, они оставляли следы. Но они не несли непоправимого ущерба.

Ущерб всегда лишь из-за молчания. Из-за мыслей, чувств, страхов, потому что произносить их казалось слишком трудно, слишком неудобно. Эти невысказанные слова зарывались, как термиты, разъедая то, что находится под поверхностью.

— Джей, — сказала я.

— Стелла, — ответил он, все еще играя с моими волосами.

— Не так давно, всего несколько месяцев назад, ты недвусмысленно сказал мне, что никогда не женишься, — я заставила себя говорить небрежным тоном, хотя одно воспоминание об этом разговоре причиняло боль.

Часть легкости покинула его глаза, и я возненавидела себя за это.

Он не ответил. Джей вспомнил этот разговор. Он знал, что это было не все, что я хотела сказать. Поэтому ждал.

— Я знаю, что время, когда мы были в разлуке, многое изменило, — продолжила я. — Знаю, что мы прояснили ситуацию. Но просто хочу убедиться, что ты не делаешь того, чего не хочешь, лишь бы удержать меня. Есть веские причины, по которым ты не хочешь вступать в брак. Более чем обоснованные. И до недавнего времени они были конкретными. И все же теперь ты соглашаешься не только на свадьбу, но и на то, что на этой свадьбе, скорее всего, будет петь давно ушедшая на пенсию поп-группа, и на которой будет присутствовать много-много людей. — Я прикусила губу. — Это... очень странно.

Джей наклонился вперед, чтобы поставить свой бокал с вином на кофейный столик перед нами, затем взял мой и сделал то же самое. Его руки нашли мою шею, сжимая ее, заставляя мое внимание переключиться на него — где оно и было все это время. Он был не единственным, кто все еще чувствовал холодные тени нашей разлуки.

— Стелла, — он произнес мое имя низким хриплым голосом. — Я встану перед толпой людей и поклянусь, что ты будешь моей до самой смерти. Мне наплевать на все эти фанфары. — Его глаза блуждали по моему лицу, как будто это первый и последний раз, когда он меня видит.

Его сила никогда не ослабевала.

— Что касается того, что я сказал о браке, то это было посреди лжи, которую я говорил сам себе. — Его большой палец касается моей челюсти. — Это было до того, как я прожил свою жизнь с твоим призраком. Не говорю, что буду хорошим мужем. Не говорю, что не облажаюсь. Что мое прошлое не будет негативно влиять на периоды нашей жизни, что не будет битвы против самых

уродливых частей меня. Но обещаю, что не позволю им победить.

Это были не сердечки и цветы. Определенно не Китс, но для меня слова Джея были поэзией.

Мне потребовалась еще неделя, чтобы завести разговор, который я должна была начать в ту ночь, когда Джей попросил меня стать его женой.

Нет, следовало завести этот разговор гораздо раньше. Но раньше такие разговоры были запрещены.

Он готовил.

Это он делал часто. Хотя мои кулинарные навыки теперь были на самом деле хорошими, Джею нравилось кормить меня. Ему нравилось обслуживать меня.

Можно было с уверенностью сказать, что мне это тоже нравилось.

— Знаешь, я согласилась стать твоей женой до того, как узнала, что влечет за собой твоя жизнь, — сказала я ему, потягивая вино. Для этого разговора определенно требовалась жидкая смелость.

— Я сказал тебе, что влечет за собой моя жизнь, — ответил Джей, не приукрашиваясь к своему напитку. В разгар серьезных разговоров, меня нервировало, что он был спокоен. Он всегда мужественно смотрел на меня не мигая. А мне всегда что-то было нужно. Теревить ткань штанов. Трогать волосы. Пить алкоголь.

— Ты сказал мне своим расплывчатым, зловещим тоном: «Я тебе не гожусь, я босс мафии», — опровергла я.

— Я не босс мафии, — поправил Джей.

Я наклонила голову.

— Ладно, ты не босс мафии, но ты управляешь... секс-работниками? И ты можешь убивать или не убивать людей? Даже при том, что я не разбираюсь в сложностях жизни в преступном мире, знаю, что есть нечто большее.

Его взгляд был непроницаем.

— Да, Стелла, это еще не все.

Я ждала. Он ничего не сказал. Я подождала еще немного. Он по-прежнему ничего не говорил.

— Хорошо, — огрызнулась я. — Что еще?

Джей смотрел на меня еще несколько секунд, прежде чем опустил голову к разделочной доске и луку. Это был его невербальный способ сказать, что разговор окончен.

Я наклонилась вперед, щелкнув пальцами в его сторону.

— Не-а. Теперь ты не можешь выбирать, когда закончится разговор. Я твоя будущая жена. Я твоя ровня. И имею право знать, что, черт возьми, влечет за собой жизнь моего мужа. — Теперь я начинала злиться. И не скрывала этого.

— Ты имеешь на это право, — согласился он, все еще глядя на лук.

Я стиснула зубы и ждала, когда он заговорит еще раз.

К счастью, он так и сделал. Но с таким же успехом мог бы промолчать.

— Но я не скажу тебе. — Он поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть мой свирепый взгляд.

— Еще больше секретов. — Кипятилась я, гнев зверел в моем животе. — Фе-

лисители — это еще не конец, да? Твой мир построен на лжи, и я живу в нем, но, как твоя жена, не имею права быть просвещенной в твою настоящую жизнь? Все по-прежнему на твоих условиях.

Я вскочила со своего места, намереваясь убежать для пущего эффекта, а также потому, что не хотела, чтобы Джей видел слезы. Меня раздражало, что я всегда хочу плакать, когда зла или расстроена. Это не очень помогало сильному женскому образу, который пыталась изобразить, и я не хотела, чтобы Джей видел во мне эту слабость.

Конечно, мне не удалось убежать. Джей двигался быстро, покидая кухню несколькими длинными шагами, преграждая мне путь своим телом. Я нахмурилась на него, ненавидя то, что он был так чертовски красив, и власть, которую он имел надо мной, не притупилась. Ни капельки.

— Хорошо, — сказал он, шагнув вперед, его рука обхватила мою щеку. — Хорошо, Стелла. Я ничего от тебя не скрываю, потому что не доверяю тебе и считаю тебя слабой. Скрываю от тебя некоторые вещи, потому что очень высокого мнения о тебе. Потому что ты — единственное, что есть в моей жизни нетронутого, чистого, хорошего, правильного. Потому что я жадный человек, хочу, чтобы ты была единственной чистой вещью в моей любви. Незапятнанной моей жизнью.

Мое сердце разбилось из-за этого человека. Этого поврежденного, сломленного и сложного человека. Который любил меня больше всего на свете и также сильно ненавидел себя.

Я дала себе молчаливую клятву выяснить, как избавиться от этой ненависти, и показать его таким же прекрасным, каким видела его я. На это уйдет целая жизнь, и прекрасно, поскольку именно столько я намеревалась пробыть с ним.

— Я знала, во что ввязываюсь с тобой, — выдавила я, уставившись на него. — И я не чистая и безгреховная — это одна из многих причин, по которым я влюбилась в тебя. Потому что ты приютил мои темные частички. — Сделала глубокий вдох. — После моего детства, того, что случилось с моей мамой, я поняла, что внутри меня есть что-то уродливое. То, что я пыталась забыть, похоронить. — Я сделала паузу. — Пока не появился ты. Теперь я ничего не боюсь внутри себя, Джей. Чем больше ты прячешься от меня, тем больше я боюсь.

Он смотрел так, будто пытался разорвать меня на части, увидеть мои внутренности. Я хотела, чтобы он мог, хотела, чтобы был способ показать ему всё.

— Мой бизнес — это управление улицами Лос-Анджелеса, — наконец признался он. — Районы города разделены на территории и контролируются различными уличными бандами. Эти банды по большей части не ладят друг с другом. Но они не вступают в войну, потому что все подчиняются мне. Я не контролирую их, не контролирую их деятельность, не мешаю им делать любые ужасные жестокие вещи, чтобы выжить, важно, чтобы ты это знала.

Рука Джея переместилась с моей щеки на шею, охватывая мою ключицу, положив ладонь на грохочущее сердце.

— Я не Робин Гуд, — продолжил он. — В моей работе нет благородства. Есть деньги и власть. Не утруждай себя попытками выставить все это правильным или нормальным в своем уме. Нельзя оправдать то, что я делаю, или то, кто я есть.

Он вздохнул. Я никогда раньше не слышала, чтобы Джей вздыхал. Звук был безобидным, достаточно естественным для большинства людей, но не для Джея.

Я судорожно сглотнула.

— Расскажи мне остальное, — прошептала я.

— Я контролирую большую часть оружия и боеприпасов, поступающих в город и вывозимых из него. Мне существенно принадлежит полиция. Моя работа — следить за тем, чтобы все не становилось слишком громким, чтобы ничего не попало в заголовки газет. Что преступники держатся в тени. Я начал с самого низа кучи. Самое гребаное дно. Я делал все, чтобы добраться до вершины. Причинял людям боль. Убивал их.

Я знала все это, не так ли? Не подробности, конечно, но я знала, что Джей убивал людей. Знала, что он убил мужчину, чтобы добраться до вершины. Знала, что, вероятно, так и будет в будущем. Что он вернется домой со смертью на руках, запятнавшей его душу. Я никогда не думала, что буду жить так близко к чему-то подобному, что буду спать рядом с человеком, способным на это, и любить его всеми фибрами своего существа.

Но я любила. И буду любить. Всегда.

— Это и есть причина благотворительного дерьма, — объяснил Джей. — Я запоздало пытаюсь уравновесить чаши весов. Пытаюсь компенсировать некоторые вещи, которые сделал в этом мире. — Он поиграл с прядью моих волос. — Я знаю, что попаду в ад за свои грехи. Попаду в самые темные бездны за то, что привел тебя в свой мир и отказываюсь отпускать. Но я прослужу вечность в аду за одну жизнь с тобой, Стелла. Это для меня рай.

Я быстро заморгала, слезы наполнили мои глаза от силы его слов. Поклонение в них. В глазах Джея.

— Если ты все еще будешь со мной. — Его голос был низким, почти шепот. — Я знаю, что должен был сказать это до того, как надел кольцо тебе на палец. Должен был дать тебе выбор. Но я грешник, любимая. Я уже говорил это раньше. Я не дал тебе выхода, потому что не хотел, чтобы у тебя был выход. — Его рука собственнически сжалась вокруг моей шеи. С нуждой.

Моя собственная потребность заныла в глубине живота.

— Не знаю, смогу ли я отпустить тебя, если ты откажешься это терпеть, — продолжил он.

Это должно было напугать меня. Напряженность, клятва, обещание в его словах. Я не испугалась.

— Я никуда не уйду, Джей, — пообещала я хрипло.

Его глаза медленно скользили по моему лицу, как будто он искал проблеск нерешительности, намек на ложь.

— Я знаю, ты думаешь, что я какая-то святая. — Я покачала головой, пытаюсь общаться не только словами, но и глазами. Надеюсь, что он знает, что эти слова исходят из моего сердца. Из моей души. — Я не согласна, но давай предположим, что я святая, и говорю тебе правду. Святые не лгут. Я никуда не уйду. Я люблю тебя именно за то, кто ты есть, за все твои грехи. Потому что правильно это или нет, но они поддерживали в тебе жизнь, помогали тебе дышать. — Мои глаза наполнились слезами. — Они привели тебя ко мне.

Теперь это, наконец, щелкнуло. Не имело значения, что Джей скажет, и что сделает.

Даже если то, что он делает, было хуже сказанного — мое воображение было не так уж велико, но я предполагала, что все возможно, — это ничего бы не изменило.

— Я должен скрывать свою любовь к тебе, зверушка. Мою преданность тебе. Тот факт, что ты внутри меня, что я принадлежу тебе. Я должен скрывать, что ты — мое все. Потому что единственная причина, по которой я был так успешен в своем бизнесе, единственная причина, по которой смог так долго удерживаться у власти, — это то, что у меня нет ничего, что можно отнять. Ничего такого, чем они могли бы мне навредить. — Джей прислонился своим лбом к моему и закрыл глаза, делая долгий, глубокий вдох.

Прошло не меньше минуты, прежде чем он открыл их и заговорил снова:

— Они могут причинить мне боль, манипулируя тобой, Стелла, — признался он. — И это пугает меня до чертиков.

— Нет, — запротестовала я, качая головой. — Они не смогут. Ты не позволишь этому случиться. Я не позволю этому случиться.

Я сказала это твердо, как будто могла что-то контролировать. Как будто темная, зловещая, смертельно опасная жизнь Джея поддавалась контролю.

И вскоре я узнала, что это не так.

Мы решили выпить.

Я, Рен, Зои, Ясмин, Эрик и Филипп — охранник Рен. У Рен внезапно появилась своя собственная тень, несмотря на то, что месяц назад она позвонила мне в три часа ночи и сказала, что они с Карсоном расстались из-за того, что он пытался «приставить к ней мужчину», как Джей со мной. Цитирую Рен: «Я сбежала из особняка тайского наркобарона на его собственном частном острове в одном бикини, думаю, я смогу позаботиться о русских чувках».

Когда я сказала ей, что это русская мафия, она издала пренебрежительный звук и пробормотала «подумаешь».

Излишне говорить, что в конечном итоге у Рен появился охранник, и она не порвала с Карсоном. Он тащился по ней. Она тащилась по нему, но все еще отказывалась признавать, что у них нет ничего, кроме горячего секса. Очевидно, Рен была влюблена в него. Мы все знали и были безумно рады этому. Даже Зои, несмотря на то, что Карсон работал на Джея в теневой части его бизнеса. Меня бесило, что Зои так легко приняла Карсона, а Джея просто «терпела». Конечно, она общалась с ним. Она даже приходила к нам выпить, разговаривала с ним и делала все возможное, чтобы поддержать меня. Но я знала, что Зои не теряла бдительности. Не простила его за то, что он причинил мне боль.

Вот почему для меня не имело смысла ревновать к поддержке, которую Зои оказывала отношениям Рен. Зои не беспокоилась о «нарушении законов» в жизни Джея, а больше беспокоилась о том, что он нанес вред мне.

И все же это меня раздражало.

С другой стороны, у меня была целая жизнь на то, чтобы они понравились друг другу.

Надеюсь.

Джей беспокоился о моей жизни, приставил ко мне мужчину, а Карсон, очевидно, беспокоился о Рен, пошел против нее — и победил.

И стало ясно, почему Карсон был настолько обеспокоен, что пошел на битву с нашей подругой, как только мы все сели и перед нами поставили напитки.

— Я беременна, — выпалила Рен.

Она просто случайно сказала это, когда я делала большой глоток мартини, который она заказала для меня. Поэтому вместо того, чтобы позволить гладкой жидкости скользить по моему горлу, мне показалось, что она затвердела, и я поперхнулась, разбрызгивая ее вокруг.

Потребовалось несколько минут, чтобы взять себя в руки и убрать беспорядок, который я устроила. Я думала, что либо у Зои, либо у Ясмин будет какой-то ответ, обе они были поражены. Один из лучших судебных адвокатов в городе — в стране, если спросите меня, но я, возможно, была предвзята — и одна из самых откровенных и красноречивых женщин — потеряли дар речи при известии о том, что наша подруга беременна.

С другой стороны, подруга, о которой идет речь, поклялась, что она «никогда не будет размножаться, ведь мир и так перенаселен», а также призналась, что «слишком любила свою жизнь, чтобы позволить ребенку все разрушить». Я знала, что в этом было нечто большее. Знала, что, как бы сильно она ни обожала своих родителей, она не хотела быть такой, как они. Рен воспитывали няни, а к десяти годам ее отправили в школу-интернат. Она призналась мне, что сделает все возможное, чтобы дать своему ребенку лучшую жизнь, но, скорее всего, вернется к образу жизни своих родителей.

«Чувство вины сожрет меня заживо», — призналась она в ту ночь, когда мы напились очень дорогого красного вина. «Я бы облажалась. Уверенна. Я бы старалась изо всех сил, но все бы испортила. И тогда моя жизнь будет несчастной. Я не хочу несчастной жизни. Я хочу сказочной.»

— Кто-то должен что-то сказать, — огрызнулась она, свирепо глядя на всех нас. — Потому что я не могу пить, чтобы успокоить свои нервы. — Она с тоской смотрела на мой мартини.

— Дорогая, это... здорово? — Ясмин попыталась, чтобы это прозвучало как заявление, но в конце ее голос повысился, потому что ярость Рен была немного пугающей и совсем не свидетельствовала о том, что эта новость — радостная.

— Это здорово, если ты хочешь, чтобы это было здорово, — поправила Зои.

— Да, — согласилась я. — Если ты не хочешь, чтобы это было здорово, тогда это тоже нормально, детка. Это твое тело.

Ясмин серьезно кивнула, и я протянула руку, чтобы сжать ее ладонь, зная, что ей пришлось принять это ужасное, изменившее ее жизнь решение пять лет назад, когда она все еще испытывает трудности на работе и встречается с мужчиной, которого не признает.

— Конечно, я, черт возьми, хочу этого, — практически взвизгнула Рен, скидывая руки. — Я люблю этого мужчину и его дурацкую супер-сперму, которая, видимо, сильнее, чем таблетки.

— Ты принимала противозачаточные? — спросила я, мой желудок скрутило от чего-то, что мне не понравилось.

Глаза Рен расширились.

— Конечно, я принимала противозачаточные. Со всем этим сексом? Ты с Джемом должна сразу по три вида принимать.

Это была бесцеремонная шутка моей истеричной подруги. Беременной подруги.

Но это было правдой.

К счастью, никто не ждал от меня ответа на этот вопрос перед лицом новостей Рен.

— Подождите, — вмешалась Ясмин, подняв руку. — Ты любишь его?

Рен прищурила глаза.

— Да, я люблю его. Конечно, я люблю его. Вы видели этого человека? Он единственный, кто может противостоять мне, не дрогнув. Он трахается, как жеребец, с ним никогда не бывает скучно, и у него есть все эти восхитительные и темные уголки, которые можно исследовать. — Она нахмурилась. — Что со мной стало? Я забеременела и влюбилась до тридцати лет. Это не то, чего я хотела от своей жизни. Я должна быть эксцентричной, богатой тетей для ваших спиногрызов, покупать им выпивку и спать с их друзьями. — Она оглядела стол. — А я даже пить не могу!

— Не волнуйся, я выпью за тебя, — пошутила я, поднимая свой мартини.

Это прозвучало как шутка, мы подняли тост за Рен, но я быстро проглотила жидкость, пытаюсь смягчить жжение в задней части горла и заполнить пустоту внизу живота.

Джей был в своем офисе в Клатче. Он позвонил и сказал, что VIP-комната открыта для нас с девочками.

— Придешь ко мне в офис, когда закончишь, чтобы я полизал твою киску, а затем трахнул у стекла, — добавил он.

Румянец пополз по моей шее, когда я пробормотала согласие. Рен, конечно, заметила, как я покраснела, а затем подмигнула мне с лукавой улыбкой.

Мы не пошли в VIP-зону, потому что Рен ночью подхватила утреннюю тошноту, а Ясмин собиралась потусоваться дома... вместе с Филиппом. Зои нужно было идти на вечеринку по работе. Мы все расстались с объятиями, поздравлениями и планами отправиться за покупками на следующий день.

Как бы сильно это ни делало меня ужасным человеком, я была рада, что мне не пришлось тусоваться остаток ночи.

В отличие от обычного, мое тело не расслабилось, когда я вышла из лифта и вошла в офис Джея. Вместо этого я чувствовала себя еще более неловко.

Как всегда, Джей заметил, что со мной что-то не так, как только мои каблукки начали стучать по деревянному полу.

— Иди сюда, — потребовал он вместо того, чтобы спросить, что случилось.

Я сделала, как мне было сказано, двигаясь медленнее, чем при обычных обстоятельствах, и в обычных обстоятельствах я бы, черт возьми, чуть не прыгнула к нему на колени. Джей тоже это заметил, его глаза следили за шагами.

Как только я оказалась на расстоянии вытянутой руки, Джей схватил меня за запястье и усадил к себе на колени. Одна рука обхватила мое бедро, в то время как другая переместилась между моих бедер, задевая край трусиков.

Несмотря на все, что происходило, мое тело покалывало от желания, хотела, чтобы он переместил свои пальцы глубже. Однако он этого не сделал.

Джей почувствовал беспокойство, которое исходило от меня.

— Рен беременна. — Мой голос звучал странно и отдавался эхом в собственных ушах.

— Я знаю, — ответил Джей.

Я уставилась на него.

— Знаешь? — повторила я.

— Карсон говорил со мной. Хотел, чтобы теперь у нас была хороша защита для нее.

Я стиснула зубы.

— Конечно, он сказал тебе. Не потому, что он твой лучший друг или что-то в этом роде, а потому, что тебе пришлось обсуждать защиту моей подруги от русской мафии. — Я не могла сдержать горечь в своем тоне. Горечь, которая назревала с сегодняшнего ужина.

Джей ничего не ответил на это, учитывая, что на мой язвительный тон особо нечего было сказать. Когда между нами воцарилась тишина, я перевела взгляд с Джея на корчащиеся тела на танцполе внизу, думая о том, что целую жизнь назад я была просто еще одним телом, даже не подозревавшим о существовании Джея. Не представляю, как я жила без него.

Он, казалось, был недоволен тем, что я смотрю на танцпол, размышляя о прошлом, потому что взял мой подбородок между большим и указательным пальцами и заставил меня посмотреть на него еще раз.

В его глазах было молчаливое требование большего. Всего, что грызло меня изнутри. И я была не из тех, кто отказывает Джею.

— Мы не говорили о детях. — Я искала ответ в его радужных оболочках. — Ни разу с Новой Зеландии. И я не принимаю противозачаточные средства. И знаю, что это ужасно с моей стороны — думать о себе в разгар новостей подруги, но ничего не могу с этим поделать. Я хочу детей. Может быть, не сейчас, но мне нужно знать, что ты тоже еще хочешь их. Да, у вас сейчас много чего происходит, с русской мафией и все такое. — Я пренебрежительно махнула рукой.

— Так что, может быть, ты не думаешь о детях или не думаешь о том факте, что у нас было много секса без презервативов, но я думаю об этом, — пробормотала я. — Думаю одновременно о том, что бы ты чувствовал, если бы я забеременела, а затем беспокоюсь о том, что у нас было много секса, но я не беременна. Что, если я бесплодна? Для тебя это, вероятно, не важно, поскольку ты вообще никогда не хотел детей, но для меня это очень много значит.

Я глубоко вздохнула, осознав, что только что свалила на плечи Джея заботы, накопившиеся за три месяца. Как будто ему больше не о чем думать, как будто мы не должны были забыть всю эту «детскую» историю, и я должна была пытаться вести себя спокойно.

Вместо того чтобы столкнуть меня со своих колен, объявить сумасшедшей и отменить свадьбу, уголки рта Джея приподнялись, и он притянул меня к себе, чтобы поцеловать. Нежно.

Я поцеловала его в ответ. Нежно.

Его пальцы были на внутренней стороне моих трусиков, когда мы закончили, и я почти полностью забыла, о чем мы говорили.

Почти.

Вдобавок ко всему, Джей выглядел почти удивленным — еще возбужденным, но в основном удивленным. Потом я вспомнила все, что только что вы-

лила, и разозлилась.

— Смеешься над моими словами? — я рявкнула, пытаюсь слезть с его колен, но его рука — та, что была не в моих трусиках, остановила меня.

— Нет, я не смеюсь, — возразил Джей, его голос был бархатной лаской, которая не успокоила мои измотанные нервы.

Его палец вошел в меня, и я стиснула зубы от удовольствия.

— Я просто вспоминал, когда мы были в этом офисе, и ты очень много болтала, не переводя дыхания, — объяснил он, прижимаясь губами к моей шее. Он ввел в меня еще один палец, и моя рука сжалась на его предплечье.

— Ты имеешь в виду, когда я думала, что ты собираешься убить меня? — спросила я хриплым голосом.

— Да. — Джей прикусил мою кожу зубами, его пальцы медленно двигались внутри меня. — Поэтому я влюбился в тебя тогда, Стелла. С того момента я знал, что переверну небо и землю, чтобы сделать тебя своей. Что я разорву свою жизнь на части, освобожу место для тебя.

Он сделал пальцем движение «иди сюда», волшебный жест, который заставил меня резко зашипеть за несколько мгновений до кульминации.

Джей внезапно перестал шевелить пальцами.

— Я заметил, что ты не принимаешь противозачаточные, милая. Заметил, что ты не беременна. Но прошло всего шесть месяцев, Стелла. Шесть месяцев, полных перемен, стрессов. — Он слегка пошевелил пальцем, и я застонала от удовольствия. — С тобой все в порядке, Стелла. Все в тебе идеально. И когда придет время, когда твое тело перестанет работать, как часы, у нас все получится, и я буду счастлив. — Он мягко прижался своими губами к моим.

— А что, если мы не сможем? — я прошептала страх, который кипел и рос в последние месяцы.

— Тогда, Стелла, я переверну мир, чтобы у тебя был ребенок, — пообещал он мне в шею, и по моей коже побежали мурашки. — А сейчас, как насчет того, чтобы попрактиковаться в его создании? Их же не делают таким образом. — Он вынул из меня пальцы, поднес их к губам и, не сводя глаз, попробовал их на вкус.

После этого он трахнул меня, прижав к стеклу.

ГЛАВА 12

Стелла

Три месяца спустя

Я проснулась от языка Джея у меня между ног в день нашей свадьбы.

Рен изо всех сил старалась похитить меня, даже забронировала номер в отеле «Waldorf Astoria». Джей позволил Рен взять все в свои руки. Может быть, потому, что он был занят. Последние несколько месяцев он был рассеян из-за своего бизнеса. Люди пытались вторгнуться на его территорию. На прошлой неделе мы ездили в Мексику, чтобы он мог заключить сделку с каким-то мексиканским наркокартелем. Я хотела знать все, чтобы избавиться от секретов, так и случилось.

Я была довольно перегружена, постоянно занята на работе. Джей заставил

меня нанять помощника, угрожая заплатить за все сам, если я этого не сделаю. Ему не нравилось, что чем дольше мы работаем, тем меньше времени проводим вместе, и то, как я изматываю себя. Я тоже была не в восторге. Неохотно провела собеседования, нашла Джозефа. Претендентов было много, и в последнее время мое имя стало довольно известным. Я и представить себе не могла, каких высот достигнет моя карьера, не знала, как со всем справиться.

И тут вмешался Джей. Он провел все выходные в моем офисе — обустроил его прямо рядом со своим — просматривая мои счета и улаживая всевозможную налоговую и финансовую чушь.

Это заняло все выходные, потому что я была безответственной и не вела никаких счетов. А еще Джей решил пометить каждую отдельную поверхность в моем офисе, которых, как оказалось, было много.

Джей продолжал удивлять меня. Я знала, что он умен, но он также был терпелив, спокоен и беспристрастен, говорил мягким тоном, с точки зрения непрофессионала.

Когда поступил звонок на вакансию ассистента, у меня были кандидаты из всех школ Лиги Плюща, из Парсонса, все они были с впечатляющими резюме. Но Джозеф, бросивший учебу, одетый в винтажный костюм Тома Форда с кроссовками, привлек мое внимание. Он был сообразительный, стильный и знал толк в моде. У него имелись большие цели, и я знала, что не так много людей захотят дать ему шанс, а если бы и дали, он бы работал на дерьмовой работе за дерьмовую плату. Благодаря Джею я не платила за квартиру, почти не покупала себе одежду, и благодаря самой себе я зарабатывала больше, чем когда-либо. Джей зарегистрировал меня как самозанятую, так что я могла предложить Джозефу все преимущества.

Я также была занята подготовкой к свадьбе, и, к счастью, единственное, что мне действительно нужно было сделать, это присутствовать на примерках. Рен позаботилась обо всем остальном. Она пыталась взять на себя все расходы, но столкнулась лицом к лицу с Джеем. И не добилась своего.

Она что-то бормотала о покупке самолета или острова в качестве свадебного подарка. Я улыбнулась, а Джей проигнорировал ее. Карсон, который почти всегда присутствовал рядом с Рен, изобразил легкое подергивание губ, которое было его версией улыбки.

Она также пробормотала что-то о плохой примете, увидев невесту в день свадьбы. Джей держался твердо и позже прошептал мне на ухо: «Ты и так получишь за то, что мы пересеклись. Я думаю, нам пора на перерыв».

Это раздражало меня, но я пропустила все мимо ушей, напомнив себе, что у меня целая жизнь, чтобы доказать Джею, что он — лучшее, что когда-либо случилось со мной.

А потом его рот оказался у меня между ног в день нашей свадьбы. Его рот, голодный, ненасытный, точно знающий, как заставить мои пальцы на ногах скрючиться.

— Ну как ощущения? — спросила я, затаив дыхание, когда получилось два оргазма.

Палец Джея лениво двигался вокруг моего соска.

— Ощущения? — повторил он.

— Не испугался? Еще не передумал на счет брака?

Я говорила беззаботным тоном, но его лицо стало серьезным.

— Стелла, я знаю, что не смогу стереть то, что сделал с тобой. — Он убрал волосы с моего лица. — Но я не оставлю тебя. Несмотря ни на что, черт возьми. Если бы я мог сам отвести тебя к алтарю, я бы так и сделал. Но я буду стоять в конце и ждать тебя.

Я сморгнула слезы, вызванные его тоном, в котором сквозила напряженность.

— Хорошо, — прошептала я, не зная, как собираюсь оторваться от него, чтобы подготовиться к свадьбе.

Но Рен позаботилась об этом примерно через пять минут, стуча в дверь и крича, что она войдет и сама вытащит меня, если я не подниму свою задницу и не сяду в ее машину.

Никто не спорил с беременной Рен. Так что я встала. И верила, что Джей будет ждать у алтаря через несколько часов.

Я разгладила руками лиф платья, глубоко вздохнула и посмотрела на себя в зеркало.

Белое платье было прекрасным. Единственное в своем роде. Созданное для меня. На заказ от Веры Вонг. От самой Веры Вонг. Шелк облегал как вторая кожа, бретельки пересекались на шее, вся спина была обнажена чуть выше задницы, драпировка была идеальной. Оно скользило по каждому моему изгибу, шлейф тянулся позади. Я всегда думала, что захочу чего-то более вычурного. Кружево из Италии. Замысловатые рукава. Ладно, хотела такое же платье, как у Грейс Келли. Но простота этого платья была для меня за гранью совершенства. Мои волосы были собраны в беспорядочный пучок, локоны выбивались тут и там, демонстрируя серьги с бриллиантами в форме капель, которые Джей подарил мне этим утром.

На мне был мой бриллиантовый теннисный браслет и обручальное кольцо, больше ничего.

— Дорогая. — Голос моего отца сорвался. Я почувствовала эту хрипотцу внизу живота. Слезы заблестели в его глазах, а затем потекли по щекам. Я прикусила губы изнутри, чтобы попытаться самой не расплакаться.

— Пап, — прошептала я, быстро моргая при виде своего красивого отца, одетого в сшитый на заказ черный костюм. Он был свежевыбрит, его волосы цвета соли с перцем были зачесаны назад, открывая слегка морщинистое лицо. Все еще красивый. У меня была надежда, что он найдет кого-нибудь. Любовь, в которой найдет утешение, женщину, которая будет заботиться о нем.

Он громко откашлялся, вытирая слезы тыльной стороной ладони.

— Если и есть день, когда отец может пролить слезу перед своей малышкой, то лишь тогда, когда она стоит перед ним и выглядит красивее всего на свете. — Он шагнул вперед, чтобы взять меня за руки. — И счастливее, чем когда-либо, — тихо добавил он, вытирая одну из моих непрошенных слез большим пальцем.

— Я очень счастлива, — честно ответила я. Даже со всей охраной, которая, как я знала, скрывалась по периметру вечеринки. Даже несмотря на то, что за последние два месяца Джей накручивал себя все хлеще. И Карсон тоже, Рен

жаловалась на то, что он чрезмерно опекает ее во время беременности.

Я не жаловалась. Опасность была реальной, я поверила Джею, и предпочла бы, чтобы моя подруга, которую я очень любила, не жаловалась на то, что ее чрезмерно защищают. Не хотелось, чтобы что-то случилось с ней и ребенком. От одной мысли об этом меня тошнило.

Я никогда не думала, что в день свадьбы буду беспокоиться о русской мафии и беременной подруге, но в этом вся я.

— Уверен, мама была бы очень рада, — добавил папа, не подозревая обо всей этой истории с мафией. Он не знал ни о каких аспектах преступной жизни Джея. Мой отец ни в коем случае не был наивным и подозревал неладное, но он не знал всего. Потому что, если бы он знал все, то не стоял бы здесь со слезами счастья на глазах.

— Ей бы это понравилось, — продолжил он. — Она любила тебя, милая. Очень сильно. Больше, чем жизнь. — Он полез в карман куртки, пока я боролась со своими чувствами к матери.

Я боролась с ними весь день. Интересно, каким мог бы быть этот день, если бы она была жива. Была бы она угрюмой, пустой и накачанной лекарствами? Яркой, теплой, любящей? Или кем-то совсем другим?

У меня была Джанет. Да, она прилетела из Новой Зеландии на свадьбу. Она также привезла много вина в качестве свадебного подарка. Вино, которое мы открыли ранее с Зои, Ясмин и Рен, последняя хныкала, что не может ничего выпить. Рен, что неудивительно, быстро подружилась с Джанет.

Да, ко мне приехала моя веселая, немного сумасшедшая и замечательная подруга из Новой Зеландии, со мной были лучшие девочки, папа, но не было мамы. Хотя ее отсутствие было в значительной степени нормой для большей части моей жизни, я никогда не чувствовала себя более грустной, чем сегодня.

— Она бы справилась с этим лучше меня, — сказал папа, разворачивая что-то в носовом платке. — Я знаю, что должно быть «старое, новое, одолженное, голубое. Это свадебная традиция, когда невеста должна непременно на свадьбу надеть что-то новое, старое, что-то одолжить у кого-то и надеть что-то голубое». Я облажался на «новом». — Он раскрыл ладонь. — Но у меня есть кое-что одолженное. Синее. Твоя мама надевала это в день нашей свадьбы.

Я посмотрела вниз на мозолистую руку отца. Поверх платка лежал богато украшенный гребень для волос. Серебряный с крошечными цветами — маргаритками, сверкающими бриллиантами и сапфирами.

Папа откашлялся.

— Тебе не обязательно его носить, — быстро заявил он. — Вдруг, ты подумаешь, что это плохая примета после того, что случилось с твоей мамой, или если не подходит к твоему платью...

— Пап, — перебила я, положив руку на гребень. — Он идеальный. — Мой голос слегка дрогнул. — Наденешь? — тихо спросила я.

Папа выглядел слегка испуганным.

— Боюсь, что испорчу твою прическу, Рен меня в тюрьму засадит, она так угрожала своему парню за то, что он чуть не опрокинул свечку.

Я рассмеялась над очень серьезным тоном в его голосе.

— Не волнуйся, я защищу тебя. Рен не посмела бы обидеть невесту в день ее свадьбы. Это испортило бы всю эстетику.

— Я не знаю, что это значит, но ладно, — усмехнулся папа.

Я повернулась, и он осторожно вставил заколку в мои волосы.

— У тебя будет прекрасная жизнь, милая, — прошептал он.

День уже казался идеальным, а еще это слова моего отца, поэтому я поверила ему.

Джей

Он должен уйти.

Должен выйти из этого места, сесть в машину, затем в самолет и улететь.

Без Стеллы.

Конечно, это сломает ее. Разобьет вдребезги. Но она все еще была бы жива, дышала, хотя и разорванная на куски. Рен превзошла саму себя, превратив эту свадьбу во что-то впечатляющее, достойное Стеллы, никто и не представлял, что несколько мужчин с полуавтоматическим оружием будет патрулировать территорию, чтобы никто не пронес оружие, планируя убить невесту исключительно за то, что она вышла замуж за Джея.

Скоро должны прийти эксперты-взрывотехники, которых он пригласил, чтобы проверить место на наличие взрывчатки и слабых мест. Все, кто работал на вечеринке, должны были пройти тщательную проверку.

Да, если бы Стелла выходила замуж за какого-нибудь американца с квадратной челюстью, работающего в офисе с девяти до пяти, воспитанного двумя родителями, которые в конечном итоге развелись, и золотистым ретривером, ей не пришлось бы беспокоиться о том, что кто-то убьет ее в день свадьбы.

Конечно, Стелла не беспокоилась о том, что кто-то убьет ее в день свадьбы. Она была слишком невинна, чтобы такая мысль приходила ей в голову. Она была умна. Джей знал, что она понимает его бизнес, понимает, что он не зашел бы так далеко, чтобы приставить к ней постоянного телохранителя, если бы угроза не была реальной.

Но Стелла жила в мире, где такие вещи, как убийство мафией в день свадьбы, были сюжетом фильма, а не реальной жизнью. Она доверяла Джею. Пройдя через все, надев гребаное кольцо, взяв его гребаную фамилию, она доверяла ему свою жизнь.

Ему следовало уйти. Потому что это просто отвратительно, это полный пи*дец. Джей будет чертовски расстроен, если с ней что-то случится. Стелла заслуживает лучшего.

Но вместо того, чтобы выйти за дверь, он застегнул пиджак. Сделал глоток виски, которое налил себе и Ричарду, когда пришел на обязательную речь отца невесты. Хотя он обошелся с Джемом гораздо мягче, чем тот заслуживал. Были слабо завуалированные угрозы, которые, как знал Джей, Ричард выполнит, если причинит вред его дочери. Ричард любил девчушку больше всего на свете, и Джей не мог себе представить, как легко наблюдать, как кто-то вроде Джея втягивает его дочь в жизнь, которая для нее не предназначена.

Ричард не знал подробностей его жизни, но Джей знал, что этот человек не глуп. На самом деле, он доказал, насколько он мудр, когда вышел на балкон два дня назад с бокалом в руке.

— Я не совсем манерный человек, — сказал он, глядя на океан. — Я живу простой жизнью. Но знал, что Стелла всегда соглашается только на нечто экстраординарное. Она единственная в своем роде, Джей, и я знал, что обычный

мужчина никогда не смог бы справиться с ней. Не начинай поклоняться ей, чтобы чего-то заслужить. — Он осушил свой бокал, глядя на Джея. — Ведь ты заслуживаешь ее, просто потому, что убежден, что это не так. Знаю, ты будешь работать усерднее, чем любой мужчина, чтобы подарить ей необыкновенную жизнь. И я говорю не обо всем этом. — Ричард пренебрежительно махнул рукой в сторону дома. — Я говорю об экстраординарном. Я вижу это в ее глазах. Вот почему я закрываю глаза на то, как ты зарабатываешь себе на жизнь. Я знаю, что ты сделаешь что угодно, навредишь кому угодно, чтобы защитить мою девочку.

Ричард не был глупым человеком. Нет, он был человеком, который безмерно любил свою дочь и без колебаний убил бы Джея, если бы тот все испортил.

Осушив свой напиток, Джей был почти готов сделать еще один обход периметра, проверить Карсона, а затем дождаться свою невесту, когда раздался стук в дверь.

Он ждал Карсона, но на всякий случай потрогал пистолет, который носил под костюмом. Это был не Карсон и не тот, в кого ему нужно было стрелять из пистолета. Хотя Джей знал, что это был человек, который хотел, чтобы он исчез.

— Можем поговорить? — спросила Зои, входя в комнату, прежде чем он смог ответить.

Черное платье волочилось за ней. Она надела его не как какое-то заявление, не как яркий символ своего неодобрения, это было частью дресс-кода.

Черно-белое. Свет и тьма.

Чертова Рен.

Зои наливала себе выпить к тому времени, когда Джей закрыл за ней дверь и повернулся. Она была поразительной женщиной. Красивая, конечно. Но свирепая. Женщина, с которой Джей не хотел бы пересекаться. Хотя, честно говоря, он не хотел бы пересекаться ни с одной из подруг Стеллы. Все они были грозными женщинами.

Зои он нравился меньше всего, и он это знал. Джей хорошо разбирался в людях. Хотя она не прилагала никаких усилий, чтобы скрыть свои недовольства. Ему нравилась честность, и ему нравилось, что у Стеллы была проницательная подруга, которая видела его таким, какой он есть.

— Ты все еще здесь, — заметила она.

Выражение лица Джея не изменилось.

— Думала, будет наоборот?

Она пожала плечами.

— Думала, что у тебя в последнюю минуту возникнут какие-нибудь приторные благородные мысли о том, чтобы оставить Стеллу ради ее же блага.

Да, эта сука проницательна.

— Я никуда не уйду, — провозгласил Джей, и его слова прозвучали как клятва.

Зои кивнула.

— Тебе лучше этого не делать. Ты однажды причинил ей боль, бросил ее. Это был твой единственный шанс. Потому что она предана тебе. Она как гребаный пингвин. Спаривается раз и на всю жизнь. Если уйдешь, что бы ты ни думал, больше никого не будет. Можешь думать, что она найдет кого-то другого, кого-то более безопасного и обеспеченного, но Стелла не такая. Больше ни-

кого не будет.

— Уверен, что, черт возьми, больше никого не будет, — холодно ответил Джей.

Зои кивнула, не обращая внимания на тон, от которого слабые мужчины наложили бы в штаны.

— Это первая причина, по которой я пришла сюда.

Она сделала глоток своего напитка, медленно, неторопливо, чтобы Джей понял. — Она не боится его и чувствует себя комфортно, контролируя ситуацию.

— Я не знаю подробностей того, чем ты занимаешься, — продолжила она. — Как выглядит твоя «другая» работа. Потому что я не глупая и не склонная к самоубийству. Но я знаю, что именно поэтому по вечеринке разгуливают мужчины в дорогих костюмах, набивающих жару. И мне насрать, почему они здесь, пока они охраняют Стеллу.

Она поставила свой бокал и, прищурившись, посмотрела на него.

— До тех пор, пока ты обеспечиваешь безопасность Стеллы. Будешь делать ее счастливой и оберегать, у нас не будет проблем. Вряд ли мы станем друзьями, потому что я нелегко прощаю и вижу тебя таким, какой ты есть, но у нас не будет проблем. Если с ней что-нибудь случится, тогда будут.

На этой ноте Зои вышла за дверь.

Эта сука знала, как входить и выходить. Она знала, как передать угрозу, потому что Джей никуда не ушел. Не то чтобы он прямо планировал.

Но в основном потому, что он любил Стеллу. Любил ее больше, чем ненавидел себя.

Стелла

— Ты готова, милая?

Папа протянул мне руку. Из открытой двери, через которую только что вышли Рен, Зои и Ясмин, доносилась тихая музыка. Были поцелуи, пожатие рук, шепот о том, как сногшибательно я выгляжу, и разговоры о том, что самолеты для побега заправлены и готовы к полету, если понадобится. Очевидно, это Рен придумала, хотя Зои, вероятно, сама бы управляла самолетом, если бы я хоть намекнула на то, что струсил.

Рен была на третьем месяце беременности и выглядела потрясающе. Платье в пол с косым вырезом облегало ее новые изгибы, а грудь смотрелась просто великолепно. Без маленькой припухлости внизу живота и сияющей кожи, клянусь, эта сучка ослепляла всех в день моей свадьбы, даже не пытаясь.

Но, наверное, я тоже выглядела чертовски хорошо.

— Готова. — Кивнула я, беря отца за руку и улыбаясь. Он крепко обнял меня, его глаза остекленели от слез. Мы медленно вышли из комнаты, в которой я готовилась... единственная комната, которую я смогла увидеть по прибытии.

Рен надела мне повязку на глаза, когда мы подъехали, пошутив про мой первый раз с Джемом и все такое.

Жар подкрался к щекам, и это раззадорило ее еще больше.

— О, боже мой. Невеста краснеет. Джей такой ванильный?

Я приподняла бровь, глядя на нее.

— Поверь мне, он и близко не ванильный.

Само собой разумеется, что мы не собирались венчаться в церкви. Кроме того, мы оба дали Рен полную свободу действий, когда она ясно дала понять, что не хочет, чтобы кто-то из нас участвовал в процессе планирования.

Выйдя вместе с отцом, я ахнула. Буквальный, драматичный, громкий вздох, который, как я думала, люди не делают в реальной жизни, если только Джей их не трахает. Мы вышли из коридора, украшенного вазами с полевыми цветами и отдельно стоящими свечами. Над головой на разных уровнях висели фонари, вокруг которых было много цветов. Играли арфы и скрипки, когда мы приблизились к огромным дверям, через которые дул легкий океанский ветер.

Каким-то образом, волшебница Рен поняла важность, значение простого морского бриза в день моей свадьбы.

Все остальное не было простым.

Там был арфист, черт возьми.

Выйдя на самый большой балкон, который я когда-либо видела, я наступила на лепестки цветов, которые тянулись по проходу и украшали места, с которых все вставали, чтобы посмотреть на мое появление. И, похоже, все цветы были белыми.

Я не видела гостей. Едва видела всю работу, которую проделала моя невероятная, добрая и талантливая подруга. Я видела только мужчину в конце прохода. Одет во все черное. Выражение его лица не было настороженным. Не холодным. Он не был тем Джейем, которого я встречала. Не тем Джейем, которым казался остальным. Его губы были слегка приоткрыты, лицо мягкое. Он светился своей любовью ко мне, своим обожанием.

Совершенно суровый и грешный на фоне белой арки, которая, казалось, венчала его спокойным морем и безоблачным небом на заднем плане.

В этот момент мой мир полностью перевернулся. Настолько, что я действительно остановилась. Прямо там, в середине прохода. Когда все смотрели на меня.

И Джей в том числе.

— Эм, Стелла, милая? — папа наклонился и прошептал. — Я поддерживаю твое решение изменить свое мнение, но люди смотрят. Мы идем вперед или назад?

Я не сводила глаз с Джея.

— Мы не уйдем, — прошептала я в ответ не так тихо. — Мне просто нужно... запомнить этот момент.

Как только я запомнила каждую деталь, продолжила идти. Я бы побежала, если бы папа не отставал. Вместо этого я предпочла быструю прогулку, не сводя глаз с Джея.

Я дрожала к тому времени, как мы добрались до него, стоящего, как великолепный мрамор, в своем костюме. Но мраморным он не был. И не чудовищем. Он был мужчиной. Тот, кто истекал кровью, дышал и плакал.

Что он и сделал, когда папа передал меня ему. Это была единственная слеза, но с таким же успехом это могло быть и цунами.

Его руки обхватили мое лицо, держа меня так, как будто мы остались только вдвоем. Джей ничего не шептал, не говорил о том, как сильно меня любит или какая я красивая. Нет, он просто держал мое лицо в ладонях и смотрел.

Так, как он никогда не смотрел на меня раньше, и это о чем-то говорило, учитывая, что у Джея была гребаная докторская степень по пристальным, задумчивым взглядам. Мои внутренности подпрыгнули и задвигались, мир снова перевернулся.

В конце концов, он отпустил мое лицо и взял за руки.

Я не слышала ни слова из того, что сказал священник. Ни одного. Я не понимала, что говорю, знала лишь то, что связываю себя с Джем.

Заострила свое внимание только на одной фразе.

— До самой смерти.

Рен решила убрать часть «пока смерть не разлучит нас», думала, что даже смерть не была достаточно плохой или злой, чтобы пойти против Джея.

Потом был поцелуй. Поцелуй, который определенно не предназначался для всеобщего обозрения. Возможно, раздались аплодисменты, но я не уверена. Потому что я стала женой Джея.

До самой смерти.

— Мы не должны этого делать, — выдохнула я.

— Ты моя жена, это моя работа, — ответил Джей хриплым голосом, сжимая мое платье в кулаке. Веру Вонг сжал в кулаке. Я бы позлилась, если бы Джей в данный момент не трахал меня у стены в одной из комнат дома, который Рен арендовала — ну, надеюсь, арендовала, а не купила для свадьбы. Эта комната даже не была далеко от приема. Очевидно, Джей не хотел тратить лишнюю минуту, чтобы уединиться, когда почти утащил меня после того, как нас объявили мужем и женой.

Муж и жена.

Вот почему я не протестовала, когда он смял платье и заставил меня громко кончить, пока все мои друзья и семья пили шампанское по другую сторону стены.

Глаза Джея были прикованы к моим, из них лилась сияющая интенсивность.

Я вцепилась руками в лацканы его костюма, когда меня захлестнул оргазм.

— Не смей, бл*дь, закрывать глаза, — потребовал он в ту секунду, когда я начала зажиматься.

Я держала глаза открытыми, наблюдая, как он теряется внутри меня.

— Если бы я мог произнести свои клятвы с членом внутри тебя, я бы это сделал, — пробормотал он, поглаживая мое лицо.

— Получилось бы интересное свадебное видео, — хихикнула я.

Джей, конечно, не засмеялся. Он был слишком занят своими интенсивными толчками.

— Я не православный, не верю, что есть высшая сила, а если она есть, я проклят., — Его голос грубо отдавался у меня в сердце. — Но ты, твоя киска, сжимающаяся вокруг меня, — это моя церковь. Это мое гребаное место поклонения.

Потом он поцеловал меня.

Затем мир перестал существовать.

В конце концов, он вышел из меня, усадил на кресло, а сам пошел в сосед-

нюю ванную за мочалкой. Джей вымыл меня, нежно, медленно, я дрожала каждый раз, когда мочалка двигалась по мне.

Каким-то волшебным образом на моем платье не осталось ни единого пятнышка. Это магия Веры. Это волшебство быть мужем и женой.

До самой смерти.

Когда я поправляла костюм Джея, то нашла его.

— Что это? — спросила я вслух, проводя руками по торсу Джея, задевая что-то холодное, твердое и чужеродное.

Джей схватил меня за запястья и потянул их назад.

Я впилась в него взглядом и сдвинула его костюм назад, увидев кобуру, такую, какую носят в фильмах.

— Ты носишь пистолет в день нашей свадьбы? — спросила я тихим голосом.

— Да, Стелла, в день нашей свадьбы я буду носить пистолет, — холодно ответил он. В его тоне был вызов. Ни грамма извинений.

Он подначивал меня сказать больше, поговорить об абсурдности того, что жених вооружен. В день нашей свадьбы!

Но я вошла, зная все: оружие, охрана, русская гребаная мафия. Это был самый важный день в нашей жизни, самый особенный. Было очень важно, чтобы мы оба остались живы, и Джей сделал бы все для моей безопасности. Включая произнесение клятв с пистолетом, пристегнутым к телу.

Я наклонилась, чтобы поцеловать его, наклонив голову вверх, прижимаясь к его губам сначала нежно, а затем более страстно. Он ответил жадно, несмотря на то, что мы только что сделали. Он поцеловал меня в ответ, как будто мы не виделись много лет.

В конце концов, мы остановились, хотя я была бы счастлива утонуть в этом поцелуе.

— Нам пора на прием, — проворчала я, разглаживая его лацканы.

Глаза Джея были зелеными камнями.

— Если это то, чего хочет моя жена, — признал он хриплым голосом.

— Чего я хочу, так это кровати, тебя и избавиться от этого платья, — прошептала я. Руки Джея сжались на моих бедрах. — Но, — продолжила я, — Рен убьет нас из твоего пистолета, если мы откажемся от ее *«приема, который заставит королевскую семью позвонить мне, чтобы спланировать всю их будущую свадьбу, чего, конечно, я бы никогда, черт возьми, не сделала после того, что они сотворили с Меган»*, — сказала я с довольно точной имитацией голоса Рен.

Лицо Джея ничего не выражало.

— Да, я бы с ней не справился, — сухо ответил он.

Я просияла, глядя на него, счастье растекалось по кончикам моих пальцев.

— Позже?

Его рука легла мне на шею.

— Позже, моя жена, я позабочусь о том, чтобы развратить тебя так сильно, что ты никогда больше не будешь носить белое, — пробормотал он.

Его тон и глаза почти добавили мне храбрости, чтобы встретиться лицом к лицу с Рен.

Почти.

Джей переместил свою руку с моей шеи вниз к моей ладони, держа ее мерт-

вой хваткой, оттаскивая меня от стены. Мы присоединились к нашим гостям во время коктейльного часа. Коктейль-час, который почти в точности имитировал вечеринку по случаю моего двадцать девятого дня рождения. Тот, на котором Джей не присутствовал. Большая комната была похожа не на что иное, как на сказочный луг. По всему периметру были мини-дубы с дверями внутри. Официанты носили крылья, которые Рен сделала на мой день рождения. Полевые цветы были разбросаны по полу. Еще один гребаный арфист. Все было так безмятежно, так спокойно — примерно на секунду.

— Ты! — набросилась на меня Рен, как только мы с Джем появились. — Отпусти ее, — потребовала Рен, кивая на руки Джея, которые были переплетены с моими.

Джей одарил ее ровным взглядом, который говорил «ни за что на свете» и содержал здоровое количество его фирменного, пугающего, задиристого взгляда.

Рен даже не моргнула.

— Хочешь сразиться со мной, приятель? — с вызовом спросила она. — Все гормоны, циркулирующие по моему телу, в дополнение к... моему характеру, да я тебя завалю. — Руки на бедрах, она слегка наклонилась вперед, показывая, что она не валяет дурака.

Джей отпустил меня. Но не раньше, чем притянул к своему телу и поцеловал.

— Мы поняли, ты любишь ее с бешеной силой, — проворчала Рен, хватая меня за руку и таща прочь.

Я была в некотором оцепенении, когда обнаружила, что стою на краю балкона и смотрю на океан с тремя моими лучшими подругами. Зои даже делала все возможное, чтобы выглядеть так, будто рада за меня.

— Что это? — спросила я, используя каждую унцию своей силы воли, чтобы не оглядываться назад на своего мужа.

Я была плохой подружкой. Очень, очень плохой. Я обожала этих женщин больше всего на свете.

— Мы поднимаем тост за первую из нас, кто поженится. — Рен подняла свой бокал, кивая мне. — Он отличный первый муж, — невозмутимо ответила она.

Я закатила глаза.

— Шучу! — продолжила она, поднимая свой бокал. — Но серьезно. Ты молодец, малышка. Я сделала только немного лучше. — Она сложила большой и указательный пальцы вместе. — За дерзкие сексуальные договоренности, переходящие в любовь, расставание, а затем прекрасное воссоединение на другом конце света.

— Ура, — согласилась я, чокаясь своим бокалом с каждой.

Рен едва успела поднести бокал к губам, как большая рука выхватила хего из рук.

— Никакого гребаного вина, — огрызнулся Карсон.

Я уставилась на него, разинув рот. В последний раз, когда я видела его, он был в другом конце комнаты. Я знала это только потому, что он стоял рядом с Джем, и они оба наблюдали за нашей маленькой компанией.

Теперь Джей наблюдал за маленьким сборищем с едва заметным подергиванием губ.

Выражение лица Рен изменилось так быстро, что мы втроем сделали коллективный шаг назад.

— Ты знаешь, какая это плохая примета — не пить после тоста? — медленно спросила Рен, пристально глядя на Карсона.

— Ты хоть знаешь, как мало меня это волнует? — Карсон выстрелил в ответ резким тоном.

— А насколько тебя волнует твое смазливое личико? — Рен мило улыбнулась, наклонив голову.

— Угрожай, сколько хочешь, — парировал Карсон.

— Кто сказал об угрозах? — Рен шагнула вперед так, как не должна была делать маленькая женщина в бальном платье. Но ей удалось шагнуть так угрожающе, как если бы это сделал шестифутовый мускулистый мужчина.

Карсон, со своей стороны, выглядел так же опасно.

Противостояние было долгим и напряженным. Никто из нас не мог отвести взгляд.

Наконец, Рен выругалась себе под нос и умчалась прочь. Затем развернулась на полпути сквозь свой шторм и показала Карсону средний палец. И, черт возьми, этот человек побежал за ней.

После всего, я вернулась, вернулся к Джею.

До самой смерти.

ГЛАВА 13

Стелла

— Ты скажешь, куда мы? — спросила я сонно.

Мы были голые. В постели. На реактивном самолете.

Я даже не знала, что люди, не президенты или семья Кардашьян, летали на самолетах, внутри которых были спальни.

Джей увел меня в середине приема, отказавшись от традиционных прощаний с бросанием риса. А я и рада. Как бы мне ни нравилось быть в окружении всех своих самых близких друзей, празднуя нашу свадьбу, я жаждала Джея весь вечер. Он был рядом со мной все время, всегда прикасался ко мне, всегда наблюдал, едва вступая в разговор с окружающими. Существовала только я.

И как бы я ни старалась присоединиться к друзьям, отцу, всем присутствующим на свадьбе, для меня тоже существовал только Джей. Хотя я заметила, как папа постоянно болтался рядом с Джанет. Я бы заострила на это гораздо больше внимания, если бы мой муж не мурлыкал на ухо о том, что он жаждет моей киски.

— Тебе не все равно, куда мы? — спросил он, проводя рукой по моей голой заднице. Ту, которую он отшлепал, а потом трахнул. Все мое тело гудело от напряжения, мышцы были как желе.

Я подумала.

— Вовсе нет, пока я с тобой. Хотя тебе и не нужно было увозить меня на каком-то модном самолете. Мы могли просто остаться дома на неделю.

Джей слегка приподнял бровь.

— Нет, не могли. В первую неделю, пока ты моя жена, я буду трахать тебя в чужой стране, не позволяя вставать с постели и следя за тем, чтобы на тебе

было как можно меньше одежды. — Его губы сомкнулись на моем соске. — И я не допущу, чтобы ни одно дерьмо, скрывающееся в Лос-Анджелесе, коснулось нас.

Вспышка паники пронзила меня.

— Кто-то хочет добраться до нас из Лос-Анджелеса? — спросила я. Темнота и беспокойство чуть не испортили мой идеальный день. Мою идеальную свадьбу.

— Тебя никто не тронет, — заявил Джей, перевернув меня на спину. — Кроме меня. — Затем он уткнулся головой мне между ног.

За первую неделю нашего медового месяца я многое узнала о Джее. Например, он свободно говорил по-итальянски.

Что очень помогло, учитывая, что мы провели медовый месяц в Италии, одной из лучших стран в мире, по моему скромному мнению. Я делала все по-итальянски, заказала кофе, вино и спросила, где находится ближайший магазин Prada, но не говорила, как Джей.

Наверное, даже итальянцы не могли говорить так, как Джей. Мой муж. Каждое слово лилось из него, как поэзия, неторопливая, лирическая и чрезвычайно сексуальная. И не только я так думала. Женщина, которая зарегистрировала нас в отеле на озере Комо, практически пускала слюни, несмотря на большой бриллиант на моем пальце. Несмотря на обручальное кольцо на его пальце и тот факт, что его губы были на моей шее, когда он не разговаривал с ней.

Зеленое чудовище на жаркую минуту подняло свою уродливую голову. Так было до тех пор, пока нас не увезли в номер на «Villa d'Este», одном из самых роскошных и романтических отелей на озере Комо, расположенном у кромки воды в Черноббио.

Номер был просторным, с огромной гостиной и спальней, а также кроватью с балдахином, на которой легко могли разместиться пять человек. Все отделано богатыми тканями, люстры в каждой комнате, балкон, тянущийся вдоль всего люкса, с видом на озеро. С озера тоже открывался прекрасный вид на нас, так как мы достаточно часто пользовались балконом. И кроватью. И всеми остальными частями люкса, хотя пробыли там всего два дня.

Я уверена, что озеро Комо было прекрасным, но мы не выходили из номера.

Венеция была такой же. Изысканный люкс, потрясающий вид, отличная еда, Джей, говорящий по-итальянски. Однажды мы действительно вышли из номера, чтобы поужинать на каналах, где музыка эхом разносилась по воде, мимо прогуливались туристы, а вино лилось рекой. Как бы это ни было похоже на что-то из фильма, я отсчитывала мгновения, когда же мы уже вернемся в отель. Глаза Джея и его рука на моем голом бедре доказали, что он чувствует то же самое.

В ту ночь мы не добрались до номера, едва дошли до темного угла одного из многочисленных узких переулков Венеции, Джей прижал меня к стене, сорвал нижнее белье и чуть не привлек внимание людей, проходящих мимо всего в нескольких футах от нас.

Затем была короткая поездка в Марокко.

Марокко.

Чтобы пить чай.

Потому что он был Джемем. Он все помнил.

«Мне все еще нужно увидеть закат на Бали. Попить чай в Марокко. Подняться на гору в Новой Зеландии. Сделать что-нибудь для человечества, а не просто пытаться сохранить бизнес по ателье в Париже».

В первую ночь, когда мы встретились, я так сказала. Когда была уверена, что он убьет меня. Когда выпалила все, что хотела сделать перед смертью. Чай в Марокко. Прогулка на аллее в Медине. Крики уличных торговцев. Слоеная пастила. Муж, сидящий напротив, наблюдает за мной в своей обычной манере, лениво потягивая чай. Было заманчиво остаться в шумном, красочном, жарком и красивом городе Марракеше подольше. Чтобы исследовать каждый уголок. Купить ковры и лампы. Но Джей обещал, что мы вернемся вовремя. Времени у нас еще много. Поэтому мы поехали обратно в Италию.

В Портофино.

Город, расположенный на изрезанном побережье Италии, где сверкающие воды простирались до горизонта. Яхты, стоящие в бухте, с большой высоты казались детскими игрушками. Мы завтракали на террасе нашей собственной частной виллы, на мне было только крошечное белое бикини — Джей подарил мне двадцать новых, разных оттенков белого, разной степени крошечности, — а Джей в расстегнутой льняной рубашке и белых льняных шортах. Его загорелая, мускулистая грудь была самым впечатляющим зрелищем, даже по сравнению с городом, который украшал множество открыток и гравюр.

Воздух здесь был другим, не только на побережье Италии, но и между нами. Ничто не сгущало его, кроме неизменного желания, голода, который мы не могли утолить, независимо от того, сколько раз он брал меня и какими способами. Всегда была потребность в большем.

Никто нам не мешал. Никаких других неотложных дел. Никакой работы. Никаких требований от работы Джея. Никакой русской мафии. Никаких разговоров об этом. Были только мы.

Я бы не сказала, что магия Новой Зеландии затмилась, но эта поездка создала совершенно новый вид магии.

Воды Портофино переливались тысячью оттенков синего. Лазурный, бирюзовый, кобальтовый, сапфировый. За все время, что мы были здесь, я не видела их вблизи. Не то чтобы я жаловалась, бездельничая в нашей сказочной квартире, глядя на них издали, читая в нижнем белье, с руками Джея на моем обнаженном теле, а еще пока я покупала свежие фрукты и выпечку, едва одетая. Нет, я ни в малейшей степени не жаловалась.

Но сегодня утром Джей предложил прогуляться за чашкой эспрессо. От Джея, сидящего на балконе с видом на Портофино и итальянское побережье позади, не хотелось отказываться. Даже если бы он сидел перед простой белой гребаной стеной.

Я надела белый льняной сарафан с укороченными рукавами, пуговицами спереди и поясом на талии. Оно доходило мне до середины икр, шнурки парусиновых танкеток змеились по икрам. Я заколола волосы сзади, намереваясь нанести макияж. Но потом Джей появился позади меня в зеркале, юбка моего платья задралась, показывая едва заметные белые трусики, и что ж, мы от-

влеклись от дел.

На прогулке я не была покрашена, надела большие солнцезащитные очки и сияла от двух оргазмов. Рука Джея была переплетена с моей, когда мы шли по причалу. Каким-то образом его не смутила жара итальянского лета, и он был одет во все черное. Рукава его льняной рубашки были закатаны до локтей, а шорты демонстрировали мускулистые, гибкие ноги. Я никогда не думала, что ноги — привлекательная часть мужчины. Но у Джея... Черт возьми. Особенно, когда я знала, что эти ноги могут выдержать мой вес, в душевой кабинке с членом внутри меня.

Он — совершенный грех. И он мой. Люди глазели, пока мы шли по мощеным улицам. Я улыбалась им, даже когда женщины бесстыдно разглядывали моего мужчину. Потому что он ни на кого не смотрел. Никого не существовало, кроме меня.

Джей остановился, чтобы купить мне мороженое, потому что здесь я была на грани зависимости от холодного, и ему нравилось смотреть, как я ем. Еще ему понравилось слизывать его с меня. Мне, кстати, тоже.

Я не спрашивала, куда мы направляемся, когда облизывала свое мороженое и прижималась к мужу. Зачем мне это знать?

Джея не смутили извилистые улочки. Он шел целеустремленно, как будто ему принадлежал каждый булыжник, по которому мы ходили. Вскоре мы уже не шли по булыжникам, а прогуливались по деревянному причалу, который вел в океан. В это время дня на пристани было не так уж много народу. Туристы обедали, местные жители спали или работали. Только несколько человек слонялись вокруг, некоторые чистили яхты — каждая более впечатляющая, чем предыдущая, — некоторые неторопливо прогуливались по причалу, как и мы.

А потом вдруг мы остановились почти в конце, где было меньше яхт.

— Что мы делаем? — спросила я, оглядывая окружающие нас сосуды.

Перед нами была большая яхта. Очень большая яхта. Черная, гладкая и, казалось, затмевала все остальные яхты, стоявшие на якоре у причала. Были и более крупные, но что-то в этой яхте казалось лучше, внушительнее. Это яхточная версия Джея.

— Это твой свадебный подарок, — ответил Джей.

Я повернулась, чтобы посмотреть на своего мужа.

— Мой свадебный подарок? — повторила я.

Джей кивнул.

— Ты уже купил мне свадебный подарок, — напомнила я ему. — Великолепная пара сережек, которые, я уверена, были на дне океана вместе с «Титаником». Это не свадебный подарок. Это гребаный мини-круизный лайнер.

Глаза Джея мерцали сильнее, чем океан перед нами. Он схватил меня за бедро и притянул к себе, другая рука скользнула мне под платье, между ног и прямо в трусики.

Было середь бела дня, и мы ни в малейшей степени не прятались. Два человека бродили, разглядывая яхты, фотографируя на свои телефоны. Скоро они будут достаточно близко, чтобы увидеть, что происходит.

Я не остановила своего мужа.

Его палец двигался внутри меня, и я вцепилась в его рубашку.

— У тебя есть выбор, дорогая, — пробормотал он, лениво двигая пальцем. —

Можешь позволить туристам получить больше, чем они рассчитывали. — Он кивнул приближающимся людям. — Тогда, конечно, мне придется убить их за то, что они смотрели, как моя жена обводит меня вокруг пальца. — Джей пошевелил вышеупомянутыми пальцами, потирая невероятно чувствительное место внутри меня, и я бы рухнула, если бы он не держал меня. — Или, — продолжил он, его губы двигались в нескольких дюймах от моих, — ты садишься на свою яхту и разрешаешь мне лакомиться твоей киской, пока не закричишь.

Я судорожно втянула воздух.

— Второе.

Он злобно ухмыльнулся.

Потом мы поднялись на борт, и он ублажал меня, пока я не закричала.

Яхта — моя яхта, на ней даже золотыми буквами написано «Стелла» — была еще более роскошной и дорогой, чем казалась снаружи. А снаружи она чертовски роскошная. Интерьер состоял из полноценной гостиной с плюшевыми диванами и креслами, барной стойки, кухни и спальни.

Спальня с огромной кроватью, стульями в конце, балконом, ванной комнатой с джакузи. Там было три этажа, еще несколько спален, кабинет, различные жилые и обеденные зоны на палубе, а также полноценная площадка для принятия солнечных ванн с подушками и матрасом.

Это было не похоже ни на что, что я когда-либо видела.

И мы пробыли здесь остаток нашего медового месяца. В какое-то время кто-то доставил наши вещи на борт. Вещи, которые были упакованы и готовы с тех пор, как Джей сказал, что мы уезжаем. Едем домой. Я плохо скрыла свое разочарование. Хотя я скучала по нашему дому, подругам, рутине и жизни, которую мы построили, я не слишком стремилась вернуться туда. Да, там были наши друзья, моя работа, но и работа Джея тоже. Таковы были реалии того, что происходило в его преступном мире. Это прокралось в наш пузырь, потускнев золотыми краями, и я проснулась посреди ночи, увидев Джея, который уставился в окно, нахмутив брови и напрягая челюсть. Обычно, он разговаривал по телефону в других комнатах.

Я знала, что жизнь будет совсем другой, когда мы вернемся. Что-то замышлялось еще до свадьбы. Было какое-то напряжение. Опасность. Хотя я мало что знала, все равно понимала, что наша идиллия скоро сойдет на нет.

Хотела бы я сбежать куда-нибудь через Средиземное море.

— Сколько у тебя денег? — выпалила я, когда мы лежали на палубе яхты Джея. Или, уже на моей яхте.

Джей посмотрел на меня поверх своих очков «Ray Bans». Еще на нем была пара низко висящих льняных шорт. Его кожа блестела от солнцезащитного крема, который я нанесла, волосы были в беспорядке из-за того, что я проводила по ним руками, а взгляд расслабился с того момента, когда я обхватила губами его член менее часа назад. Он, конечно, ответил взаимностью. Он всегда

так делал.

Теперь мы спокойно грелись на европейском солнце, и единственным звуком был тихий плеск воды, бьющейся о яхту. Наш капитан — у нас был долбанный капитан вместе со штабом — нашел уединенную маленькую бухту в двух часах езды от Капри. Мы скинули якорь на ночь, и я, например, не спешила возвращаться на сушу.

— Я знаю, что задавать такой вопрос невежливо, — продолжила я, приподнимаясь на локте и сдвигая солнцезащитные очки на макушку. — Но теперь я твоя жена, и мне нужно какое-то объяснение. Ты покупаешь мини-круизный лайнер и называешь это яхтой, везешь нас в Европу на частном самолете, даришь мне много обуви и сумочек, я даже не знаю, что с ними делать. — Я наклонила голову. — И это, сэр, немалый подвиг.

Рот Джея приподнялся в том, что можно было бы счесть ухмылкой, но я классифицировала это как полноценную улыбку.

— Давай изъясним... Ты же будешь ходить в одежде и обуви всю оставшуюся жизнь.

И тут меня осенило. Наша жизнь, мой гардероб, наша кровать, наш дом, наше будущее были куплены на деньги, которые заработал Джей... бегая по улицам. Деньги, за которые люди умирали, убивали. Мои мысли вернулись к Диане, истекающей кровью, которая рассказала, как сильно она обожает фильм «Реальная любовь». Этот бизнес нанес непоправимый ущерб людям, и в результате я сидела на яхте в Италии.

Это должно беспокоить меня гораздо больше. Конечно, я не любила работу своего мужа, не хотела себе телохранителя, сам Джей постоянно в опасности, и он считает, что достоин существовать только в темном мире, который создал для себя.

Но я пошла на это с широко открытыми глазами. Я точно знала, кто такой Джей, и влюбилась в этого человека.

— Это не ответ, — возразила я. Что-то еще поразило меня. — Мы не заключали брачный контракт.

Игривое выражение на лице Джея исчезло.

— Нет, не заключали.

— Почему мы не заключили брачный контракт? — потребовала я. — У тебя есть деньги на частный самолет! Я зарабатываю достаточно, чтобы однажды купить «Virgin». В этом-то все и дело. Ты умный человек. Очень умный человек. Ты должен был заставить меня подписать брачный контракт.

— Мы не будем говорить об этом, — заявил Джей.

Я скрестила руки на груди.

— Мы не будем говорить об этом? — повторила я. — Ты теперь указываешь, что говорить, а что нет?

— Да, когда речь идет о чем-то нелепом, — заявил он.

— Нелепом? — я усмехнулась. — Теперь ты смеешься надо мной.

— Нет, я назвал эту тему нелепой, — поправил он. — Тема брачного контракта, которого не существует, после свадьбы.

Я села прямо, чтобы быть как можно дальше от него, разозлившись. В моем бешенстве не было особого смысла, учитывая, что деньги на частный самолет были не у меня.

— Но я могу потащить тебя на дно, если между нами все закончится, — ти-

хо произнесла я.

Взгляд Джея смягчился. По крайней мере, для него.

— Детка, если между нами все кончено, я буду разорен, с брачным контрактом или без него. — Джей сдвинул солнцезащитные очки на макушку, затем наклонился, чтобы схватить меня сзади за шею, притягивая к себе, так, что наши рты оказались в нескольких дюймах друг от друга.

— Кроме этого, — пробормотал он, положив руку мне на бедро, развязывая шнурки на бикини. — Я никогда тебя не отпущу.

— Все будет по-другому, когда мы вернемся домой, не так ли? — спросила я в ту ночь.

Мы были прижаты друг к другу, балконная дверь открыта, нежный соленый ветерок обдувал наши обнаженные тела. Руки Джея, и без того крепко обнимавшие меня, сжались еще сильнее. До боли. Мне это понравилось. В моей руке был бокал с вином, итальянским, красным, изысканным. Мы провели остаток дня — после нашей первой брачной ссоры, — попивая вино, лежа на солнце, занимаясь сексом.

— Да, — просто ответил он.

Я поджала губы, желая держать их закрытыми, желая оставить все, как есть, высосать последние капли покоя из этого медового месяца. Но не смогла.

— Ты не думал... уйти? — Я покрутила пальцем по краю своего бокала с вином.

— Уйти? — повторил он, проводя пальцем вверх и вниз по обнаженной коже моего бедра.

— Из своего бизнеса, в котором ты имеешь дело, например, с русской мафией, — пояснила я тихим робким голосом. — Отстраниться от управления улицами.

Джей ответил мне не сразу. Я знала, что он был слишком занят раздумьями. Пытался понять, что скрывается за этим вопросом, задала ли я его из любопытства или из желания. Я тоже не была до конца уверена. Скорее всего, смесь того и другого.

— До той ночи в «Клатче» эта мысль никогда не приходила мне в голову, ни на мгновение, — сказал он, в конце концов. — Я никогда не ставил под сомнение свое положение в мире. На самом деле я наслаждался этим. Все эти уродливые, грязные и ужасные вещи принадлежат мне. Я нашел то, в чем был хорош, то, что принесло мне чертовски много денег, и то, что утолило темный голод внутри меня причинять боль людям, — его палец все еще нежно пробежал вверх и вниз по моему обнаженному бедру. — Не было никакой любви, потому что я не думал, что способен любить. А любовь — это обуза. Она губит многих людей. Без моей работы, моего титула я никто. Так что я и не думал уходить. Ни разу. Пока не появилась ты. Пока ты не вошла в офис, и я думал, что у нас все могло бы быть здорово, если бы я был совершенно другим человеком. Но я не могу выбраться оттуда, Стелла. Я никогда не войду в другую сторону своего бизнеса, где есть только гребаные благотворительные обеды, старые деньги, гольф-клуб. Я никогда не снискаю уважения этого класса людей. Не имеет значения, что я зарабатываю, и чем владею. Я всегда буду ганг-

стером, головорезом, убийцей, монстром. Оттуда нет входа, Стелла.

Я слышала уязвимость в его голосе, смирение. Конечно, я уже знала все это о нем. Что другого образа жизни не было. Джей не отдавал свою душу дьяволу или какой-то подобной чепухе. Он сделал выбор. Выживать. И процветать. Единственным другим вариантом для него было бы лишь уничтожение. Наверное, нельзя просто «уйти в отставку» с поста повелителя подземного мира или кто он там. Внутри Джея было что-то такое, что жаждало тьмы, насилия, власти. Это поддерживало в нем жизнь. И мне очень, очень нужно, чтобы Джей продолжал жить.

— А ты хочешь, чтобы я вышел, Стелла? — тихо спросил он.

Мое сердце разбилось от его голоса, от беспомощности в нем. Я никогда не слышала, чтобы Джей так говорил. Я повернулась, поставив свой бокал с вином, затем оседлала его, расположив его у своей промежности.

— Нет, Джей. Я хочу, чтобы ты вошел. — Когда я направила его внутрь себя, мы оба резко вдохнули. Мое тело было мягким, восхитительно нежным. Я двигалась медленно. — Я хочу быть внутри тебя и твоей жизни.

Он приподнялся так, что наши торсы оказались прижаты друг к другу, так он проник глубже.

— Ты можешь пожалеть об этом, зверушка.

— Нет, — пробормотала я, целуя его. — Никогда. До самой смерти, помнишь?

Мы занимались любовью до тех пор, пока не взошло солнце, и темнота не унесла последние остатки нашего идеального медового месяца.

Идиллия была потеряна для нас еще долгое время после этого дня.

ГЛАВА 14

Стелла

Три недели спустя

Я была идиоткой.

Живя в темном и опасном мире Джея, я думала, что знаю все. Думала, понимаю риск, уродство всего окружающего. Я достаточно насмотрелась, не так ли? Да, я знала реальность. Знала, что живу в его мире, что его тени время от времени падают на меня. Но я думала, что... защищена. Джею, конечно, не нужно было защищать меня от самого себя, но он скорее умер бы, чем позволил своему миру коснуться меня.

Может быть, мы оба были идиотами.

Потому что невозможно выйти замуж за одного из королей преступного мира, не получив таких же шрамов, как у него. Этот мир состоял из острых углов, поэтому каждый раз, когда я соприкасалась с ним, проливалась кровь. Иногда этот мир лишь царапался. В других случаях оставлял шрамы.

Сейчас он оставлял шрамы. Прямо до костей.

Мы с Рен ходили по магазинам. Это наши обычаи до всего произошедшего. Пока мы обе не влюбились в очень сложных, опасных и могущественных мужчин. До моей свадьбы и ее беременности.

Что, естественно, было еще большим поводом для шопинга.

Мы много чего купили. Что ж, Рен много чего купила. Она была на пятом месяце беременности, хотя едва ли выглядела таковой. На ней было обтягивающее серое платье, виднелся лишь небольшой бугорок. Можно подумать, что она плотно пообедала. Она сияла. Ее ноги не опухали. Никакой утренней тошноты — за исключением нескольких коротких приступов по ночам. Никаких гормональных прыщей. Ничего похожего на то, о чем говорилось во всех книгах, которые я читала. Она не читала книг. Я читала за нее. Потому что хотела поддержать свою подругу. Ведь в моем полном надежды сердце я подумала, что, возможно, и мне это пригодится.

Я была счастлива с Джем, безумно счастлива, но каждый раз, когда у меня начинались месячные, мое сердце разбивалось. Разочарование камнем лежало в животе, становясь все тяжелее и тяжелее с каждым месяцем.

Я хотела быть матерью.

Отчаянно. На самом деле, более отчаянно, чем думала. До того, как я влюбилась в Джея, не особо думала об этом. Знала, что, в конце концов, захочу одного или двух. Но у меня не было острой необходимости искать отца для своих детей. Не было никакого ощущения пустоты в матке. Я не была одержима идеей продолжения рода. Особенно, учитывая прошлое моей матери, боялась либо превратиться в нее, либо передать эту черту ребенку.

Хотела быть матерью, но лишь на задворках сознания, думала, что серьезно подумаю об этом, как только у меня появятся отношения с женщиной, с которым можно строить будущее. Но теперь это все было на переднем плане, особенно с тех пор, как представилась возможность построить будущее с Джем. Не просто визуализировать, а активно проживать.

Так что теперь я превращалась в ту женщину, которой никогда не думала, что стану. Слегка помешанная на ребенке женщина с пустой маткой, у которой на телефоне была целая — секретная — папка с детскими картинками и всякой одеждой.

По крайней мере, эта секретная папка могла пригодиться Рен. Она начала покупать вещи в ту же секунду, как перестала волноваться из-за беременности, отбросила свои страхи и в своем стиле с головой окунулась в это дело. Она не ждала обязательных трех месяцев, чтобы рассказать кому-нибудь новость, потому что в этом вся Рен. Она была счастлива и не видела никаких причин ждать.

Мне нравилось видеть ее такой. Пылающей. Влюбленной. Без осложнений, связанных с образом жизни Карсона, отражающихся на ее дорого увлажненной и чистой коже. Я не знала, как много Карсон рассказал ей. Мы не говорили подробно о характере бизнеса наших мужчин — то ли каждый из нас не хотел подвергать опасности другого информацией, то ли потому, что мы не хотели портить наши отношения тьмой, которую впустили в наши сердца.

Несмотря ни на что, было приятно понимать, что наша дружба оставалась точно такой же.

Какова бы ни была причина, мы наслаждались прекрасным днем. Конечно, за нами шел «хвост», потому что и Карсон, и Джей чрезмерно заботливы, соперничали за награду «самый лучший альфа-самец». С другой стороны, Рен носила ребенка Карсона и ничего не изменила в своем образе жизни, лишь поменяла коктейли на безалкогольные и принимала витамины для беременных.

Рен говорила об именах, когда это случилось.

— Страйкер для мальчика, а Хадсон для девочки, — улыбнулась она. — Карсон, конечно, пытался вставить свое мнение, но его зовут Карсон? Как он смеет думать, что у него право на выбор имени? — Она покачала головой, когда мы выходили из магазина.

Я улыбалась ей в ответ, когда мир взорвался.

Все было совершенно пустым. Мелькающие изображения.

Кровь.

Шум.

Боль.

Крики.

Возможно, это был мой крик. Скорее всего. Мои руки в крови. От попыток остановить кровотечение. Рен больше не светилась. Она была бледна. Безжизненна.

Громкие удары, настолько, что у меня захрустели зубы. Бьющееся стекло. Разбивающиеся сердца. Кровь текла сквозь мои пальцы, слишком быстро.

Я ничего не могла сделать, чтобы остановить это.

Ничего особенного.

Потом было еще больше шума, люди пытались оттащить меня от нее, оттащить от Рен. Я боролась с ними. Боролась изо всех сил. Но, видимо, недостаточно усердно.

Джей

Он надеялся, что все произойдет тихо. Что он сможет уладить это дерьмо с русскими путем дискуссий, телефонных звонков, бумажной волокиты, тонких угроз. Возможно, он не был так хорошо известен и жесток, как мафия, но он был чертовски силен, и он знал, что в такой давней власти есть слабость. Самодовольство. Он много работал за кулисами.

Обстановка была напряженной.

Угрозы Дмитрия становились все более и более откровенными, он делал то, чего его отец никогда бы не сделал даже накануне войны. Джею уже доводилось иметь дело с Паханом (прим. пер.: старший авторитет). Проницательный. Опасный. Безжалостный и старой закалки. Хотя он убивал и мучил многих людей, он придерживался кодекса. Он, так сказать, верил в воровскую честь. Джей оценил это и немного пообщался с этим человеком после того, как тот убил Хеллера.

Но Джей установил границы. Связываться с мафией было самым верным способом умереть раньше времени, а его работа уже подгоняла смерть.

Потом ему позвонили по телефону.

Смерть не просто подогнали. Она проникла в его гребаную грудь и вырвало сердце.

Стелла

Никто мне ничего не говорил.

Сначала я кричала. Когда у меня пытались забрать Рен. Я кричала и кричала, а потом стало пусто. Не черное, как все описывали бессознательное состояние. Не было темно и мрачно. Было чистое белое, совершенно яркое ничто. Просто пустое место.

Я вдыхала стерильный запах больницы. Чистящие средства и гниение. Простыни царапали меня, звуки эхом отдавались в ушах, как сквозь воду. Мне потребовалось слишком много времени, чтобы сориентироваться, разобраться в том, что произошло, прийти к ужасному осознанию — что-то произошло на самом деле. Это не какой-то ужасный сон. Не галлюцинация. Я так сильно желала, что произошло то, чего я больше всего боялась. Что болезнь моей матери внезапно обострилась, и это безумие привело меня сюда вместо реальности.

Смешно, как быстро, как сильно я хотела, чтобы мой худший страх оказался правдой.

Во рту у меня был сухой и ватный привкус. Конечности кричали от боли, а сердце разрывалось в клочья. Плюс ко всему, мужчина передо мной с расческой и часами за десять тысяч долларов игнорировал меня. Он пришел после того, как я проснулась, медсестра проверяла показатели, поглаживала мою руку с теплотой и печалью, шепча, что доктор уже в пути.

Если бы я могла сориентироваться, я бы даже не стала ждать, пока этот ухоженный и превосходно выглядящий доктор войдет в палату. Я бы встала с кровати и разнесла бы эту гребаную больницу на куски, чтобы получить хоть какие-то ответы.

Но звуки, запахи, боль, а больше всего разрозненные воспоминания о том, что произошло, приковали меня к дерьмовому тонкому матрасу, не в силах удержать ясную мысль, не давая встать с кровати.

— Мэм, вам нужно отдохнуть, — мягко, но почти пренебрежительно произнес доктор, когда я начала задавать вопросы. В его глазах была дистанция, которую, как я предполагала, ему приходится преодолевать каждый день. На его глазах было бесчисленное множество больных и умирающих.

Я села в своей кровати, по телу пробежала легкая дрожь.

Они дали мне кое-что. Отчего поездка сюда казалась размытой и похожей на сон. Мой рот был пропитан горечью и превратило внутренности в вату. Теперь все проходило, и боль возвращалась.

Я радовалась боли, потому что сейчас она нужна мне.

— Кто-нибудь, ответьте на мои гребаные вопросы, — выдавила я, мой голос был грубым, скрипучим и слишком слабым.

Глаза доктора оторвались от карты.

— Я не могу дать вам ответы, миссис Хелмик. Как я уже сказал, вам следует отдохнуть.

Именно тогда он повернулся ко мне спиной. Уйти, чтобы залечить раны следующего в списке. Или объявить время смерти.

Ужасные воспоминания о крови и безжизненном лице подруги нахлынули на меня с такой силой, что я была удивлена, как до сих пор могу дышать. Именно боль от этих воспоминаний подняла меня с кровати, помогла вырвать капельницу из руки, чтобы преодолеть расстояние между собой и доктором и подойти прямо к нему.

Мои ноги были босыми. Это нервировало, потому что я всю жизнь ходила на каблуках, привыкла быть на шесть дюймов выше, становясь на один уровень с большинством мужчин — кроме Джея — и придавая себе чувство уверенности. А еще нервировало, потому что я не снимала обувь. Кто-то другой сделал это за меня. В промежутках. Кто-то расстегнул мои сандалии, снял с меня одежду, включая лифчик, и надел на меня больничный халат. Это ни в коем случае не было самым важным фактом на данном этапе, но это было слишком интимно и противно.

Не настолько противно, чтобы прекратить начатое.

— Ты никуда не уйдешь, — кипела я. — Не называй меня «мэм» своим неопределенным, холодным и профессиональным тоном. Я человек. Я человек, чье последнее воспоминание о подруге, которая на пятом месяце беременности... — Здесь мой голос сорвался, но мне удалось продолжать, несмотря на занозы внутри. — Мое последнее воспоминание — это льющаяся из нее кровь, а я пыталась ее остановить.

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали. Чистые. Кто-то тоже помыл их. Но недостаточно хорошо. Они были окрашены в розовый цвет с красными крапинками. Желудок скрутило, и я слегка покачнулась.

Доктор положил руку мне на плечо, поддерживая меня.

— Миссис Хелмик, у вас серьезное сотрясение мозга, двенадцать швов на руке, не говоря уже о шоке, который сейчас испытывает ваше тело. Вернитесь в постель. — Он пытался направить меня обратно к кровати.

Я вырвала свою руку из его хватки.

— Скажи мне, где, черт возьми, моя беременная подруга?! — я закричала ему в лицо.

Он моргнул один раз, но не от удивления. Я уверена, что он уже измучен тем, что пациенты теряли контроль, но он, должно быть, понял, что я не позволю ему покинуть эту комнату без информации.

Он вздохнул.

— Она находится в критическом состоянии. — Его голос был твердым. — Она потеряла много крови, но должна поправиться. — Затем сделал паузу. Мое сердце разорвалось за эти секунды. Плоть разрывалась внутри груди.

— К сожалению, она потеряла ребенка.

Я слышала его даже сквозь глухой рев в ушах. Хотя знала, что он собирался это сказать, но слова, произнесенные вслух, подтвердили уродливую, ужасную правду. Земля поднялась, и в моем поле зрения заплясали темные пятна.

— Вы уверены? — потребовал я. — Там что-то произошло, но Рен сильная. Вы уверены, что не допустили какой-нибудь ошибки? — Мои слова были мольбой. Несмотря на то, что мозг уже знал правду, сердце требовало какой-нибудь лжи.

— Мне жаль, — ответил он. Его взгляд переместился на мою руку. — Вам нужно вернуться в постель, чтобы мы могли снова подключить капельницу.

Я посмотрела вниз. Кровь стекала по руке и капала на пол. Меня тошнило от одного этого вида. Как мало крови. Рен потеряла гораздо больше, а у меня лишь царапины и швы.

— Мне нужно ее увидеть.

— Нельзя сейчас...

— Если ты сейчас же не отведешь меня к ней, я позабочусь о том, чтобы те-

бя уволили из этой больницы и выселили из холостяцкой берлоги на холмах. Я позабочусь, чтобы твоя жена узнала о любовнице, и чтобы ты никогда в жизни не выплатил кредиты, — прошипела я, звуча истерично и безумно.

— А потом я убью тебя, — вмешался другой голос, более спокойный, чем у меня. Гладкий. Но холодный. Конечно.

В этот момент я едва держалась на ногах. Рядом со мной был мужчина, выдерживающий мой вес, пахнувший домом, все его тело было таким напряженным, что походило на мрамор.

— Кто вы? — спросил доктор, бледнея.

— Я ее муж, — ответил Джей, сосредоточив свой пристальный взгляд на докторе, положив руку мне на талию.

— Ну, как ее муж, я уверен, что вы обеспокоены состоянием жены. Ей нужно вернуться в эту кровать, чтобы наши медсестры могли за ней присмотреть. — Доктор изо всех сил старался сохранить властность в своем тоне, вести себя так, как будто Джей не запугивал его до чертиков. Он с треском проваливался.

Рука Джея сжалась вокруг моей талии. Я использовала это как якорь, хотя он, вероятно, тоже хотел уложить меня в постель.

— Моя жена сказала тебе, что ей нужно, — сказал Джей. — Буду признателен, если вы отведете нас в ее палату.

— Мистер Хелмик, у вашей жены кровотечение.

Челюсть Джея напряглась, а в глазах вспыхнула буря. Энергия в комнате изменилась.

— Я более чем осознаю, что моя жена истекает кровью. Это не опасно для жизни, не так ли? Нет. Она получит то, что хочет, потому что ясно дала понять, что более чем готова пролить кровь за свою подругу.

Я могла бы рухнуть к ногам Джея прямо здесь и сейчас, если бы моя потребность увидеть Рен не была такой сильной.

Доктор повел нас в ее палату. Мои шаги были торопливыми, и каждое движение причиняло боль. Но я полагалась на Джея. И он понес меня туда.

Рен спала. Слава богу. Карсон сидел у кровати с осунувшимся и бледным лицом, его крупная фигура втянулась сама в себя. Он держал маленькую, безвольную руку Рен в своей большой, как держат птенца, убаюкивая его легчайшими прикосновениями.

Он даже не взглянул на нас, когда мы вошли, я тяжело опиралась на Джея, моя кровь капала на рукав его рубашки.

Я не подходила к ней близко. Не сдвинулась с середины палаты. Джей не спросил, как долго я планирую это делать. Он ничего не сделал, только позволил мне пролить на него кровь. Потом он отнес меня обратно на кровать.

Только когда я вернулась на больничную койку с новой капельницей, поняла, что Джей не разговаривал со мной напрямую с тех пор, как приехал. Ни разу. Он постоянно прикасался ко мне. Но никаких слов. Он едва взглянул мне в глаза.

Энергия забурлила между нами, когда медсестра закончила свои дела, я пристально посмотрела на своего мужа, его глаза следили за медленными и

осторожными движениями женщины. Его лицо было пустым, ледяным, но глаза горели, он стоял у кровати и гладил меня по волосам.

Я страстно желала, чтобы медсестра свалила, а Джей поговорил со мной и помог поглотить всю боль, вибрирующую внутри меня.

Медсестра работала так долго, что я чуть не закричала на нее, но у нее были добрые глаза, и она выглядела совершенно измученной. Но то, что мою лучшую подругу застрелили на улице, и она потеряла ребенка, было чертовски несправедливо.

Потом, когда медсестра ушла, я пожелала, чтобы она вернулась, потому что не могла справиться с реакцией Джея. Он упал на колени у моей кровати.

На колени.

Он схватил меня за руку, сжал ее так, словно это было единственное, что привязывало его к земле.

Лицо Джея было таким бледным, каким я его никогда не видела, его глаза пробежали по моему телу, сосредоточившись на повязке на руке, затем на капельнице. Затем он встал, двигаясь так, как будто все его тело было сделано из камня, глаза горели, как изумрудный ад.

Он собирался что-то сказать. Вероятно, хотел твердо и прямо возложить вину на свои собственные ноги. В конце концов, это произошло из-за нашей связи с ним. Джей уже мучил себя, я видела это по его глазам.

— Остановись, — прошептала я, не в силах говорить громче. — Я вижу, ты хочешь добавить это к своему списку грехов. Но мне нужно, чтобы ты остановился. Это не твоя вина.

— Ты лежишь на больничной койке, Стелла, — произнес он холодным далеким голосом. — Пуля задела твою руку. Пуля. — Его рука крепче сжала мою. — Та, что могла бы положить конец твоей гребаной жизни. И она оборвала другую жизнь...

Затем его голос дрогнул. Раскололся на тысячу маленьких кусочков печали, каждый острее другого, раня меня, хотя я была уверена, что у меня не осталось ни одного целого местечка.

Джей опустил голову к моей руке, прижимаясь к ней губами. Моя рука была мокрой от его слез. Они ощущались как кислота на коже.

Когда он поднял голову, в его глазах не было ни печали, ни сожаления. Теперь они были полны только одного: смерти.

— Они все умрут, — выругался он сквозь зубы, каждое слово вырывалось из темного и уродливого места. От его тона у меня по коже побежали мурашки.

Я вспомнила кровь на своих руках, какой маленькой и пустой выглядела Рен в этой постели. Я думала о том, какой будет теперь ее жизнь, когда она проснется ни с чем.

— Они все умрут, — согласилась я.

ГЛАВА 15

Стелла

Меня оставили на ночь. Джей спал в кресле рядом. После того, как перевел меня в другую палату. Отдельную. Больничную палату богатого человека. Как будто это имело значение.

Рен тоже была в одном из люксов. Приехали ее родители, отец позаботился о том, чтобы она получила лучшее из лучших, вызвал хирургов, врачей, специалистов. Ее мама заказывала цветы, свечи, свежие фрукты, шелковые ночные рубашки. Все, что угодно, лишь бы откинуть реальность того, что случилось с их дочерью, подальше. Избегая осознания того, что все деньги в мире не могут изменить того, что произошло, не могут вернуть потерянную жизнь.

Рен то приходила в сознание, то теряла его, но, в конце концов, пришла в себя, и ей рассказали, что произошло. Я была там, когда врачи сообщили ей эту новость, потому что ее родители не могли с этим справиться. Они подарили своей дочери весь мир, но не знали, как стать свидетелями того, как его у нее отнимают.

Джей уехал этим утром. После моего допроса в полиции, после того, как они выписали меня, бормоча о том, что разрешат все случившееся. Джей погладил мою опухшую щеку, поморщившись. Потом поцеловал меня. Не мягко. Не с той нерешительностью и сожалением, с которыми он прикасался ко мне с тех пор, как приехала в больницу. С чем-то голодным, отчаянным и темным. Я тоже поцеловала его в ответ со всей своей темнотой.

Был приказ не покидать больницу, оставаться в поле зрения одного из мужчин, которые стояли у дверей наших палат. Родители Рен не спрашивали о них, и я задумалась, как много они знали о Карсоне и бизнесе, которым он занимался.

Моему отцу не сказали о том, что произошло. Ещё нет. В конце концов, я бы рассказала ему о Рен и ребенке, потому что он считал ее второй дочерью. Он был очень рад за нее, как настоящий дедушка, а это означало, что он также будет убит горем.

По правде говоря, именно страх помешал мне рассказать об этом папе. И потому что я знала, — он прилетит сюда, попытается помочь, попытается принять боль и горе, как это делают мужчины. Я не могла позволить ему увидеть свое лицо. Я хотела подождать, пока не исцелюсь, чтобы сказать ему. Не знаю, правильное ли это решение, не знаю, какую ложь сказать отцу о том, что произошло.

Эта ложь уже рассказана полиции. Я проходила допрос рядом с Джейем. Он не учил меня ничего говорить, но то, как фамильярно пожал руку детективу, сказало мне, что они были знакомы.

Очевидно, я не солгала полиции, но кое-что утаила. О том, кем могут быть мои враги. У меня их не было, это правда. Но они были у Джея. А мы женаты, и то, что принадлежало ему, теперь принадлежало и мне.

Потом детектив ушел, и Джей тоже.

Отсутствие Джея было зияющей пропастью в этом ужасном кошмаре. Я знала, что ему нужно кое-что сделать.

Те люди ждут своей смерти. Нужно спланировать войну. Мне это было интересно. Война всегда была далеким понятием, будь то изображения в новостях, взрывы, оружие, мужчины и женщины, сражающиеся за страну. Или мечи, рыцари и гребаные драконы, как в «Игре престолов». В любом случае, война была чем-то, что происходило вдали от моего мира. Это было нечто, что существовало на экранах, в книгах. Не в моей жизни. И это было совсем не похоже на книги, новостные сюжеты, гребаные телешоу.

Джей и Карсон потребуют за это крови. Больше, чем крови. Они будут стре-

миться к полному уничтожению. И как бы я ни считала себя некровожадным человеком, я была рада этому. Потому что мне приходится сидеть рядом с больничной койкой подруги, держать ее за руку, и помогать ей справиться с такой потерей. Наблюдать, как горе овладевает ею, не имея над этим абсолютно никакой власти. Я думала, что я девушка, которая любит заниматься любовью, а не воевать, но именно из-за любви я жажду войны.

Рен была странно спокойна. Нет, спокойствие — не то слово, чтобы описать. Пустая. Вот и все. Она была пуста. Я сидела рядом с ее кроватью, где была постоянно, если не считать перерывов в туалет. Зои и Ясмин приходили и уходили посменно. Ее родители суетились, забегали, говорили о том, что нужно сделать, не глядя на свою хрупкую, сломленную дочь. Рен ни на мгновение не оставалась одна.

— Была еще одна причина, по которой я не хотела иметь детей, — хотя Рен говорила тихо, тенор ее голоса разрывал воздух вокруг. Я сдержала дрожь от поражения в ее голосе.

— Я не говорила об этом, потому что вслух это звучало нелепо, и потому что говорить это вслух... — Она замолчала, чтобы посмотреть в окно. — Говоря слова вслух, придешь им больше силы. Делаешь это возможным.

Рен выглядела крошечной в постели. Как будто она уменьшилась до половины своей обычной сущности. Она освещала комнату своим присутствием. Теперь была едва заметным проблеском. Мне пришлось вонзить ногти в ладони, чтобы не расплакаться.

— Я ходила к экстрасенсу, когда путешествовала по Европе, — продолжила она. — Была одна в Румынии. Не говорила по-английски, жила высоко в горах, в часе езды от ближайшей деревни. — Взгляд Рен был устремлен вдаль. — Парень со мной переводил, когда она предсказывала судьбу. Она сказала, что меня много раз будут любить многие мужчины. Но я люблю только одного. И этот человек станет моей гибелью. — Рен сделала паузу, ее пальцы вцепились в ткань одеяла. — Что я буду любить этого человека до самой смерти, но не смогу с ним быть. — Теперь она посмотрела в сторону двери.

За ней стоял Карсон. Он не двигался. Пока Рен не разрешала ему войти. А если она этого не делала, он стоял там. Всю ночь.

— Она сказала, что я буду матерью совсем недолго. Что мой ребенок не будет дышать воздухом, и другого у меня не будет.

Когда руки Рен потянулись к животу, я сильнее сжала кулаки, ища боль сильнее, чем смотреть, как моя подруга баюкает живот, в котором раньше был ребенок.

Рен зажмурила глаза, затем открыла их.

— Это была девочка. — Ее голос звучал сильнее, чем следовало бы. — Я не восприняла слова гадалки, думала, что это чушь собачья. Или, по крайней мере, так себе говорила. Но я знала. Еще до того, как парень перевел ее слова. Знала, что эта женщина говорила правду. Так и случилось.

Я пересекла комнату, потому что не могла сидеть и смотреть, как подруга опускается на кровать, превращается в ничто.

Я схватила ее за руку.

— Нет, — прошептала я. — Рен, которую я знаю, никому не позволяет, даже старой румынке, которая живет в горах, сказать, что ее будущее уже решено. Рен, которую я знаю, сама строит свое будущее. — Я погладила ее по лицу. —

Это не конец для тебя. Ты будешь помнить ее. Ты будешь любить ее. И ты исцелишься. Я обещаю.

Рен слабо улыбнулась и кивнула, делая вид, что согласна со мной. Я знала, что она уже убедила себя в своей правде, в будущем, в котором были лишь пустота и боль.

Я стояла, прислонившись к двери палаты Рен, прижав телефон к уху, устремив взгляд на Эрика, который позволил мне поплакать у него на плече десять минут назад. Не знаю, сколько смертей и насилия этот человек пережил, работая на Джея. Наверное, много, но он не носил маску крутого парня на своем красивом лице.

Хотя я была уверена, что их работа заключалась в том, чтобы не показывать себя настоящего, Рен оказала влияние на всех. Они должны быть монстрами, поэтому ужасы этого чудовищного мира не притяжали на них. Но проблема с Рен заключалась в том, что она превращала даже самых ужасных монстров в мужчин, заставляла их чувствовать эмоции и причиняла им боль.

— Я выхожу из офиса через пять минут. Ей что-нибудь нужно? — спросила Зои напряженным голосом. Она делала все возможное, чтобы быть сильной, стойкой и непоколебимой ради Рен, ради всех нас, но я знала, что ей было нелегко. Зои была альфа-самкой во всех лучших отношениях. Она защищала и любила своих друзей с непобедимой свирепостью. Она говорила правду, даже когда это причиняло боль. Она праздновала каждую нашу победу, как если бы та была ее собственной, и чувствовала боль от каждого горя.

— Нет, ей ничего не нужно, — ответила я низким и скрипучим голосом. — Мы ничего не можем ей дать.

— Я надеюсь, что они умрут медленно, — вскипела Зои через мгновение.

Это повергло меня в шок и заставило замолчать. Зои не была равнодушна к насилию этого мира. Она была реалисткой, циничной, живущей своей жизнью с поднятой рукой в качестве щита.

Но сама она никогда не была жестокой. Ей пришлось со многим столкнуться в своей жизни, несмотря на то, что ее родители надрывали свои задницы, лишь бы дать ей спокойную жизнь. У Зои был выбор, когда она столкнулась с реальностью того, насколько жесток этот мир. Принять несправедливость и позволить ей ожесточиться, или высоко держать голову, не позволяя ни одному человеку заставить ее склониться. Она выбрала последнее. И была самой царственной особой, которую я знала.

И все же теперь она жаждала крови.

— Я тоже, — прошептала я.

Я повесила трубку, мой мир затрясся, накренился. Ничто не будет по-прежнему после того, как все уладится, и я ощущала себя беспомощной и маленькой.

Когда я подняла глаза, Эрика передо мной не было. Стоял Карсон.

Он все еще был одет в ту же черную футболку и джинсы, в которых был, когда все произошло. Его глаза были налиты кровью и отяжелели, показывая, что он не спал. Я опустила взгляд на его руки. Хотя он их вымыл, я не пропустила их слегка розоватый оттенок. Кровь.

Он уставился на дверь в палату Рен, стоя в коридоре, как будто был статуей, а не человеком.

— Это моя вина. — Его голос не был ровным, пустым, резким, как я привыкла. Даже когда он был с Рен, то был холоден. Но не похожим на Джея. Он не позволял даже шепоту своего сердца, своим истинным чувствам выскользнуть наружу.

Но его глаза, те, что были мертвыми и опасными в ту ночь, когда я встретила Джея, танцевали с жизнью и любовью всякий раз, когда он смотрел на Рен. Всякий раз, когда Рен оказывалась поблизости.

Сказать, что эти глаза теперь были мертвы, было бы преуменьшением. Они были не просто мертвы. Они были разрушены, уничтожены, раздавлены. Я видела в них кое-что еще. Поражение. Тот блеск альфа-самца, который был в глазах Джея, когда он ушел от меня, думая, что это к лучшему.

— Ты уходишь от нее? — спросила я с резкостью в голосе, несмотря на то, что видела неприкрытую боль на его лице. Мне не нужно, чтобы он произносил это вслух, я уже знала правду. Черт, если бы Джей не был женат на мне, если бы наши жизни не сложились так, как сложились, я была уверена, что он тоже попытался бы бросить меня. Как бы то ни было, я все еще не уверена, что он этого не сделает.

У этих мужчин, пытающихся защитить нас, был один путь. Они думали, что их отсутствие было своего рода даром, милосердием.

Карсон потер затылок.

— Ей лучше без меня. — Он посмотрел на закрытую дверь, затем снова на меня. — Если бы она не встретила меня, ничего этого бы не случилось. Мне нужно уйти. Со мной она познает только боль.

Я уставилась на него. На этого испорченного человека. Тот, кто вселял страх в любого, кто попадался ему на пути. Тот, кто способен творить ужасные, жестокие вещи с другими людьми. Человек, которого моя лучшая подруга полюбила всем сердцем. Своим искалеченным, разбитым и кровоточащим сердцем после потери ребенка, о котором она и не подозревала.

— Ты трус, — выплюнула я со всем своим гневом и печалью. Я наклонилась вперед, чтобы он знал, — я его не боюсь. Не впечатлена той жертвой, которую он приносил. Ни капельки. — Не просто трус, но и самовлюбленный, — продолжила я. — Знаешь, если бы я не пошла в «Клатч» той ночью, я бы никогда не встретила Джея, никогда бы не встретила тебя, и, следовательно, Рен никогда бы не познакомилась с тобой. Но это не моя вина. — Я снова посмотрела на дверь, сглотнув от боли в горле, от боли в сердце, прежде чем встретиться взглядом с Карсоном. — Некого винить, кроме людей, которые это сделали. Ты позаботился о них, не так ли?

Карсон резко кивнул один раз.

Да. О них позаботились. Они мертвы.

Я была счастлива. Рада, что те, кто разорвали жизнь моей лучшей подруги на части, и сделали так, что у нее остались шрамы на всю жизнь, те, кто, бл*дь, убили ее ребенка, сдохли. Я надеялась, что все произошло долго и болезненно.

— Они наказаны. Люди, которые действительно виноваты, — вздохнула я. — А то, что ты уходишь сейчас, не наказывает никого, кроме Рен. Не причиняет вреда никому, кроме нее. И эта женщина, эта потрясающая, добрая, с от-

крытым сердцем женщина разорвана на части. — Мой голос слегка дрогнул в конце, но я продолжала сражаться. — И да поможет мне бог, если ты посмеешь оставить ее в то время, когда она нуждается в тебе больше всего, я выслежу тебя и прикончу.

Мне казалось довольно нелепым, что я угрожаю кому-то вроде Карсона, который, вероятно, знал, по меньшей мере, пятьдесят способов убить человека. При других обстоятельствах так бы и было. Но только не сейчас. Я была абсолютно честна.

Я указала на дверь.

— Тащи туда свою задницу. Покажи ей всю ту боль, которую испытываешь. Не смей, бл*дь, прятать это, потому что она должна знать. Ей не нужно, чтобы ты был большим, сильным мужчиной без сердца. Ей нужно твое сердце. Твое разбитое сердце. Ей нужно знать, что она в этом не одна. — Моя рука дрожала, когда я показывала на дверь.

Карсон смотрел на меня еще мгновение, в его глазах блеснуло горе, поражение пропитало каждую его пору. Затем он повернулся и направился к двери, исчезая внутри.

Все мое тело обмякло от облегчения и усталости.

Я подпрыгнула, когда что-то мелькнуло. Черная тень. Тень, которая оказалась человеком. Я была здесь, держала себя в руках только для того, чтобы моя лучшая подруга не развалилась на части. Я смогу собрать все ее осколки и хранить их в безопасности, пока она не будет готова снова собрать себя воедино.

Он не сразу подошел ко мне. Он стоял там, наблюдая за мной, тишина в коридоре звенела в ушах. Сначала у меня начали дрожать руки. Затем все тело. До такой степени, что я не понимала, как стою.

Но стояла лишь потому, что Джей поддерживал меня.

ГЛАВА 16

Стелла

Два месяца спустя

За два коротких месяца все кардинально изменилось. К худшему, за исключением одной великолепной, экстраординарной вещи, которую я держала при себе всю прошлую неделю, потому что понятия не имела, как быть счастливой вслух, когда все вокруг меня было таким темным и напряженным.

Рен выписали из больницы через две недели. Она порвала с Карсоном. Или пыталась это сделать. Он изо всех сил старался бороться за нее. И самый лучший из крутых, смертоносных альфа-самцов был чертовски хорош.

Рен поправилась.

Но ей не становилось лучше. Это — самые худшие дни в ее жизни. Она была не в своей лучшей форме. Таким образом, они расстались. Неважно, как сильно мы все пытались отговорить ее от этого, напоминая, что она любит его, что он отчаянно любит ее в ответ и что потеряли ребенка... вместе. И исцелиться они могут тоже вместе.

Но иногда, когда теряешь нечто такое ценное, всеобъемлющее и такое же

стокое, не имеет значения, сколько там любви. Боль слишком сильна; она вытеснила все, что было раньше.

Карсон по-прежнему следовал за ней практически повсюду. Она игнорировала его. Натягивала фальшивые улыбки, носила туфли на каблуках, одежду от кутюр и с важным видом вернулась к своей прежней жизни. Та, что ей больше не подходит. Теперь эта жизнь слишком мала. Травма открыла в ней новые частички, чтобы соответствовать боли. Конечно, она может надеть каблуки, жить по-старому, но никогда не будет прежней женщиной.

Мы все затаили дыхание в тот момент, когда это осознание поразило ее. Неизбежный срыв. Потому что, несмотря на несколько приступов слез в больнице, Рен крепко держалась за свое горе мертвой хваткой. Она ничего не отрицала, но была странной. Она по-настоящему потеряла самообладание, когда развела костер на заднем дворе, сжигая все детские вещи, которые покупала за последние пять месяцев. Она смотрела на пламя сухими глазами и полным стаканом алкоголя, а потом флиртовала с пожарными, когда они приехали.

Карсон, несмотря на то, что следовал за Рен каждую свободную минуту, включая ночевку в машине за воротами ее дома, стал почти немым. Мне было физически тяжело смотреть на этого человека. Если его можно было назвать человеком.

Несмотря на зияющую пропасть боли своей подруги, моя жизнь вернулась к подобию нормы. Хотя с серьезным усилением безопасности и Джемом, отказывающимся «позволить» мне работать без какой-либо проверки. До всего этого я бы устроила серьезную ссору, но у меня был небольшой шрам на правой руке, доказывая, что ссора того не стоила. Я позволяла Джею «проверять» мою работу. Ни слова не сказала ни об усиленной охране, ни об оружии. Кроме того, теперь у меня были раздумья, как сообщить ему новость.

Сегодняшней ночью хотела это сделать. Экстраординарная новость — хотя и невероятно горько-сладкая, учитывая то, через что сейчас проходила Рен, — пугала меня до чертиков, но также наполнила меня своего рода надеждой.

Я хотела поделиться этими чувствами с Джемом. Хотела что-то ему подарить. Больше всего на свете. Особенно сейчас, когда весь стресс конфликта лежит на его плечах. Он был более напряжен, чем обычно. Больше в своей голове. И он трахал меня с большей настойчивостью, с большей отчаянной интенсивностью. Как будто боялся, что каждый раз может оказаться последним.

Эта новость даст ему что-то другое. Что-то позитивное. Обнадеживающее.

Так что я вернулась домой пораньше. Включила музыку. Я даже приготовила поесть. Его любимое Оссобуко. Несмотря на то, что от запаха готовящегося мяса у меня скрутило живот, несмотря на усталость, которая сковывала тело, и страх перед тем, что могут принести эти новости.

Я не надеялась на какую-либо радость. По крайней мере, поначалу. Какие бы смутные остатки счастья я ни пробудила в Джем, за последние месяцы их нигде не было видно. Он скрывал от меня большую часть того, что происходило. И я не настаивала, потому что, честно говоря, не смогла бы с этим справиться. Я доверяла Джею. Доверяла ему позаботиться обо всем, о чем ему нужно.

Это было эгоистично — не подталкивать его, не давать ему возможности высказаться и разгрузиться. Но единственный способ, которым я могла это сделать, — поссориться, загнать его в угол и вырвать из него всю информацию. У

меня не было на это сил. Я надеялась, что эта новость как-то поможет ему.

Но в ту секунду, когда он вошел в дверь, я поняла, что это не та ночь. Черное облако последовало за ним. Поглотило его. Его лицо было осунувшимся, холодным, глаза закрыты.

Вместо того чтобы пойти ко мне на кухню, как он обычно делал, он направился прямо к бару. Я смотрела, как двигается его спина, прикусила губу, выключая плиту.

Мои движения были нетвердыми, неуверенными, когда я шла к нему.

Джей не посмотрел на меня, вместо этого подойдя к одному из белых кресел в гостиной. Одно из кресел, в котором целую жизнь назад мы часто сидели, свернувшись калачиком, и говорили о свадьбе и нашем будущем, как будто ждали всего с нетерпением.

Он прихватил с собой бутылку виски и поставил ее на боковой столик. Нехороший знак.

Все, что исходило от моего мужа, было колючим и опасным, поэтому, несмотря на желание прикоснуться к нему, я осторожно присела на подлокотник кресла.

Затем он посмотрел на меня. Мой великолепный, холодный и смертоносный муж. Его глаза были бездной, зияющей, но не пустой. Полные вещей, которые задевали каждый мой оголенный нерв, а боль отдавалась в кончиках пальцев.

Я поджала губы, дрожа, не зная, что сказать мужчине, за которого вышла замуж.

— Я знаю, как справляться с болью, — заговорил он вперед меня, осушая свой напиток. — Я не застрахован от этого, но привык. Привык к тому, что могу выдержать. — Джей поднял руку, чтобы убрать волосы с моего лица. — Было время, когда я страстно желал причинить тебе боль. Потому что ты ее не знала. Я хотел, чтобы тебе было больно, чтобы ты никогда не забывала меня. Хотел владеть частью тебя. — Он наклонился, чтобы налить еще виски в свой стакан. — Пытался казаться хорошим и отпустить тебя. Конечно, сейчас я совершенно и полностью порочен, удерживая тебя здесь, со мной. В этой жизни. Теперь ты привыкаешь к боли, а ее причиняю не я. Это результат моей жизни. И я не могу найти способ разобраться с этим.

Моя кровь похолодела, желудок сжался от его слов. То, что пронизывало их насквозь. Конец.

Прощание.

Я выхватила стакан у него из рук и поставила на боковой столик. Я забралась к нему на колени, оседлав его и обхватив за шею, заставляя его посмотреть мне в глаза.

— Не получится, — сказала я. — Потому что у тебя нет другого выбора. Я твоя жена. Ты дал клятвы, Джей. Каким бы злым ты ни был, держись своих слов, Джей. Выполняй обещания. Ты обещал остаться со мной навсегда. Так что сделай все правильно.

Я не сказала ему в ту ночь.

Или в ту, что после.

Три недели спустя

Он не заметил.

Это маленькие, незначительные вещи, но Джей обычно замечал все.

И он не заметил, что я не пришла домой и не налила себе бокал вина, что было рутиной, которую я считала почти священной. Он всегда наливал мне вино, я изящно потягивала его, ждала, пока он выйдет из комнаты, и выливали все в раковину. Я понимала, что это было почти святотатством, учитывая, сколько стоили бутылки и насколько они были редки и желанны, но я не хотела рисковать. Не хотела потерять нечто драгоценное.

Джей не замечал, что от малейшего прикосновения к моей груди, я вздрагивала от боли, потому что всякий раз, когда он прикасался ко мне, это было с животным голодом.

Он также не заметил, что по утрам я ела сухие тосты и сладкий чай вместо тройной порции латте.

Он ничего не заметил. Потому что его мысли были где-то далеко. Он думал о растущей напряженности в отношениях с русскими, если это вообще можно назвать напряженностью. Они приказали напасть на меня и Рен, что, конечно, они отрицали, и Джей не смог найти никаких доказательств. Все было сложнее. Никого прямого объявления войны.

Джей объяснял мне все это в течение многих ночей, его слова были отрывистыми, выражение лица напряженным, а его рука — та, которая не касалась меня — сжата в кулак. Он был напряжен, готов к чему-то. Я не могла добраться до него, до той мягкой сердцевины. Он спрятал ее обратно, потому что был напуган.

Не за себя. Я знала, что Джей сталкивался в своей жизни с гораздо худшим, он не боялся ни за себя, ни за свой бизнес, ни даже за своих сотрудников. Он боялся за меня. Я только тогда по-настоящему начала понимать, почему он был самим собой. Почему так тщательно структурировал свою жизнь, следя за тем, чтобы никто не приближался, никто не становился для него важным.

Потому что в его бизнесе люди, с которыми он вел дела — например, гребаная русская мафия — отбирали этих людей и ранили до тех пор, пока не осталось никаких уязвимых мест, которые можно еще ранить.

Однажды днем я размышляла обо всем этом дома, по телевизору шло какое-то дурацкое реалити-шоу, грызла свиные шкварки, потому что это было единственное, что я могла сейчас переварить.

Джозеф только что ушел. Он хорошо справлялся со всем, не задавал ни единого вопроса о телохранителях, которые следили за мной, или обо всех изменениях в моем расписании. Он просто делал свою работу, в дополнение к тому, что приносил мне травяной чай вместо кофе, не говоря ни слова.

Если бы Джозеф был натуралом, и если бы я не была его работодателем и не была безумно и бесповоротно влюблена в другого мужчину, будучи замужем за ним, я бы точно с ним замутила.

Пока я грызла свиные шкварки, наблюдая за кошачьей дракой в «Настоящих домохозяйках» и беспокоясь о будущем, пришла Рен.

Пришла с важным видом.

На шестидюймовых каблуках, в сшитых на заказ белых брюках и блейзере «Balmain». Длинные, упругие кудри рассыпались вокруг ее безупречного лица.

Искусный макияж и загорелая кожа. Улыбка на ее лице была совершенно фальшивой, а в глазах светилась боль.

— О, боже мой, обожаю эту серию. Ты вызываешь у меня сильное искушение остаться, переодеться в какие-нибудь спортивные штаны, сделать «Маргариту» и выпить до чертиков, чтобы посмотреть телек, — щебетала она, переводя взгляд с телевизора на меня. Затем к свиным шкваркам в моих руках.

— Ты на Кето или что-то в этом роде? — она ухмыльнулась с блеском в глазах.

Я уставилась на нее, и сердце заболело так же, как всегда, когда я смотрела на свою милую подругу.

— Ты не останешься? — спросила я.

Ее улыбка дрогнула.

— Я еду в аэропорт.

Я моргнула, глядя на нее, откладывая шкварки.

— В аэропорт? — повторила я.

Она кивнула.

— Я уезжаю в Непал через... — она взглянула на свой телефон, — два часа. Хотя должна была улететь двадцать минут назад. — Она потянулась, чтобы схватить меня за руку. — Но я обязана попрощаться.

Мой разум изо всех сил пытался уловить слова, слетающие с ее губ. Рен ни разу не упомянула о поездке в Непал.

— Почему ты едешь в Непал? — наконец спросила я.

Она вздохнула.

— Я собираюсь отправиться в поход в горы и остаться в монастыре. Попробую соблазнить некоторых монахов. — Рен пошевелила бровями, но никого из нас ей не удалось обмануть. — Мне просто нужно... уйти.

— Ты не можешь уйти, — захныкала я, держа ее за руку.

Она сжала руку, грустно улыбаясь. Мое сердце разбилось от этой улыбки.

— Я должна.

— Что насчет Карсона? — спросила я. — Ты нужна ему. Вы нужны друг другу.

Глаза Рен остекленели.

— Я не могу смотреть на него, не видя... — Она прерывисто вздохнула. Буквально оборвалась. Как будто сам воздух, которым она дышала, был резким.

— Я не могу смотреть на него, не видя, что мы потеряли, — призналась она. — Я едва могу смотреть на себя. Знаю, что он тоже что-то потерял. Знаю, что ему больно. Но я не могу. Это слабо, но я недостаточно сильна, чтобы быть с ним, Стелла. У меня едва хватает сил посмотреть на себя в зеркало. — Она обхватила мою щеку ладонью со слезящимися глазами. — Моя милая, у меня едва хватает сил смотреть на тебя.

Что-то в ее словах заставило меня задуматься. Там было какое-то знание. Знание о секрете, о котором я никому не рассказывала, потому что была в ужасе.

Но прежде чем я успела сказать что-нибудь, Рен отступила назад, тяжело вздохнула, выпрямила спину и нацепила такую фальшивую улыбку, что у меня защемило внутри.

— Ты ведь вернешься, верно? — Мой голос дрожал, я боялась ее ответа.

— Конечно, я, бл*дь, вернусь, — усмехнулась она. — Это Непал. Не моя есте-

ственная среда обитания. Я направляюсь в духовное путешествие. А еще ради еды и какого-нибудь гребаного умиротворения. Потом вернусь. Ради ботокса. Спланируйте вечеринку. Я снова стану собой. — Она улыбнулась, теперь более искренне, но все еще пропитанная грустью. — Даже если не стану собой, я вернусь. Ради тебя, моя дорогая. Я обязательно вернусь в течение шести месяцев. — Рен подмигнула один раз, наклонилась, чтобы еще раз поцеловать меня в щеку, а затем вышла за дверь.

Я стояла там, уставившись на дверь, и долго плакала.

В фильмах войны происходили быстро. Со взрывами, кровью и хорошим парнем, выходящим на первое место. Здесь не было хороших парней, это не фильм. По-видимому, все происходило не так. Это было намного медленнее, но с не меньшей кровью.

К счастью, кровь не принадлежала моему мужу.

Пока что.

Джей вернулся домой поздно. В эти дни он всегда возвращался поздно. Хотя я была не одна. Он следил за тем, чтобы со мной всегда кто-нибудь был. Несколько человек. Несколько вооруженных людей. Теперь наш дом был похож на крепость. Все мои передвижения были задокументированы, все местоположения отслеживались. Было душно. Удушающе. Но я знала, что у меня нет никакой возможности попытаться оспорить это. Не после того, что случилось. Я не настолько глупа, чтобы спорить. Нет, не сейчас. Сейчас мне есть что защищать.

Зои и Ясмин часто приходили к нам. Многочисленные, одетые в черное, серьезные и опасные на вид мужчины — и две женщины, спасибо, за крутых женщин, хотя я сделала мысленную заметку потребовать, чтобы у Джея было больше крутых женщин на службе — охраняли ворота и постоянно ходили по периметру. Девочки не задавали вопросов. Они не соглашались с такой жизнью, не одобряли ее, но они были моими подругами, которые были подобны старому дубу, непоколебимому, нестигаемому и с глубокими корнями.

Я была уверена, что Зои знает мой секрет, вероятно, Ясмин тоже, но они ничего не говорили. Я замечала понимающие взгляды, поднятые брови. Я знала, что они ждали, когда я им скажу. Но я никак не могла этого сделать, не сказав Джею. И ему сейчас не могла сказать. Не тогда, когда он приходил домой поздно, сразу же принимал душ, а потом трахал меня до беспамятства каждую ночь.

Однако сегодня все было по-другому. Я сидела на балконе, несмотря на холод в воздухе, уставившись в темноту, позволяя морской соли оседать на щеках.

Джей не прикоснулся ко мне, когда вышел на улицу. Он тоже делал это не так часто, как раньше. Случайные, игривые прикосновения, которые я раньше считала само собой разумеющимися, таяли, вся почва, которую мы завоевали, рушилась у наших ног.

— Рен уехала, — сказала я ему тихим голосом. Волны почти заглушили его, но я знала, что Джей услышал меня. Многого могло измениться за последние месяцы — к худшему, — но Джей по-прежнему слушал меня с пылким энтузи-

азмом.

— Знаю, — пробормотал он.

Конечно, он знал.

Он знал, что она уехала. Знал, что это сильно подействовало на меня, знал, что я буду сидеть здесь обиженная и беспокоиться о подруге, но все равно пришел домой поздно. Я задавалась вопросом, было ли это из-за вины по отношению к Рен, и насколько серьезна война, которую он вел с русской мафией.

Джей молча стоял позади меня, мы оба смотрели в темноту. Я ждала, что он прикоснется ко мне, предложит больше. Я жаждала этого. Но он ничего не сделал.

— Стелла, иди в постель, — приказал он холодным, повелительным голосом. Я почувствовала это у себя между ног, несмотря на свою печаль.

И, как всегда, я подчинилась ему.

Он трахнул меня так, как я любила. И так, как ненавидела. Это было холодно, жарко, отстраненно и слишком близко одновременно. Таким был Джей до того, как мы по-настоящему стали собой.

Хотя мои мышцы горели, а тело гудело от удовлетворения, часть меня похолодела от страха и беспокойства. Когда он вышел из меня и скатился с кровати, он отодвинулся еще дальше. После этого он даже не прижал меня к своей груди. В прошлом он заходил в ванную за полотенцем и аккуратно, с благоговением вытирал меня. К этому моменту я обычно едва просыпалась, несмотря на свои страхи.

В моем теле росла жизнь в дополнение к тому, что я работала практически круглосуточно. Безостановочное беспокойство о ДЖее, будущем нашего брака и душевном состоянии Рен. А потом секс, похожий на конец света. Именно так я чувствовала себя каждую ночь. Как будто мы были единственными людьми, оставшимися на краю света, в нескольких шагах от верной смерти, цепляясь друг за друга изо всех сил. В последний раз.

Это было сногшибательно, но ужасно. И все же, несмотря на это, я погрузилась в забвение. Не знаю, когда он возвращался в постель, но знала, что в какой-то момент он засыпал, потому что мой мочевого пузырь всегда будил меня по ночам.

Этой ночью я боролась со сном, потому что даже гормоны не могли победить страх, что Джей ускользает от меня.

Я заговорила, когда он встал, обнаженный, его силуэт вырисовывался из лунного света.

— Я могу это пережить, — сказала я его покрытой шрамами спине. — Я могу справиться со всем этим. С твоей жизнью. И что с ней связано. Думала, не справлюсь, но я смогу. — Джей не обернулся. — Несмотря на то, что ты говоришь себе ежедневно, я смогу. Я выбрала тебя. И готова пережить эту часть твоей жизни. Эту часть нашей жизни. Потому что я дала клятву. Я дала обещания о жизни и вечности. — Судорожно втянула воздух, на глаза навернулись слезы. — Это не просто обещания, это клятвы, Джей. К лучшему или к худшему. И пока у меня есть ты, я смогу пережить худшее, что может преподнести нам жизнь, даже если ты в этом сомневаешься. Даже если ты ненавидишь се-

бя. Я могу и выживу. Для нас. Для тебя. Я никуда не уйду. Чего я не смогу пережить, так это твою потерю. Те части тебя, которые были только моими. Я тебя не виню. За все это. Я не ненавижу тебя, Джей. Я люблю тебя.

Теперь я плакала. Слезы тихо текли по моей щеке, Джей все еще стоял ко мне спиной.

Он долго молчал. Слишком долго.

— Ты должна ненавидеть меня, — наконец ответил он. — Я не заслуживаю твоей любви, Стелла.

А потом он пошел в ванную. Взял полотенце, вымыл меня и оставил в постели одну, а я тихо плакала, пока не заснула.

ГЛАВА 17

Стелла

Они застрелили Эрика. В лицо. Средь бела дня.

Я могла бы закричать. Или, может, была в слишком сильном шоке, чтобы сделать это. Все было нормально, я потягивала кофе без кофеина — Эрик рассказывал о том, что Киран хочет съехаться, но лично он считал, что это слишком рано. Я убеждала его пойти на это, никогда не бывает рано, когда дело доходит до любви и все такое. Дразнила большого, неуклюжего задиру за то, что он был абсолютно напуган перед лицом любви.

Я дразнила его, думая о том, как сказать своему мужу, что я беременна, наказывая себя за то, что держала эту тайну взаперти. Настоящее лицемерие, я держу это в себе, твердя, что не хочу больше секретов. Но я боялась. Не боялась человека, которым Джей был сейчас, человека, которому пришлось принять самые темные стороны себя, чтобы сражаться в этой войне. Нет, я знала, что он был напуган, напуган тем, что может случиться со мной, тем, что уже случилось с Рен.

У меня почти не было времени на разговор, который изменил бы мою жизнь. То, что случилось с Рен, все изменило. Вывело свою опасную и порочную жизнь из тени на дневной свет. Опасность превратилась из какой-то безликой, чужеродной сущности в нечто реальное, достаточно осязаемое, живя, как шрам на моей руке и рана в сердце. Реальность того, что повлекла за собой жизнь Джея — от чего он пытался защитить меня, — украла у меня мужа. Да, он все еще был в нашей постели каждую ночь, за исключением тех случаев, когда уходил в темные часы, а потом возвращался. Он всегда принимал душ первым. Однажды я встала, чтобы пойти с ним. Вода была светло-розовой, разбавленной кровью. Я помогла смыть ее.

Джей все еще трахал меня, настойчиво, голодно и жестоко. Но он был мысленно мертв, и я надеялась, что, когда все закончится, я верну его.

Джей делал все, что мог, дабы положить этому конец, выиграть войну. Но кровь запятнала наш дом.

Какие вещи только не делали мужчины, чтобы показать, что им не все равно.

Но вслух не обсуждали. Он едва мог говорить со мной. Я не злилась, но расстраивалась, не виня его за это. Я все понимала. Джей в свое время участвовал во многих подобных войнах, покрыл себя большим количеством крови. Чтобы подняться на вершину криминальной иерархии, нужно смириться со смер-

тью и насилием.

Но сейчас ему есть что терять. Есть то, что может причинить ему боль и уничтожить его.

Я.

И он не знал, что был кто-то еще, кто мог уничтожить его еще больше. Мои новости не вернут его ко мне. Нет, это только оттолкнет его, даст больше причин бояться.

Лучше подождать, по крайней мере, я так думала, пока Эрику не выстрелили в лицо прямо у меня на глазах. Пока его мозги не оказались у меня на щеке. Пока люди, которые это сделали, не запихнули меня в черный седан.

Тогда я пожалела, что не сказала Джею о беременности. Не знаю, увижу ли его снова, чтобы сообщить такую радостную новость. Не знаю, будет ли у меня к тому моменту ребенок, о котором можно рассказать.

Джей

Со Стеллой что-то происходило. Джей должен был заметить это раньше. Но он был, мягко говоря, рассеян. Он планировал уничтожить одно из старейших криминальных группировок, когда-либо существовавших. Это нельзя сделать быстро. Нельзя сделать в открытую. Ни одна из сторон не хотела заголовков новостей и не хотела внимания со стороны федеральных правоохранительных органов. Джей знал, что Пахан — Михаил Кузнецов, глава русской мафии, — не хотел войны. Они все еще соперничали за партнерство, даже после того, что сделали.

Пахан знал, что Джей представлял для них большую ценность живым. У него были верные солдаты, надежные связи и планы самоликвидации всей организации после смерти начальника.

Так что нет, они не хотели войны, потому что смерть Джея была бы невероятно рискованной и глупой. У Пахана было много чего, но глупость не входила в их число. Достойный противник, если бы не его вспыльчивый сын. Тот, кого Джей планировал убрать в качестве компенсации. Карсон не требовал этого, он был слишком предан, но Джей знал, что тот жаждал крови. Как и Джей. Они убили много людей, включая тех, кто стрелял из пистолетов. Они убили всех до единого людей с того дня, что, конечно же, не привело к самому боссу. Потому что Пахан был умен.

Ведь эта ситуация непростительна даже в его бизнесе. То, что они забрали — не вернуть никаким способом. Именно поэтому Джей не вышел на Кузнецова и не смог нанести ему тысячу крошечных порезов, оставив истекать кровью от невообразимой боли. Хотя, когда, наконец, пришло время, это было право Карсона, а не Джея.

Теперь Карсон вел себя тише, если это возможно. Никакой человечности не было в его глазах. Только тихая ярость, пылающая внутри, и жажда мести поддерживали ее. Это было единственное, что поддерживало его теперь, когда Рен исчезла. Джей прекрасно понимал, что стал бы таким же, как Карсон, если бы Стеллу постигла та же участь. Если бы она потеряла что-то, чего он не смог бы ей вернуть, если бы ее порезали так, что рана никогда не заживет. Однако Джей не знал, сможет ли он сохранить самообладание, как у Карсона.

Джей был поглощен всем этим. Он знал, что чертовски близко вернулся к

тому состоянию, в котором был, когда они впервые встретились, к холодному, бесчувственному, жестокому человеку, которым он был вынужден стать, чтобы выжить.

Его идеальная жена любила его. Научила его, как быть мужчиной, своей улыбкой, своими шутками, своей болтовней, своими снежными шарами, своей кошкой и просто своим присутствием. Теперь у Джея было всё и даже больше. Но возможность все потерять была достаточно сильна, он почувствовал на языке вкус прогорклой, пустой жизни. Он не мог избавиться от этого чувства. Не мог избавиться от этого вкуса, независимо от того, как часто наполнял свой рот сладостью Стеллы.

Она оплакивала свою подругу, себя, ту жизнь, которую у них забрали в тот день. Она тоже боролась со своими собственными демонами, Джей знал это. Ее страхи перед матерью, о возможности того, что ее постигнет та же участь. И, прежде всего, он знал, что его великолепная жена беспокоится о нем. Беспокоилась о ночах, когда он покидал ее, о демонах, с которыми он сам боролся.

И что-то еще помимо этого, отчего она казалась пугливой рядом с ним, что-то скрывалось за ее глазами. Что-то, что Джей мог бы понять раньше, если бы так отвлекался, если бы он намеренно не дистанцировался от Стеллы, потому что боялся того, что он может с ней сделать.

Нет, лучше покончить с этим до того, как он попытается исправить их брак. Стелла сказала ему, что никуда не собирается уходить. И она говорила правду.

Его размышления были прерваны Карсоном, вошедшим в кабинет. В его кабинет в центре города. Туда, куда Карсон никогда не ступал, потому что Джей позаботился о том, чтобы эти две области его жизни были разделены.

У Карсона не было никаких причин входить в эту дверь, кроме конца гребаного мира. Конец мира Джея.

Джей убрал руки со стола на бедра, потому что они дрожали.

— Она мертва? — спросил он ровным голосом, его внутренности съеживались, умирали.

Карсон покачал головой.

— Нет. Эрик. Выстрел.

Ничто внутри Джея не расслаблялось. Он перестал планировать свою собственную неминуемую смерть, отодвинув эти планы на задний план. Потому что прямо сейчас со Стеллой могло произойти много-много вещей.

Его руки все еще дрожали.

— Эрик мертв, — повторил Карсон отрывистым тоном, с холодным лицом и пустыми глазами, мерцающими вспышками эмоций. Джей знал, что Стелла что-то значила для Карсона, потому что Стелла что-то значила для Рен, а Рен была для Карсона целым миром.

Джей кивком отмахнулся от смерти одного из своих людей. Одного из друзей. Эрик стоял рядом с ним на его свадьбе. Эрик был другом Стеллы, потому что она все время говорила о нем и своем друге Киране, говорила о том, как они идеально подходят друг другу и какой у Эрика отличный стиль. Сердце Джея сжалось при воспоминании о Стелле, как будто ее уже не было.

— Застрелен на улице, — продолжил Карсон. — Они оставили его там. Забрали ее.

— Мы знаем, что это были Кузнецовы? — ровным голосом спросил Джей.

— Не в открытую, — ответил Карсон. — Но нам повезло. Они шли к своей машине, в ней есть камера, спереди и сзади. Сумели опознать одного. Они не пытались скрыть это, как... — Карсон прочистил горло. — Не так, как в прошлый раз.

У Джея не было сейчас гребаной энергии думать о Карсоне.

— Отправляйтесь в каждое из известных мест, найдите важных людей. Не гребаных выродков или кого-то еще, кого можно использовать. Они ничего не знают. Потому что это спланировали. Потребуется больше времени, чтобы найти тех, кто знает все дерьмо. — Джей вздохнул и поднял руки, положив их обратно на стол. Они больше не дрожали. — Убей их всех.

Глаза Карсона слегка блеснули.

— Ты уверен?

Джей уставился на мужчину, стоявшего перед ним.

— У них моя жена, — заявил он чуть громче шепота.

— Я знаю, и мы...

— У них моя ЖЕНА! — взревел он, взмахнув руками по столу, отчего все с грохотом упало на пол, даже компьютер. — Если ты не сообщишь мне о ее местонахождении или не приведешь кого-нибудь, кто это знает, я разорву тебя на части по кусочкам. — Джей знал, что он разговаривает со своим другом. Тот, кто оставался рядом с ним на протяжении многих лет, поднялся вместе с ним по служебной лестнице и помог ему захватить всю империю.

Джей знал это где-то внутри себя. Джей также знал, что говорит правду. Среди всего этого не было друзей, только враги. Он разорвал бы на части любого и каждого на этой гребаной земле, чтобы добраться до нее.

Или он умрет, пытаясь.

Потому что, если со Стеллой что-то случится, он мертв.

Четыре часа спустя

Карсона не было дома, он убивал, пока Джей был в Клатче на встрече с одним из его своих людей, Гектором. Гектор был с ним почти так же долго, как и Карсон.

— У нас есть местоположение складов, где русские хранят свой кокаин для распространения? — спокойно спросил Джей.

Гектор кивнул.

— Возьми их, — приказал Джей. — Убей каждого человека, работающего там. Как только дело будет сделано, сожги все дотла.

Гектор моргнул.

— Сэр. Это кокаин на миллионы долларов. На десятки миллионов долларов.

Джей кивнул.

Гектор разинул рот.

— Вы начнете войну, если сделаете это.

Руки Джея лежали на столе. Ему до боли хотелось сжать их в кулаки, до зуда хотелось ударить кого-нибудь, превратить в ничто, стереть кости в пыль. Но он не так добивался успеха. Так он не вернет Стеллу. Вернуть Стеллу — по крайней мере, сейчас — означало сидеть за этим столом и отдавать приказы.

— Ну и что? — спросил Джей.

Гектор заметно сглотнул. Джей знал, что другие люди на его службе и в лучшие времена боялись его, а сейчас были далеко не лучшие времена. Все были просто в ужасе. Никому другому, кроме Карсона, и в голову не пришло бы оспаривать приказ.

— Ну и что? Война с русской мафией, прямо сейчас? — Гектор продолжал.

Поскольку это был Гектор, бесчисленное количество раз спасавший ему жизнь, проливший за него кровь, Джей не кричал на него, не увольнял и не избивал до крови.

— Да, ради Стеллы мы начнем войну, — ответил Джей. — Чтобы вернуть ее, я бы пошел на войну со всем чертовым миром. Я бы сжег все дотла. Убей всех до последнего, мужчин, женщин и детей. У тебя с этим какие-то проблемы?

Гектор спокойно встретил взгляд Джея. Гектор был женат. Один ребенок. Насколько знал Джей — а Джей знал почти все, — тот никогда не бросал свою женщину, хотя был привлекательным ублюдком, и к нему приставали одни из лучших женщин в городе.

— Нет, сэр, у меня нет с этим проблем.

Джей коротко кивнул.

— Тогда иди и сожги эти чертовы склады.

Два часа спустя

Джей снял пиджак и осторожно положил его на стул. Он сжал свой левый рукав, где Стелла вышила сердечко из рубина.

Она проделала это с каждым из его костюмов. Она вышила все сама. Он нашел ее в гардеробе, ее пальцы кровоточили. Конечно, он поднял ее, схватил за запястье и запретил ей снова пускать себе кровь из-за него.

Она улыбнулась. Мягкая, открытая и любящая улыбка, которая была ударом в живот. Он так сильно сжал ее руки, что потом на них остались синяки. Она не издала ни звука протеста.

— Я пролью за тебя кровь, Джей, — прошептала она. — Я буду истекать кровью за тебя бесконечно, лишь бы показать, что ты носишь мое сердце на рукаве. Оно всегда будет с тобой. Я буду истекать кровью за тебя, чтобы ты знал, — тебе не нужно быть одному в этом мире, думая, что там нет ничего, кроме тьмы и боли.

Воспоминание об этом чуть не поставило его на колени.

Джей собрался с духом, найдя ту часть себя, которая не была человеческой. Теперь он казался чужим, но так было нужно. Чтобы быть со Стеллой, ему нужно сохранить свою человечность. Чтобы найти ее, ему придется отказаться от всего этого.

Но что-то остановило его.

Некоторые люди.

Точнее, трое.

Женщины.

Сначала позвонила Рен.

Джей понятия не имел, как она узнала о случившемся, находясь в Непале, не разговаривая с Карсоном и — насколько он знал — не являясь частью преступной организации. Но она узнала и говорила с ним по телефону. Джей не хотел разговаривать с Рен. Не хотел слышать призрака того, что убили внутри

нее в тот день. Это наполнило его слишком большим сожалением и ужасом. Ужас от того, что он может найти Стеллу искаженной и опустошенной, как сейчас Рен, если он вообще найдет ее.

Но и повесить трубку он тоже не мог заставить себя.

— Я верну ее, — твердо сказал он, когда Рен дала понять, что ей известно о похищении Стеллы.

— Конечно, ты вернешь ее, — согласилась она.

Это ошеломило его. Ошелолил и лишил дара речи. Слепая вера в ее голосе. Уверенность. Доверие. Рен действительно доверяла ему. После всего, что он сделал с Рен, она все еще доверяла ему.

Бл*дь.

— Она беременна, Джей, — голос Рен был тихим, но в ушах Джея он звучал как рев. Он не мог слышать ничего, кроме биения своего разрушенного сердца, грохота, треска в костях. — Она не сказала мне, потому что не хотела причинять боль. Не хотела делиться своей радостью перед лицом моего горя. — Рен втянула воздух, и Джей удивился, что он все еще слышал ее, казалось, что тело отключилось.

— Но я знала. Хорошая подруга всегда знает. Мы все знали.

Джей по-прежнему молчал. Он, бл*дь, не мог говорить.

— Хорошо, я предполагаю, что ты сейчас в каком-то состоянии бодрствующей комы, потому что, несмотря на твои крутые навыки альфа-самца, ты не заметил, что она беременна, — продолжила Рен. — Но у тебя было дерьмо в жизни, так что не будь слишком строг к себе. Наша девочка сильная. С ней все будет в порядке. Найди ее, и с ней все будет в порядке. Я лечу домой следующим рейсом. Если она не вернется в твой дом и не будет есть свиные шкварки к тому времени, как я вернусь... Клянусь, черт возьми, я заберу ее сама.

А потом она повесила трубку, оставив его со всем этим.

Оставив его парализованным.

Вторая появилась вскоре после телефонного звонка. После того, как он в шоке и ярости уставился на стены своего кабинета, пытаясь переварить то, что сказала Рен.

Беременна.

Стелла, бл*дь, беременна.

Джей перебирал в памяти каждое мгновение последних трех месяцев. Затем он проклял себя. Нашел бы хлыст и, черт возьми, избил бы себя, если бы у него была возможность двигаться. Почти три месяца. И у нее не было месячных. А он, бл*дь, и не заметил. Возможно, один месяц задержки мог быть, учитывая то, что происходило.

Нет.

Даже один месяц был неприемлемым. Не было никакого оправдания тому, что он потерял концентрацию внимания и не замечал каждую мелочь в своей жене. Он настолько увлекся мыслями о том, что потеряет ее, что начал терять совершенно по-другому.

Она не пила. Он наливал ей вина, она осторожно потягивала его, никогда не наливая добавки, но ее бокал всегда был совершенно пуст, когда он возвра-

щался в комнату, даже если его не было меньше пяти минут.

И кофе тоже. Она не носила с собой кофейную чашку. Травяной чай. По утрам грызла сухой тост, выглядя более бледной, чем обычно. Ее соски. Ее гребаная грудь. Вздутая. Нежная.

Что, черт возьми, с ним было не так?

Он сделал своим делом замечать каждую гребаную вещь в своей жене с того момента, как встретил ее, наслаждаясь тем, как она улыбается, зная, что она нервничает, когда заправляет волосы за ухо, или заводится, когда прикусывает губу и впивается ногтями в ладони.

Беременная.

Его ребенком.

А сейчас она была в руках одной из самых смертоносных организаций в мире. В руках этого животного, Дмитрия. Джей разнес бы свой офис на куски голыми руками, если бы двери лифта со звоном не открылись.

— Что ты делаешь? — потребовала Зои, не сводя глаз с Джея. Они были полны вины и гнева, но больше всего страха.

— Все, что в моих силах, — ответил Джей, удивленный тем, что он смог говорить. Его голос звучал странно и отстраненно, хотя Зои была в полном фокусе.

На ней был ярко-красный костюм. Джею это не понравилось. Напоминало о том факте, что у его жены прямо сейчас может быть кровотечение. У его, черт возьми, беременной жены.

Зои быстро покачала головой, при этом ее кудри зашевелились.

— Нет, это не так. Потому что, если бы ты делал все, что в твоих силах, тогда моя девочка сидела бы здесь, дышала, невредимая, — выплюнула она. — Ее здесь нет. Следовательно, ты делаешь все, что в твоих силах.

Джей смутно задавался вопросом, откуда Зои вообще знала, что происходит, хотя это было чертовски глупо задаваться вопросом. Даже без Рена Зои бы узнала. Ясмин тоже. Эти женщины были умны, общительны и любили свою подругу. Возможно, они не знали, что именно происходит, но знали, что она в опасности, поэтому внимательно следили за ней, часто звонили, чаще писали сообщения, приходили домой, по крайней мере, два раза в неделю.

— Я знала. Я знала, — продолжила Зои, ее голос был полон вины. Вина, которую он заслужил. — Я знала, что ты причинишь ей боль. И ты это сделал. Сначала ты ранил ее сердце. Ты изменил ее мир. Втянул ее в свою темную, опасную и развратную жизнь. Мне это не нравилось, но она была счастлива, и я нашла покой в том факте, что ты плохой ублюдок. А плохие ублюдки готовы перевернуть рай, ад и все, что между ними, чтобы убедиться с его любимой ничего не случилось. И если что-то случится, я думала, ты все исправишь. Потому что в твоей жизни нет ничего хорошего, кроме нее. — Ее глаза были черным адом. — Кроме твоей любви к ней, — добавила она, понизив голос, но не менее угрожающе. — Это единственная правильная вещь в очень неправильном человеке. И это чертовски опасно для любого, кто собрался причинить ей вред. Так что испачкай свои гребаные руки кровью. Сделай так, чтобы это произошло.

Она долго смотрела на него, провоцируя Джея на спор, провоцируя его сделать что-нибудь, сказать что-нибудь. А когда он этого не сделал, она повернулась и ушла.

Затем появилась третья.

По пятам за злой, кровожадной женщиной пришли другие. Те, кто нес тепло, свет, покой, и за ней следовал мужчина с жесткой челюстью, который, наверное, пытался запретить ей приходить сюда.

Полли обняла его, прежде чем заговорить, даже не колеблясь перед энергией, которая окружала его, той энергией, которая заставляла всех его людей колебаться, прежде чем войти в комнату. Та энергия, которую Хит — муж Полли — умел распознавать.

— Мы здесь, чтобы помочь, — сказала она, когда наконец отпустила его. Она посмотрела на своего мужа, который совсем не походил на человека, желающего помочь Джею.

Сотрудники службы безопасности Гринстоуна действовали в пределах тьмы, но в основном были хорошими людьми с моралью. Настоящие герои. Единственная причина, по которой они общались со злодеем, была любовь.

Полли не видела разницы между серым и черным, между героями и злодеями. Она каким-то образом видела человека внутри. В этом была ее магия. Даже ее муж приехал сюда и предложил свою помощь.

Ее мужу пришлось пережить то, что убивало Джея. Ему пришлось пережить, видя, как его женщину сломали те же мужчины, что и Стеллу.

Полли каким-то образом выжила. Каким-то образом стала похожа на ту, кем была раньше, сумела удержать себя и своего мужа. Вероятность того, что это произойдет, была одна на миллиард. Вряд ли это было бы так, если бы со Стеллой что-то случилось. Не потому, что Стелла не была экстраординарной, а из-за Джея. Он не был таким человеком, как Хит, в нем не было ничего, что могло бы помочь жене исцелиться. Все, что у него было, — это способность убивать всех, кто причинил ей боль, и показывать ей их гребаные трупы.

Джей проглотил кислоту.

— Я ценю, что ты пришла, но мне не нужна помощь, — жестко возразил Джей. Ему нужно, чтобы Полли ушла. Женщина может быть какой-то волшебной, но всему есть предел. Предел тому, как долго Джей мог контролировать себя.

Полли склонила голову набок и наблюдала за ним.

— Я не могу понять, через что ты проходишь, но знаю человека, который понимает. — Полли остановилась, чтобы посмотреть на своего мужа, Джей ненавидел то, что произошло между ними, и не хотел ничего раздувать снова.

— Я знаю, что ты бы разрушил стены этого города голыми руками, если бы потребовалось. Разрывая их на части, окровавляя. Я прошу тебя попробовать сделать по-другому. — Хотя Полли была совсем не похожа на Зою — в ее взгляде не было той ненависти, что была у другой женщины, — она все равно была такой же решительной. Достоянная противница. Она не покинет его кабинет, не получив того, за чем пришла. И не подарив то, для чего пришла.

Помощь.

Поэтому Джей смягчился.

И служба безопасности Гринстоуна присоединилась к поискам Стеллы. Джей надеялся, что герои и злодеи смогут сотворить какую-то магию.

Но потом Джей вспомнил, кто он такой.
Здесь не было никакой гребаной магии.
Только разорение.

Джей задавался вопросом, когда позвонить Ричарду, сказать ему, что его дочь похищена. Будучи беременной его внуком.

Нет, он не хотел этого делать. Он либо позвонит ему, когда она благополучно вернется с известием о внуке, либо позвонит ему, когда найдет ее, с известием о смерти.

Час спустя

У него было пять человек, выстроенных на коленях. Они были схвачены его собственными людьми и теперь связаны. У каждого из них были связи с русской мафией, двое были «ворсами» — титул, который давался только тем, кто работал на мафию, и доказал свою лояльность. Эти двое стояли в конце очереди, дальше всех от Джея, с поднятыми вверх подбородками, стоически принимая свою судьбу. Остальные трое были в разной степени паники. Потный, дрожащий, умоляющий.

Джей не стал тратить время на слова. Он приставил пистолет ко лбу первого человека, выстрелил, затем перешел к следующему, пока первый еще не упал на пол. Он убил троих за столько же секунд.

Теперь ворсы выглядели немного неуютно.

— Я понимаю, что вы привыкли к определенному виду защиты, учитывая ваше положение, — сказал им Джей. — Что даже между нами, злодеями, существует кодекс относительно того, кого можно трогать, а кого нельзя. Некоторые заслуживают уважения. — Джей прижал дуло своего пистолета ко лбу первого. — Но здесь нет никакого кодекса. Не сейчас. Потому что ты прикоснулся к тому, на кого, черт возьми, никогда не следовало смотреть. У меня нет кодекса. Не будет пощады. Ваши смерти меня не обременят. Ни в малейшей степени.

Он нажал на курок.

— Итак, — он сделал паузу, направляя пистолет на единственного оставшегося человека, — скажешь мне что-нибудь или умрешь?

ГЛАВА 18

Стелла

Никто не причинил мне вреда.

По крайней мере, пока что.

Ну, тот, кого звали Дмитрий, с квадратной челюстью и жестокими глазами, ударил меня наотмашь, когда я сказала ему идти к черту.

С ним был мужчина постарше, с такими же глазами, как у Дмитрия, только чуть менее жестокими. У него были седые волосы, наверное, квадратная челюстью под седой бородой, и было видно, что он главный. Он схватил Дмитрия за запястье, когда тот поднял руку, чтобы опять ударить меня.

— Не прикасайся к ней, мой сын, — прошипел он. У него был акцент. Русский, конечно, поскольку я поняла, что именно русская мафия похитила меня.

Я спокойно осознала это, хотя, скорее всего, должна быть парализована от страха.

Может быть, я была в шоке. Я только что видела, как моему другу выстрелили в лицо. Я смахнула части его мозга со своей рубашки. Меня даже не вырвало, хотя последние несколько дней меня постоянно тошнит. Я испугалась. Вдруг, с ребенком что-то не так? Я продолжала ерзать на своем сиденье, высматривая хоть какую-нибудь влагу в нижнем белье или пятно на штанах.

Ничего.

Пока что.

Глаза Дмитрия вспыхнули.

— Почему, черт возьми? Разве не для этого мы привезли ее сюда? Чтобы наказать этого мудака?

Глаза мужчины были ровными и спокойными.

— Она здесь в качестве гостыи, чтобы убедить мистера Хелмика принять наше партнерство. Если его не удастся убедить, тогда мы ее отправим. С вежливостью.

Я почувствовала привкус желчи от твердости его слов. Там не было никакой угрозы. Ему не нужно угрожать мне. Я была пешкой во всем этом. Это гребаная русская мафия. Если я не выполню свою задачу, они убьют меня. Это несомненно.

Я заставила себя не плакать, не умолять. Я буду наблюдать. Верю, что Джей придет. И я буду бороться. Ради себя. Ради нашего ребенка. И ради Джея. Потому что, если что-то случится со мной, с нашим нерожденным ребенком, его бы не стало. Все следы человечности вытекли бы из него, как вода из ванны.

Он не причинит боль самому себе. Нет. Он причинит боль другим людям. Он причинит боль всем и каждому без угрызений совести. И именно поэтому он вредит себе. Мучает себя чувством вины и проживет каждое мгновение своей оставшейся жизни в агонии.

Этого не случится.

Я не связана. В этом не было никакой необходимости. Мы были в непристойно украшенной гостиной. Безвкусная, полна золота, жестких диванов и ковров за пятьдесят тысяч долларов. Я сидела на богато украшенном кресле, впиваясь ногтями в ткань, наблюдая, как отец и сын спорят о моей судьбе.

— Почему мы вообще беспокоимся об этой сучке? — потребовал Дмитрий, выдергивая руку из хватки отца и расхаживая по комнате.

Его отец остался на месте, наблюдая за ним.

— У нас есть люди, чтобы захватить его силой, — продолжил Дмитрий.

— Что? И позволить крови запятнать тротуары этого города? — холодно спросил его отец.

Глаза Дмитрия расширились.

— Да, отец, это именно то, что мы делаем. Это мы привыкли делать.

Его отец покачал головой.

— И это чуть не уничтожило нас, — мягко возразил он. — Мир изменился, и чтобы выжить, мы тоже должны измениться. Мы не деремся, как животные, на улицах, привлекая к себе внимание. Мы работаем в тени, где нас не смогут увидеть даже самые пронизательные глаза. Мы носим костюмы и выглядим цивилизованно при дневном свете. Мы развиваем отношения. Это путь вперед.

Дмитрий уставился на своего отца.

— Развиваем гребаные отношения? — Он вскинул руки. — Ты стал слишком добрым, старик.

Мужчина двигался размытым пятном даже для моих глаз, я очень внимательно наблюдала за ними. Его руки сомкнулись на горле Дмитрия прежде, чем тот успел моргнуть. Глаза Дмитрия выпучились, лицо покраснело, он издал хриплые, задыхающиеся звуки. Вцепился в морщинистые, но сильные руки отца, но это было бесполезно.

— Ты стал глупым, мой сын, — мягко возразил старик. — Ты был в подгузниках, когда мы вели войны на улице. Ты избалован, слаб и только притворяешься. Ты оборзел.

Лицо Дмитрия было таким красным, уже становилось фиолетовым, его руки слабели. Отец все еще держался крепко, задыхаясь, убивая своего сына.

— Забываешь, что твоя кровь может защитить тебя от многих вещей, но она не защищает тебя от меня, — продолжил он, говоря медленно, элегантно. С сильным акцентом, но его английский был безупречен. — Я все еще глава этой семьи. Я — причина, по которой эта семья все еще существует.

Наконец, он отпустил Дмитрия, тот рухнул на пол, задыхаясь, кашляя и хватаясь за горло.

Он с презрением посмотрел на своего сына сверху вниз.

— Ты видишь только поверхность. У Джея Хелмика гораздо больше скрывается под внешностью. Он умен. Он могущественен. Он совершенно безжалостен. Было бы глупо и самоубийственно подходить к нему раньше. Он был сильным и не имел слабостей.

Мужчина игнорировал меня с тех пор, как вошел в комнату. Но теперь его внимание было сосредоточено на мне, и под пристальным взглядом у меня похолодели кости, а по коже побежали мурашки.

— Теперь у этого человека есть слабость. Путь внутрь. Он сядет с нами за стол переговоров и будет вынужден выслушать наше предложение. Джей Хелмик — умный человек, он нам не откажет.

Я вздернула подбородок вверх.

— Ты ошибаешься, — возразила я ему твердым голосом. Быть слабой, уязвимой женщиной прямо сейчас мне не поможет. Я вспомнила разговор с Рен, который, казалось, был целую вечность назад, когда я была уверена, что не могу быть такой женщиной. Не смогу быть женой человека, который имел дело с русской мафией.

Но в этот момент я поняла, что могу.

— В чем, *милая*? — Хотя ласковое обращение было на другом языке, я поняла его покровительственный тон, он едва ли даже сосредоточился на мне. Для него я не стоила никакого внимания. Не представляла угрозы. Он и не подозревал, что, если бы был шанс, то все произошло бы наоборот.

— Он не будет сидеть с тобой за столом, — ответила я, выпрямляясь на своем месте. Мне нужно перестать баюкать свой живот, привлекая к нему внимание. Если они узнают, что я беременна, все станет еще опаснее для меня, для Джея. Для нашего ребенка.

Хорошо, что Джей не знал. Так он будет более опасным и непредсказуемым.

— Ты кое-что у него отнял, — продолжила я. — Ты, — я кивнула Дмитрию,

все еще хрипящему на полу, — дотронулся до меня своими руками. От этого пути назад нет. — Я широко улыбнулась. — Он убьет вас всех.

Мужчина наблюдал за мной, и меня от этого затошнило. Потому что его взгляд был похож на то, как Джей обычно смотрел на меня, пытаюсь разорвать на части.

— Ты понятия не имеешь, кто мы такие, милая, — сказал он наконец. — Твой муж могущественен. Он безжалостен. Но и мы тоже.

— Я понимаю, кто вы, — возразила я, поддерживая зрительный контакт. — И ты думаешь, будто знаешь, насколько безжалостен мой муж. Но вы только что подтолкнули его к краю пропасти. Теперь не имеет значения, кто вы, черт возьми. Он не проявит к вам милосердия, он уничтожит всех.

Джей

Джей не получил никакой информации от ворса. И никакого удовлетворения от их смерти тоже. Он не может спасти ее. Не может спасти свою чертову жену. Джей сидел в своем офисе в «Клатч», глядя на пустой танцпол, задаваясь вопросом, увидит ли он когда-нибудь Стеллу снова. Станет ли он когда-нибудь снова человеком.

Когда Фелисити вошла в дверь его кабинета, он был готов причинить ей боль. Не имело значения, что у него был кодекс о причинении вреда женщинам. У него больше не было кодекса, потому что не было ни религии, ни места поклонения, ни гребаной Стеллы.

Джей был опасным человеком, и Фелисити это понимала. Потому что она знала его. Или знала, кем он был раньше, когда был моложе, слабее, когда не был готов сжечь весь мир дотла, чтобы снова почувствовать запах волос своей жены, почувствовать, как их ребенок растет у нее в животе.

— Я знаю, где она, — заявила Фелисити, когда он встал, обходя свой стол, чтобы сделать черт знает что.

Это остановило Джея на полпути.

— Тебе лучше рассказать мне больше, и откуда ты это знаешь, если хочешь покинуть эту комнату живой.

Фелисити не выглядела испуганной. Она не боялась угроз со стороны мужчин, даже когда эти мужчины были готовы довести их до конца. Фелисити была дочерью очень влиятельного человека, из очень старой семьи, которая не дружила с Кузнецовыми.

— Мой отец наблюдал за ними, ожидая удара, — сказала она, не сводя с него глаз. — Он знал, что они отвлекутся, будут озабочены тобой. Я не знала, что она пропала, иначе бы пришла раньше.

— Где она, черт возьми? — потребовал Джей с дрожью в голосе.

Джей ушел в ту же секунду, как Фелисити назвала местонахождение Стеллы. Он знал, что та ожидала большего, хотела что-то сказать, может быть, какие-то слова прощения, но у него не было времени.

Ему нужно добраться до своей жены.

До своего ребенка.

Ему нужно пролить кровь всех, кто подумал забрать ее.

Тридцать минут спустя

Он был весь в крови. Какая-то могла принадлежать ему. Он надеялся на это. Он заслужил. Через что бы ни прошла Стелла, ему нужно в десять раз больше. Если он найдет ее раненой, мертвой, он мог только надеяться, это на то, что его тоже убьют.

Даже если бы она была нетронута, если это какой-то гребанный идеальный мир, где его жена — *его беременная жена* — похищена русской мафией, и они не подняли на нее руку, она не выйдет невредимой. Останутся шрамы. Он понимал, что не смог защитить ее. Стелла не стала бы винить его. Но он всю жизнь будет винить себя. Ненавидеть. Если ему каким-то образом посчастливится прожить всю жизнь со своей женой.

С их ребенком.

Он больше не думал.

Больше не мог думать.

Он должен сосредоточиться на убийстве. В этом он хорош. Великолепен. А быть мужем, отцом, быть человеком — вот там он потерпел неудачу.

Особняк на побережье хорошо охранялся. Хотя они были достаточно самоуверенны, думая, что Джей их не найдет, они не были настолько глупы. Джей не привел много людей, потому что в этом нет необходимости. Они убивали тихо, не хотели, чтобы старик знал об их появлении. Как только он узнает об этом, то может убить Стеллу.

Охранники Гринстоуна были на периметре, потому что Джей сказал им оставаться там. Он знал, что у них будут мысли о милосердии, как только они захватят дом.

Здесь не было места милосердию. Нет места героям.

Они никого не оставляли в живых. Ни одного. Карсон был рядом с ним, когда они вошли в гостиную. В комнату, которая тщательно охранялась. В комнату, где находилась Стелла.

Он думал лишь о ней, когда перерезал горло самому последнему человеку, стоявшему у него на пути. Он шел к ней, залитый кровью своих врагов, с глазами, полными смерти и насилия. Он шел к ней, как монстр.

Потому что сейчас он такой и есть.

Стелла

Я только что закончила есть.

Они подали мне стейк, жаркое и картофель. Хотя мой желудок скрутило при виде мяса, я съела его, потому что мне нужны силы. И потому что мне нужен был нож для стейка, которым я резала кровавое мясо.

Старик наблюдал, как я ем, сидя напротив и поедая свой собственный стейк. Это был предсказуемый ход, когда заложник прикарманивает столовое серебро, так что мне это никогда не сойдет с рук, если я попадусь.

А нам не хватало отвлекающих факторов. Быть заложником на самом деле оказалось намного скучнее, чем я думала. Конечно, было скрытое ощущение, что я могу умереть в любой момент. Но я знала, что они взяли меня не просто так, они не убьют меня, пока не встретятся с Джейем.

Джей сделает все, чтобы сохранить мне жизнь.

Поэтому я ждала.

Очень долго.

Больше меня не били по лицу. Дмитрий приходил и уходил из комнаты, наконец, устроился в углу, пил водку, бормоча что-то себе под нос, как угрюмый подросток.

Моя щека была горячей. Будет синяк под глазом. Первый раз в жизни меня ударил мужчина. Я знала, что он недолго пробудет в этом мире.

— Я не думал, что Джей Хелмик настолько глуп, чтобы влюбиться, — прокомментировал мне старик, с интересом наклонив голову. — Полагал, он слишком умен для этого. — Его глаза пробежали по мне. — Но я понимаю его. Ты красивая женщина.

— Ты приказал стрелять, в результате чего погиб нерожденный ребенок моей лучшей подруги, — выплюнула я. — Следовательно, ты злой, вонючий кусок грязи, и я не могу дождаться, когда узнаю, что ты гниешь в аду.

Он ухмыльнулся, показав все свои зубы.

— Да еще и дерзкая, — кивнул он. — Тот, кто со мной так разговаривал, больше не тоскует по миру.

Я схватила нож для стейка, страстно желая вонзить его в его морщинистую шею.

— Это не твой мир, приятель, — огрызнулась я. — А моего мужа.

И, как будто я, бл*дь, рассчитала время, двери с грохотом распахнулись.

Первый мужчина был весь в крови, в черном костюме и с обручальным кольцом. Пистолет в одной руке, нож в другой. Нефритовые глаза сфокусировались на мне. Дмитрий упал со стула, опрокинув при этом бутылку водки. Я подумала, что он потянулся за пистолетом, но Карсон оказался быстрее. Это было прекрасное зрелище: Карсон приставлял нож к горлу мужчины.

Я двигалась быстро, не думая, оттолкнувшись от своего места и бросившись к Джею, все еще сжимая нож.

Джей тоже быстро двинулся ко мне. Но он не дал мне того, чего я хотела, он не притянул меня в свои объятия, не позволил мне понюхать его, прикоснуться к нему. Он переместился на то место, где обещал мне стоять... прямо передо мной.

Он должен был это сделать. Сейчас у каждого свое дело, нет времени для романтики. Так что я ограничилась тем, что прижалась к его спине, впервые за несколько часов дыша легко. Я не чувствовала запаха крови, смерти, если у таких вещей есть запах. Я только учуяла запах Джея.

Старик небрежно встал из-за стола, выглядя слишком спокойным для человека, которого сильно превосходило множество мужчин и женщин с ножами и пистолетами. Я узнала большинство из них.

Но только не было Эрика. Эрик теперь мертв.

— Твои люди мертвы, — заявил Джей, обращаясь к старику.

Его голос был музыкой. Поэзией. Как стакан ледяного лимонада в блаженный летний день.

Старик кивнул один раз, без огорчения или потери.

— Уведите ее, — приказал Джей, глядя не на меня, а на Дмитрия и его отца. Его голос был ледяным. Смертоносным.

Хотя этот голос царапал мою кожу, я держалась крепко, глядя на его профиль.

— Я никуда не пойду, — заявила я, выдергивая свою руку из руки Карсона.

Когда взгляд Джея метнулся ко мне, я хорошо спрятала свою дрожь. Он уставился на меня, как на незнакомку.

Он кивнул один раз, затем снова повернулся к отцу и сыну.

— Ты переступил черту, — заявил Джей. — Ты переоценил свою силу, недооценил мою. Ты проиграл в ту же секунду, как начал охотиться за женщинами. — Его взгляд метнулся к Карсону, затем к моему животу. — И детьми.

Мой желудок сжался, а во рту пересохло. Он знает. Каким-то образом он узнал. Понял ли он это сам или кто-то — скорее всего, Зои или Рен — сказал ему, не важно. Он знает. Это совсем не тот способ, которым я хотела поделиться шикарной новостью со своим мужем, совсем нет. С другой стороны, я не планировала делать какой-то милый сюрприз с тестом на беременность в коробке с пинетками или что там люди делают в социальных сетях.

Нет, но этого я тоже не ожидала.

— Каковы твои условия? — спросил старик, задрав подбородок, в глазах не было страха.

— Ты убьешь своего сына, — сказал Джей.

Старик уставился на Джея без эмоций, без удивления.

— Очень хорошо.

Дмитрий уставился на отца, его лицо приобрело различные оттенки красного и фиолетового, когда он боролся в руках человека, который держал его.

— Ты не серьезно! Я твой сын, я наследник...

— Ты — ничто! — взревел отец Дмитрия, преодолевая расстояние между ними. — Ты — причина, по которой я стою здесь, а мои люди, мои друзья и братья убиты, потому что тебе захотелось поразмахивать своим членом. Потому что ты увидел самого могущественного человека в городе и захотел доказать, что ты сильнее его. — Он шагнул вперед, почти нос к носу столкнувшись со своим сыном. — Чему я пытался научить тебя все эти годы? Когда ты пытаешься доказать свою силу — у тебя ее больше нет.

Дмитрий теперь тяжело дышал, страх превратил его лицо во что-то маленькое, слабое, жалкое.

— Отец, — прошептал он.

Он погладил сына по щеке.

— Я люблю тебя.

Затем он поднял пистолет и выстрелил своему сыну в висок.

Я не закричала, хотя внутри просто орала, не в силах отвести взгляд. Вижу, как второй человек за сегодня умирает. Только этой смерти я очень рада.

Старик бесстрастно смотрел на труп сына, но довольно долго. Больше никто не произнес ни слова. Мы просто ждали.

Затем мужчина поднял голову, его лицо исказилось от ярости и ненависти.

— Всё. Ты отомстил.

Джей кивнул мужчине, который держал Дмитрия. Он рванулся вперед и выхватил пистолет, который старик безвольно держал в руке. Это было не очень впечатляюще; я бы подумала, что командир российского преступного синдиката будет сражаться, чтобы избежать поражения так легко и без какого-либо сопротивления.

Теперь он был очень похож на обычного старика.

Джей шагнул вперед, держа свой пистолет.

Старик не отступил.

— Такие люди, как ты, думают, что могут причинить нам вред, — выплюнул он. — Думаешь, можешь уничтожить мою семью. Хочешь показать старой семье, какая у тебя сила. Какой силой ты обладаешь. Такой, как ты...

— Таких людей, как я, нет, — перебил его Джей. — Есть только я. — Он приставил пистолет ко лбу старика. Затем нажал на курок.

Выстрел отозвался эхом. Тело с глухим стуком упало на пол.

ЭПИЛОГ

Восемнадцать месяцев спустя

Мой отец женился в Новой Зеландии.

На Джанет.

Она была вполне счастлива жить в Миссури с моим отцом, но намеревалась выйти замуж на пляже в Новой Зеландии. Поскольку мой отец безмерно обожал ее — боготворил, — он, конечно, согласился.

Они поженились на пляже, на том, который я когда-то считала своим, на том, который оказался их. Я была более чем рада этому.

Руби была их цветочницей. Она шла к алтарю со своим отцом, потому что ей не нравилось быть далеко от него. И потому, что она нетвердо стояла на своих маленьких ножках. Ему тоже не нравилось находиться от нее вдали.

Руби была папиной дочкой. Я не возражала, она также была маминой дочкой. У нашей красивой темноволосой девочки с изумрудными глазами было более чем достаточно любви для нас обоих. Для всех. Она была счастливым ребенком. Мирной. Даже почти не плакала.

Вначале я постоянно разговаривала по телефону с доктором, волнуясь, что с ней что-то не так. С ней должно было быть что-то не так.

Но она была совершенна.

Джей был с ней спокоен. Терпелив. Он ее обожал. Так же, как меня. Его руки всегда были на мне, губы тоже, он ждал того дня, когда доктор разрешит нам снова заняться сексом. Хотя мы не очень хорошо справлялись с ожиданием, так как я быстро выздоравливала, и голод по моему мужу было невозможно отрицать.

Мы стали родителями, и это полностью изменило ландшафт нашего мира, мы не поменялись. У нас все еще были свои проблемы, у Джея все еще были свои демоны.

Но мы сражались. Друг для друга.

Для нашей дочери.

Та, кто пролетела через весь мир всего в годовалом возрасте, ни разу не пикнув. Всю поездку она счастливо провалялась в объятиях отца. И потом, она никогда не отходила от дедушки, они тоже друг друга обожали.

Мы все остались в коттедже, который когда-то был моим убежищем. Коттедж, который снова свел нас с Джемем вместе. За несколько дней до свадьбы он посадил нас в машину, не сказав, куда мы едем. И Руби, и я были довольны обществом Джея и более чем счастливы позволить ему вести нас вперед. Мы ехали, восхищаясь пейзажами, которые у меня не было возможности увидеть здесь в первый раз. Руби тоже была счастлива, смотрела в окно, играла со своими игрушками, хихикала над отцом. Мы оказались в национальном парке

«Тонгариро», чтобы подняться на гору в Новой Зеландии. Последнее в моем списке, так как мы остановились на Бали на неделю, прежде чем приехать сюда, наблюдали за заходом солнца, попивая коктейли и поедая самую замечательную еду в мире. Руби нравились наши приключения. Она была счастлива быть пристегнутой к рюкзаку и идти пешком шесть часов. Я была не так счастлива, ведь мой уровень физической подготовки был не совсем на пике. Но оно того стоило. Абсолютно.

— Мне придется составить новый список, — прошептала я, прислоняясь к Джею и глядя на пейзаж вокруг нас.

— Составь столько списков, сколько захочешь, — ответил Джей, целуя Руби в макушку. — Я проведу жизнь, выполняя все по очереди.

Так что да, все было чертовски здорово.

Мы вернулись в коттедж на свадьбу.

Я была шафером папы, счастливо стояла рядом с ним, он нарядился в черный костюм от «YSL», хотя я перестаралась с нарядом для свадьбы, где невеста ходила босиком.

Рен, Ясмин и Зои тоже присутствовали, тоже одетые от кутюр, так что мне было все равно. Когда я стояла и смотрела, как отец дает клятвы, а муж в первом ряду сидел с довольной дочкой на коленях, поняла, что в мире нет ничего плохого. По крайней мере, не в этот момент. Я знала, что жизнь Джея — наша жизнь — будет такой не всегда. У нас не всегда есть покой. Все еще были ночи, когда Джей приходил домой с окровавленными руками и смертью во взгляде. Его демоны все еще вцеплялись ему в горло, пытаясь убедить его, что он недостойн, что он слишком порочен для нас.

Он все еще ненавидел себя.

Но он делал это реже. Намного.

У нас было много поводов для празднования. Например, в честь того, что мы это сделали. С церемонией и вечеринкой на пляже, огромными палатками, установленными прямо на песке, переполненными людьми, музыкой и едой. Но на вечеринке заметно отсутствовал один человек.

— Хэй. — Я протянула Рен бокал вина, прежде чем сесть рядом с ней на песок.

Она взяла его с улыбкой. Печальной. Все еще грустной. Моей замечательной подруге еще предстояло вернуть свет в свою жизнь. Ей еще предстояло выпустить Карсона обратно. Он не прекращал попыток.

Рен не говорила об этом, о том, что происходило между ними. Ни единого слова. Ни мне, ни Зои, ни Ясмин, ни Джею. Эти двое стали очень близки. Мне нравилось, поскольку ни Зои, ни Ясмин не дружили с Джем. Хотя Зои заметно потеплела после моего похищения. Что-то изменилось между ними двумя, и я была рада этому.

— Хэй. — Рен чокнулась своим бокалом с моим.

Мы смотрели на закат, пока музыка с вечеринки разносилась по пляжу.

— Я рада за твоего папу, — заметила она. — Он настоящий секс, и я бы сама вышла за него замуж, если бы он не перестал болтать о том, что я слишком молода.

Я рассмеялась, на мгновение посмотрев на профиль своей подруги, прежде чем снова повернуться к закату.

— Он этого заслуживает, — согласилась я. — Счастья. Точно так же, как и

ты.

Рен продолжала смотреть на океан, делая большой глоток своего напитка.

— Я пытаюсь, Стеллс. Клянусь, я пытаюсь.

Я сморгнула слезы. Это было самое близкое наше общение за долгое время. Она была в штатах с момента моего похищения, приезжая и уезжая на протяжении всех месяцев моей беременности. Я знала, что ей было тяжело видеть, как у меня растет живот, вспоминать, что она потеряла. Она была счастлива за меня. Она осыпала меня любовью и подарками, но я знала, что это убивало ее. Знала, что она была ходячей раной. Но так или иначе, Рен продолжала сражаться. Она безмерно обожала Руби, баловала ее и никогда не уставала от игр с ней.

— Я знаю, милая, — прошептала я, потянувшись к ее свободной руке и сжимая ее. — У тебя получится.

Она посмотрела на меня, в ее глазах блестели непролитые слезы. Похоже, она, возможно, была готова наконец поговорить со мной, если бы кто-то не позвал меня по имени. Ну, теперь это мое имя.

— Мамочка!

Мы оба посмотрели на звук.

Руби бежала по песку, отец держал ее за маленькую ручку и медленно шел рядом с ней. Вероятно, она отказалась, чтобы ее несли на руках, потому что была волевой и независимой. И Джей не стал бы спорить со своей дочерью, потому что Джей всегда позволял своей маленькой принцессе командовать. О, мы повеселимся в ее подростковые годы.

— Я счастлива, — сказала Рен, наблюдая за ними. — Видеть тебя такой, детка. Видеть, как ты получаешь все, чего заслуживаешь. И даже больше.

Я сжала ее руку.

— Ты тоже получишь это, я обещаю. — Я молча поклялась убедиться, что найду способ сдержать это обещание.

Рен встала, ничего не сказав, просто поцеловала меня в щеку и подбежала к Руби, подняла ее в воздух и поцеловала в щеку, прежде чем опустить на землю и прошептать что-то на ухо. Руби хихикнула, и звук разнесся над океаном.

Затем она убежала от своей тети Рен в мои объятия. Я высоко подняла ее и крепко прижала к себе. В следующую секунду руки Джея обняли нас обоих.

Он поцеловал Руби в щеку, потом в мою. Я вдохнула. Запах моей дочери, моего мужа и запах океана. Самые сладкие запахи в мире.

Джей

Они обе спали.

Обе его девочки.

Он наклонился, чтобы поцеловать дочь в макушку, вдыхая самый сладкий запах в мире, смешанный с запахом волос его жены.

Джей погладил ее по пухлой щеке и вернулся в постель. Стелла тут же свернулась калачиком рядом с ним, крепко заснув, прижимаясь к нему, доверяя ему. После всего случившегося его теплая, чистая и добрая жена по-прежнему доверяла ему во всем.

Он не заслуживал такого доверия. Он не заслуживал ни того, ни другого. Но это есть. И да поможет бог любому, кто попытается отнять их, ведь тогда он

окрасится их кровью.

КОНЕЦ

Книга про Рен и Карсона будет называться «Здесь умирает надежда».

Прочитать можно в группах:

<https://vk.com/bookhours>

<https://vk.com/towwersauthors>